

Об авторе.

Ренад Азальевич Ягудин – пресс-секретарь Гидрометцентра ФГБУ “Западно-Сибирское УГМС”, Заслуженный Метеоролог Российской Федерации, кандидат географических наук.

Родился в Казани в 1940 году. В 1963 году окончил географический факультет Казанского государственного университета по специальности “Метеорология” и был направлен на работу в Новосибирское Бюро погоды. В 1969 году окончил заочное отделение аспирантуры Ташкентского государственного университета, а в следующем году защитил диссертацию на тему “Грозы и шквалы в Новосибирской области”.

В 1973 году был избран на должность заведующего лабораторией долгосрочных прогнозов погоды СибНИГМИ. В 1983 году стал начальником Гидрометцентра ФГБУ “Западно-Сибирское УГМС” и возглавлял его до 2005 года. Всего им опубликовано более 50 научных и методических работ по проблемам долгосрочного и краткосрочного прогноза погоды. Некоторые из разработанных им методов нашли применение в оперативной практике

прогностических органов Росгидромета. Под его руководством коллективом Гидрометцентра проведена значительная работа по развитию и совершенствованию гидрометеорологического обеспечения потребителей прогностической и режимной информацией на бюджетной и договорной основе, внедрению передовых методов и технологий работы.

Являлся членом Научно-координационного Совета Росгидромета по Урало-Сибирскому региону. Принимал участие в 1998 году в работе регионального Семинара ВМО по проблемам прогноза погоды в Праге. В период 1970-1988 годов был экспертом Госкомгидромета СССР по метеорологическому обеспечению работ Семипалатинского ядерного полигона. Член Учёного Совета СибНИГМИ, Технического совета УГМС.

За многолетний и добросовестный труд Р.А. Ягудин награждён знаком “Отличник Гидрометслужбы СССР”, медалью “За доблестный труд”. Мэрия Новосибирска и правительство Новосибирской области наградили его знаками “За труд на благо города”, памятными знаками в честь 75-летия и 80-летия области. От имени ассоциации национальных автономий области Р.А. Ягудин награждён знаком “Дружба народов”.

Предисловие

В начале 2019 года ко мне обратилась заведующая музеем нашего Западно-Сибирского Управления Гидрометслужбы Татьяна Николаевна Дяденко с предложением провести выставку – экспозицию материалов и документов о моей жизни и деятельности в Западно-Сибирской Гидрометслужбе. Я согласился, поначалу без особого энтузиазма. Но отбирая из множества хранящихся у меня документов, фотографий, книг, вещей те, которые, как мне казалось, были бы интересны посетителям музея, я постепенно всё больше и больше увлекался воспоминаниями. С течением времени, особенно, когда началась кампания (указания и поручения) по проведению мероприятий, связанных с празднованием 185-летия Гидрометслужбы России, я посчитал, что должен дополнить музейную экспозицию рассказом о развитии Гидрометслужбы (Сибири, России, Советского Союза), которое я наблюдал в течение многих лет и в котором есть и мой посильный вклад. После обсуждения с коллегами, друзьями, руководством Гидрометцентра было решено, повествуя о своём творческом пути, рассказать о своих товарищах по такой нелёгкой, но интересной и нужной работе, отобразить влияние ведущих специалистов, учёных, лидеров Гидрометслужбы самого разного масштаба (и региональных, и государственных) на мою судьбу. Встречи с некоторыми лидерами были длительными по времени, некоторые – короткими, но удивительно, что даже краткие встречи, вследствие то ли своей значимости, то ли эмоциональности, производили сильное впечатление и оставили свою зарубку в памяти на долгие годы. Как дополнение к моему рассказу был сделан своего рода фильм – набор слайдов, скомпонованных в хронологическом порядке.

26 апреля 2019 года, то есть в день 185-летия указа императора Николая I о создании Гидрометслужбы России, в музее состоялась встреча с коллективом Западно-Сибирского

УГМС, ветеранами Службы, другими заинтересованными лицами.

Встреча в музее была ограничена по времени, и мне пришлось провести селекцию всех воспоминаний и оставить для слушателей только самое-самое... Мне показалось, что и музейная экспозиция, и моё выступление были интересны присутствующим. А я к этому времени настолько погрузился в прошлое, что было невозможно сразу “вынырнуть”. Поэтому я решил создать более подробное описание “жития довольно известного в Новосибирске ветерана Гидрометслужбы”.

Приношу извинения всем, кого я не сумел упомянуть, тем, кто уже находится в мире ином и тем, кто ещё жив: ветеранам Службы и тем, кто продолжает трудиться.

Глава 1. Родители, детство, юность

Этот симпатичный бутуз, сидящий на кровати, весело и с любопытством взирающий на окружающий мир – это я. Здесь мне примерно полгода. А родился я 17 мая 1940 года в Казани, в семье татарских артистов.

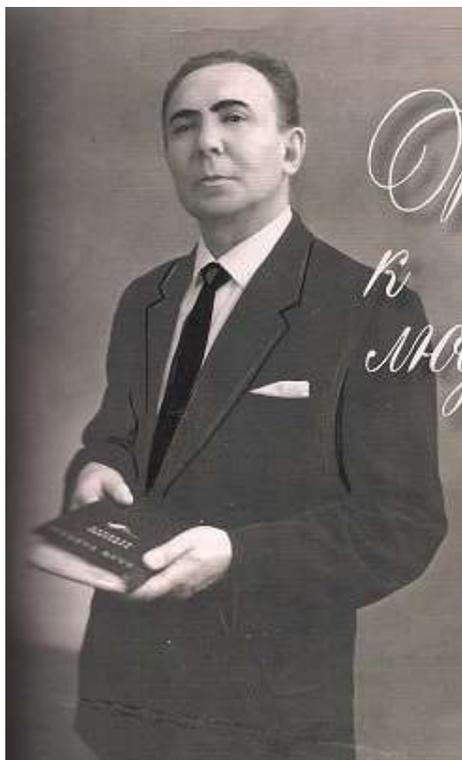

На другой фотографии (май 1944 года) мне уже почти четыре года, я рядом с отцом. Здесь малыш более серьезный, и явно чем-то озабочен.

Отец мой, Азаль Бадретдинович, мастер художественного слова, артист Татарского Государственного Академического театра им. Галиаскара Камала и татарской филармонии им. Г. Тукая, Заслуженный артист Республики Татарстан. Он блистал в ролях комических и характерных, чаще – трусов, подлецов, дезертиров, всякого рода мерзавцев, что травмировало мою детскую психику и отношения со сверстниками. По-настоящему я мог гордиться только одной его театральной работой – ролью Шурале (Лешего), невероятно атлетической ролью - он то проваливался в подzemелье, то взлетал к вершинам сцены. Мог бы гордиться, но Шурале столько гадостей строил хорошим людям... Отец был блистательный конферансье на эстраде и чтец – исполнитель произведений М. Джалиля, Г. Тукая, Х. Туфана, Ф. Карима, других татарских поэтов и писателей, особенно в жанре

мелодекламации: чтение он сопровождал виртуозной игрой на аккордеоне и пением.

К 100-летию со дня рождения отца я написал большой рассказ о его жизни и творчестве, который был опубликован в журнале “Казань”, №12, 2008 год.

Мама - Абканеева Мастюра Мухаммедовна, театральный псевдоним Ижевская, ибо родилась в Ижевске, в семье рабочих Ижевского завода. Участница гражданской войны, воевала за Советскую власть. Входила в группу татарских артистов в составе политотдела 28-й стрелковой дивизии легендарного героя гражданской войны, комдива В.М. Азина. Дивизия воевала на Восточном фронте против Колчака, участвовала в боях за освобождение Ижевска и Агрыза в 1919 году. Затем мама вместе с другими татарскими артистами попала в ряды политотдела татаро-башкирской стрелковой

бригады Я.Д. Чанышева, будущего генерала Советской армии. Эта бригада входила в группу войск Туркестанского фронта Красной Армии под командованием М.В. Фрунзе, которые очищали Среднюю Азию от басмачей и войск бухарского эмира. Из сказанного следует, что основным оружием мамы и её коллег артистов были музыка, песня, танец. Артисты ставили спектакли, организовывали митинги, правда, порой брали в руки оружие.

В 30-40-х, начале 50-х мама вместе с отцом была актрисой драмы, певицей татарской филармонии: у неё был сильный, красивого тембра голос (лирико-драматическое сопрано широкого диапазона; в 70-летнем возрасте она свободно брала верхнее ре-бемоль). Я не помню, чтобы в театре она исполняла главные роли, скорее это были роли второго плана. И всё же одну её роль, яркую и героическую, в

пьесе “Священная клятва” драматурга Т. Гиззата я хорошо помню.

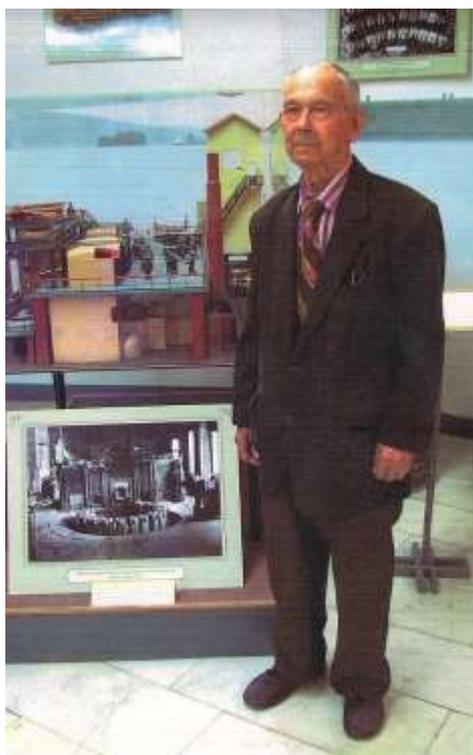
...Застенки гестапо. Моя мама – партизанка в невероятно окровавленном одеянии, её пытаются, она ни в чём не признаётся. Взбешённый её упорством, гестаповец вырывает ей глаза. (Неискушённые сельские зрители стонут от ужаса.) Партизанка собирает все силы и кричит: “Я всё равно вижу! Москву, Сталина вижу!” В зале бурная, бешеная оvação... (На таких патриотических пьесах воспитывалось наше поколение.)

В начале 2018 года по заказу Ижевского музея я написал довольно большой рассказ о жизненном и творческом пути мамы. Фрагменты рассказа были опубликованы в сборнике материалов, посвящённых событиям так называемого Ижевско-Воткинского восстания 1918 года (книга “Декалог”). Добавлю:

С. Файзулин

в семье Абканеевых было 6 сестёр, у некоторых из них дети стали знатными людьми Удмуртии и всей страны. Среди них Саидбаттал Файзулин, заслуженный деятель науки и техники, главный инженер завода Ижмаш, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени и других наград: человек, сотрудничавший с Главным Оружейником страны М. Калашниковым и министром обороны Д. Устиновым. Назову ещё знатного металлурга, ветерана завода Ижсталь Хурмата Диганьшина.

Х. Диганьшин

...Утром 1 сентября 1947 года меня разбудили крики ребятишек со двора нашего дома артистов: "Ренатка! Айда в школу!" Помню солнечное утро, залитый солнечным светом школьный двор. На партах лежали тетрадные листки. Кроме школьников за некоторыми партами сидели молодые парни и девушки, видимо студенты. Учительница предложила писать палочки с крючочками. Я вздохнул и стал писать...справа налево, памятуя, как это делает отец. Студенты подсказали, что надо писать слева направо. Бережно храню я те первые школьные листки, а также школьные дневники разных лет (с вечными четвёрками и пятёрками), похвальные грамоты с портретами Ленина и Сталина. Начал я учиться в мужской школе, а закончил в смешанной - в 1954 году ввели совместное обучение мальчиков и девочек.

*Ученик пятого класса, серьёзный мальчик в модной тогда
вельветовой куртке.*

С детства я увлекался географией, путешествиями, описаниями приключений великих мореплавателей и путешественников, отслеживал их дороги по картам и атласам. В нашей семейной библиотеке было несколько особенно ценных для меня книг: “История географических открытий” Бейкера, 1950 года, описание кругосветных плаваний М. Лазарева, 1951 года, книга о путешествиях Н. Пржевальского – уникальное довоенное издание (февраль 1941 г.), географический атлас для учителей 1955 года. Когда я стал постарше, мне захотелось, чтобы моя будущая профессия была бы связана не только с географией, но и с физикой и математикой. Оказалось, что есть такая наука, и называется она “метеорология” – наука о физике атмосферы и предсказании погоды. И такую науку изучают и преподают в Казанском университете, на географическом факультете. Возможно,

влияние на выбор профессии оказала и моя сестра Гульшат, которая в годы Отечественной войны работала метеорологом в Сталинградской школе военных лётчиков.

Среднюю школу я окончил успешно, с золотой медалью, но вступительные экзамены в ВУЗ мне пришлось сдавать по всем предметам; в том году (1958) все льготы для медалистов отменили.

Глава 2. Казанский университет. Студенческие путешествия.

Итак, последний барьер преодолён. И я студент первого курса метеорологического отделения географического факультета Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова - Ленина. Именно таким перечислением всех регалий любил меня встречать после лекций мой отец.

Казанский университет. Построен в 1804 году.

Заведующим кафедрой метеорологии был Николай Васильевич Колобов, известный учёный - климатолог, защитивший кандидатскую диссертацию по климатологии Поволжья. Позднее мы узнали, что в годы войны он руководил метеообеспечением 4-й воздушной армии.

Н. В. Колобов

Р. И. Гумерова

Познакомились мы с куратором нашей группы, миниатюрной, изящной женщиной, доцентом Рукией Исхаковной Гумеровой. А деканом географика был живой, подвижный географ Галим Валеевич Фазлулин; говорил он по-русски с жутким татарским акцентом, но его это ничуть не смущало. Потом мы узнали, что его брат Х. Фазлулин работает дирижёром в Татарском оперном театре.

На фотографии преподавательского состава географика 1948 года Г. В. Фазлулин второй слева в первом ряду. На этом же снимке обращает на себя внимание группа элитарной профессуры, я бы сказал, “старорежимного” облика (с бородой): проф. Сементовский, написавший монографию “Русские открытия в Антарктиде” и проф. Воробьёв, автор книги “Казанские татары”.

Преподаватели географика КГУ. 1948 год

В 1958 году вместе со мной поступил на учёбу на географак Юрий Петрович Переведенцев. С начала 80-х годов он стал заведующим кафедрой метеорологии Казанского университета. Учёному миру он теперь известен как доктор географических наук, Заслуженный деятель науки России, автор 300 научных работ и 11 монографий по вопросам климатологии и циркуляции атмосферы.

Не могу сказать, что в период учёбы меня сильно увлекали специальные дисциплины: метеорология, аэрология, климатология и другие. Большой интерес я проявил к практикуму по общему землеведению, когда надо было “излазить” весь географический атлас и запомнить сотни названий географических объектов: островов, мысов, озёр, проливов и т.д. Заинтересовал меня курс океанологии; кстати, на третьем курсе я писал курсовую работу на базе богатейшего фонда университетской библиотеки с описаниями путешествий

выдающихся российских мореплавателей XIX века. Как ни странно, увлекательными были курсы “Истории КПСС”, которые вела совершенно очаровательная и доброжелательная молодая женщина, доцент Т.В. Порфирьева. В первый же день учёбы она повела нас в старинную аудиторию университета, где якобы начинал учиться юный Владимир Ульянов. Да и относилась Тамара Васильевна к деятельности вождя революции не казённо, а с какой-то теплотой: “И вот тут Ильич здорово сказал...” А как захватывающе чеканно и современно звучали строки “Манифеста Коммунистической партии” К. Маркса и Ф. Энгельса: “Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма...” (И ведь действительно – бродил! Только, потом куда-то забрёл...)

Пожалуй, самыми яркими событиями учебного процесса были не лекционные курсы, порой довольно занудные, а летние практики. Так, в июне 1960 года, после второго курса наша группа участвовала в экспедиции на учебном судне (катере) “Учёный” по Куйбышевскому водохранилищу, от Казани до устьев рек Зай и Вятка с целью изучения микроклимата побережья водохранилища. Мы проводили метеорологические наблюдения за температурой, влажностью воздуха, давлением, направлением и скоростью ветра, атмосферными явлениями. По материалам экспедиции я написал курсовую работу, где утверждал о возможности возникновения бризовой циркуляции ветра над акваторией водохранилища.

Захватывающе интересной была экспедиция на учебно-научном судне “Батайск” в августе – сентябре 1961 года (после 3-го курса) в Северной Атлантике для изучения гидрометеорологических и биологических условий океана. В экспедиции принимала участие большая группа студентов Казанского, Московского университетов, Одесского гидрометинститута, мореходных училищ Мурманска и Ленинграда. Мы проводили метеорологические, гидрологические наблюдения, выпускали радиозонды. Старшекурсники составляли синоптические карты, давали

прогноз погоды. Мы плавали от Мурманска до Архангельска, любовались фьордами у берегов Норвегии под музыку Э. Грига, которую заводил радист корабля (с грампластинок, купленных мною в Архангельске), страдали от морской болезни во время 7-бального шторма у Фарерских островов, проплывали мимо унылых берегов Ирландии, в густом тумане преодолевали пролив Ла-Манш, видели на побережье Дании замок Эльсинор, где, кажется, томился принц Гамлет. Запомнилось залитое утренним солнцем устье реки Прегель – гавань Калининградского порта и конец нашего плавания. А первые морские впечатления были связаны с тёплыми августовскими вечерами и белыми ночами в Мурманске, громадой атомного ледокола “Ленин”, грозными силуэтами военных кораблей в Североморске. Потрясающе выглядело залитое светом фонарей многочисленных кораблей устье Двины; казалось, суда всех стран пожаловали в гости на Север России, в гостеприимный с петровских времён Архангельск. По материалам этой экспедиции мною также была написана курсовая работа; что-то о некоторых аспектах взаимодействия атмосферы и океана.

В память о том плавании вокруг Северной Европы осталась трогательная фотография - двое в кубрике в

тельняшках, два “морских волка”; слева будущий профессор Юрий Переведенцев, справа – ваш покорный слуга.

И наконец, лето 1962 года (июнь – август), 2,5-месячная практика в Новосибирске: гидрометобсерватория, Бюро погоды, АМСГ Толмачёво (будущий зональный авиаметцентр). Классные специалисты, в основном, молодые и обаятельные, радушный коллектив. Прекрасное жаркое лето, широкая голубая Обь, золотые пляжи... Я был очарован культурной жизнью столицы Сибири: громадой оперного театра и блеском его труппы: тембристым и мощным басом Ярошенко, кантиленой тенора Сорочинского, воздушным полётом балерины Крупениной. А ведь были ещё потрясающие по силе сатиры и юмора гастроли Московского театра кукол под руководством С. Образцова. В августе 1962 года на сцене оперного театра яркую современную пьесу тогда ещё молодого В. Аксёнова “Коллеги” поставил наш Казанский русский Большой драматический театр им. В.И. Качалова, а в главной роли блистал дерзкий и, как сказали бы сейчас, креативный красавец, будущий Народный Артист России, В. Кешнер.

Н. Рябов

Забыл сказать, что на практику в Новосибирск я приехал не один, а со своим сокурсником Колей Рябовым, рослым грубоватым и оригинальным парнем из вологодской глубинки. В свободное время он увлечённо решал дифференциальные уравнения, а вечером посещал кино или искал лёгкие приключения. Снимали мы с ним под жильё веранду в частном доме на улице Гэстроевской в районе Бугринской рощи. Наша хозяйка, добрейшая тётя Феня, очень удивлялась тому, что её квартиранты ведут трезвый и достаточно интеллектуальный образ жизни. Угощала нас овощами из собственного огорода.

В бюро погоды я попал в руки молодёжной смены синоптиков: главной в той смене была уже достаточно опытная М.К. Гилярова (ей было чуть за тридцать), её коллегами были Л.Н. Борщёва и Л.И. Климова (Мальцева): очень молодые, в пределах 24-25 лет. Относились они к нам очень тепло: не позволяли перерабатывать, особенно в ночную смену, заставляли уходить на отдых. Да и вряд ли мы могли им сильно помочь профессионально. Наших знаний хватало на более-менее качественный барический анализ высотных и приземных карт, а чтобы вести фронтальный анализ или составлять прогноз – уж извините! Между собой они говорили на каком-то жутко сокращённом профессиональном сленге: “Тут фронт волнит...здесь точка перегиба, а там выглядит некрасиво...” Удивительно, как после ночной смены им хватало сил ехать на пляж (меня тоже брали с собой) и весело играть в волейбол.

Новосибирск всё более привлекал меня как место будущей работы: во-первых, радушием и интеллектом специалистов, во-вторых, запомнилась беседа с исполняющим тогда обязанности директора Обсерватории Ю.П. Петровым, который сообщил нам, что в недалёком будущем в Новосибирске будет крупный научный Гидрометцентр. И наконец, я узнал, что в Новосибирске есть консерватория, а начало 60-х годов – это была пора моего темпераментного увлечения пением. И если повезёт, мечтал я, то, может быть, со временем буду блистать на сцене этого храма оперы?! Почему бы – нет?

В 20-х числах августа, завершив практику и собрав чемодан, набитый грампластинками с записью опер и голосов великих певцов, я ехал на такси на вокзал. На Коммунальном мосту оглянулся на город и сказал про себя: “Я вернусь к тебе, Новосибирск!”

Последний год учёбы в университете. Последний курс не очень внятных “Основ долгосрочных прогнозов погоды” (кто бы знал, что когда-нибудь я займусь этой наукой и практикой?!). Последние зачёты, защита дипломной работы,

государственные экзамены. И на всех этапах этого завершающего цикла испытаний витают облака какой-то лёгкой грусти, ностальгии по уходящему, пережитому, неясной тревоги за будущее...

И вот у меня в руках диплом с отличием – итог университетских тревог. И год этот (1963) был для меня судьбоносным. Этот довольно симпатичный парень на последнем курсе сошёлся, подружился и влюбился в студентку 5 курса биологического факультета Тамару Черкасову.

Ренад

Тамара

А сблизила нас музыка, пение; мы вместе занимались в вокальной группе университета. У Тамары был прекрасного тембра голос, высокое меццо-сопрано. К тому же она просто была очаровательна. Так что, естественным оказалось то, что мы вместе решили ехать в Новосибирск.

Глава 3. Новосибирское бюро погоды. Впечатления. Аспирантура.

...Итак, 3 августа 1963 года мы с Тамарой прибыли в Новосибирск, на железнодорожный вокзал. Был выходной день, а потому пришлось заночевать там же, в комнатах для приезжих. Но уже 5 августа мы сочетались законным браком, причём без свидетелей, без испытательного срока. Почему? Наверное, сотрудница загса, женщина в годах с умным и грустным взглядом, просто пожалела нас.

С. М. Шульман

Западно-Сибирское Управление Гидрометслужбы располагалось на 6-м этаже здания на улице Чаплыгина. Во главе Управления стоял С.М. Шульман, как я узнал позднее, в прошлом – военный синоптик, работавший в 1945 году на АСМГ Вена; солидный, крупный, большоголовый мужчина. В год моего прибытия в Сибирь было ему 43 года. Начальником Бюро Погоды была З. В. Торбина, тоже с опытом работы военного синоптика. При приёме на работу заявила: “Будете в расчётной группе, оклад 95 рублей”. Вроде неплохо, но я не знал, что с этой суммы будет вычет подоходного налога, налога за бездетность... А ещё нам пришлось снимать комнату в частном доме на улице Карла Либкнехта (за Каменкой). Квартплата составляла 20 рублей, а ведь были ещё траты на транспорт. Так что жили мы довольно скромно. Но зато нашим богатством были молодость и оптимизм! И вечная музыка!

З. В. Торбина

М. Г. Петрова

Начальником отдела метеорологических прогнозов была М. Г. Петрова, полная солидная женщина в толстых очках (у ней была сильнейшая близорукость). Она могла и умела сопереживать, внимательно выслушать, вникнуть в проблему собеседника, помочь умным советом. За эти качества некоторые синоптики называли Марию Григорьевну матерью: “Мать сказала”, “Мать посоветовала” и т.д. А ведь ей тогда было едва 40 лет. Старшим или, как бы сказали сейчас, ведущим синоптиком отдела, была М. А. Черкесова. По возрасту (около 35 лет) она была к нам ближе, а потому часто напоминала старшую сестру. Расчётной группой в те годы руководила И. Г. Храмцова, молодой синоптик, ей было чуть более 30 лет.

М. А. Черкесова

И. Г. Храпцова

В задачу расчётной группы входило проведение расчётов разработанных в НИУ Гидрометслужбы СССР численных методов прогноза метеоэлементов и атмосферных явлений (например, гроз, осадков, заморозков), информирование дежурной смены синоптиков о результатах расчётов. Некоторые методы были громоздкими: требовали много времени для проведения вычислений, которые, как правило, велись вручную, без использования ЭВМ. Например, расчёты гроз по территории Урала и Сибири на текущий день по методу Лебедевой длились с 8 до 10 часов утра, а затем соответствующие карты передавали в прогностические центры Сибири по факсимиле. Было, конечно, интересно сопоставлять прогнозы гроз с фактической погодой. А значит, были и радости и огорчения.

Л. Н. Староватова

Стажировался я по этому методу у знакомой мне уже по студенческой практике Л. Н. Борщёвой, которая в том же году сменила фамилию и стала Староватовой. Людмила была стройной, гибкой, изящной молодой женщиной с изумительно красивой, стремительной (балетной) походкой (носками – в стороны). Она занималась спортивной гимнастикой; кажется, у неё был первый разряд по этому виду. Саша, её муж, был мастер

спорта по классической борьбе. Это была потрясающе красивая пара. Помню, как летом, в середине 60-х годов, коллектив управления выезжал на катере для отдыха на один из островов Новосибирского водохранилища; Саша, расправив богатырские плечи, нёс по трапу на одной руке жену, на другой руке маленького сына, а на его могучей спине висел громадный рюкзак с припасами – загляденье!

Но я отвлекся. Конечно, молодая плеяда синоптиков участвовала, точнее, присутствовала на обсуждении прогнозов (в основном – молча). Невольно бросались в глаза разные стили формирования прогнозов погоды у разных синоптиков. Чаше высокой успешностью отличались прогнозы опытного синоптика с большим стажем работы Л. И. Колдомасовой; через несколько лет она стала кавалером Ордена Ленина; похоже, она – единственный из

Л. И. Колдомасова

синоптиков Сибири, награждённых высшим орденом страны. Но как же Людмила Ивановна вымучивала свой прогноз! “Этот циклон может подойти?”,- вопрошала она и сама отвечала: ”Может! Ой, боюсь!” Затем продолжала рассуждать: “А этот фронт может обостриться? Может! Ой, боюсь!” И в результате синтеза всех этих “боюсь”, комплексации разных указаний незаметно рождался оптимальный прогноз.

М. К. Гилярова

Не такова была М. К. Гилярова - резкая, бескомпромиссная, категоричная. У неё, как правило, был безупречный фронтологический анализ, вызывавший восхищение у многих коллег-синоптиков, подкреплённый “железной” логикой в интерпретации особенностей развития атмосферных процессов и при формулировке выводов. И всё же Маргарита Кузьминична по характеру была экстремист: если она видела угрозу холода, то чаще прогнозировала экстремальный холод, если ощущала

опасность сильного ветра, то давала ураган.

Порой дискуссия принимала довольно интересный оборот. З. В. Торбина, например, могла поставить синоптика в тупик своим утверждением “Циклон на холод не пойдёт!” Хотя, казалось, было очевидно, что при такой мощной высотно-фронтальной зоне циклон сам пройдёт себе дорогу. М. Г. Петрова могла озадачить синоптика риторическим вопросом: ”Откуда у этого циклона возьмётся энергия?!” А действительно, откуда, если синоптик не оперирует картами энергетики атмосферы. Темпераментно “заходила” на обсуждении М. А. Черкесова; как-то порывисто поворачивалась к дежурному синоптику и, глядя на него в упор, спрашивала: “И вот такой контрастный фронт не даст сильных осадков?” И чувствовалось, как у оппонента возникает

неловкое ощущение того, что он не понимает чего-то вполне очевидного, всем известного. В итоге рождался корректив к прогнозу.

Иногда принимал участие в обсуждении прогноза и сам С. М. Шульман. Излюбленным его выражением было “регенерация циклона”, то есть развитие циклона после переваливания горного хребта. Но поскольку Самуил Моисеевич картавил (или грассировал?), то получалось порой забавно: “Этот циклон за Уралом будет гегенегиговать”. Ну как тут было не улыбнуться!

Дискуссию прекращала сотрудница 1-го отдела, звали её Катерина (фамилии не помню): “Ну-ка, давайте ваши брехнозы!”. Не забудем, это была эпоха отсутствия современных гидродинамических моделей, ЭВМ, метеорологических спутников...

Вспоминается забавный эпизод, кажется, в 1967 году. Лето было засушливое, поля требовали влаги, а потому действовало негласное правило - осадки давать только при высокой вероятности. На обсуждении прогноза присутствовал И. В. Кравченко, сотрудник Госкомгидромета СССР. Синоптик докладывает: “Без существенных осадков...” Московский чиновник вопрошает: “А этот циклон не испортит погоду?” Видим, действительно циклон, но какой-то вялый, без яркой зоны осадков. Глядя строго на Ивана Варфоломеевича, М. Г. Петрова чеканит: “Мы должны давать сельскому хозяйству объективную и точную информацию”. Утром следующего дня идём на работу под шум дождя. Мария Григорьевна сочла благоразумным не прийти на обсуждение прогноза.

В первый же год работы (1963) меня, вместе с некоторыми новичками, избрали членом комитета ВЛКСМ, а секретарём комитета стал Голя Чубенко, тоже новичок в УГМС. Был он, что называется рубаха-парень, уже прошедший военную службу, прирождённый оратор, хотя и с хрипатым голосом. “Не дурак выпить”, но уже член партии. Помню

А. Г. Чубенко

первое расширенное комсомольское собрание в октябре того же года, которое состоялось в актовом зале Новосибирской обсерватории, в районе Бугринской рощи. Оно было посвящено роли комсомола в деятельности Гидрометслужбы. Запомнилось несколько выступлений.

Ветеран Великой Отечественной Войны Б.М. Кривоносов, бывший тогда

секретарём парторганизации УГМС, построил своё выступление по аналогии с речью И. В. Сталина на похоронах вождя мирового пролетариата. Из курса истории КПСС я помню: “Уходя от нас, товарищ Ленин завещал свято хранить единство партии. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним твою заповедь!” Борис Митрофанович так и обращался к комсомолу. “Партийная организация была бы признательна комитету комсомола, если бы комсомольцы обратили внимание на то-то и на то-то, - он. - Партийная организация выражает надежду на то, что комсомольцы активизируют свои работы в таком-то и таком направлении!” Молодой коммунист В. Н. Барахтин говорил о своих исследованиях болтанки самолётов и её связи с циклоничностью в нижних слоях атмосферы: “И тут на карте я обнаружил циклон”. (Вскоре он защитил кандидатскую

Б. М. Кривоносов

диссертацию.) Прибывший в том же году в УГМС молодой гидролог А. Г. Каминский неожиданно критично говорил о качестве гидрологических наблюдений: “Но в этих данных, знаете, есть дырочки...” Моложавая, но опытная И. А. Шевчук, синоптик Бюро Погоды, запомнилась каким-то тёплым, материнским обращением к комсомольцам: “Не думайте о прошлом, идите вперёд и (ссылаясь на Барахтина) пусть каждый из вас найдёт свой циклон!”

В. Н. Барахтин

А. Г. Каминский

И. А. Шевчук

Самыми значимыми событиями следующего 1964 года, наверное, были два события. Во-первых, рождение сына Артура в октябре в Казани. Накануне, в сентябре, я отвёз Тамару к своим родителям, и они позаботились, чтобы роды прошли без осложнений. Почему сына назвали таким звучным именем? Может быть, я мечтал о его блистательной будущей судьбе... В памяти звучали имена Артуро Госканини, Артура Веллингтона. Конечно, смущало сочетание “рычащих” имени и отчества - “Артур Ренадович”. Выход нашёлся в ласково-уменьшительном имени – Артик, или даже Арти. Второе яркое событие: в 20-х числах октября я съехал с частного жилья в новую кооперативную квартиру на улице Большевистской, купленную при щедрой материальной поддержке моего отца.

Арти в окружении татарских бабушки (эби), дедушки (бабай) и меня (эти). Сентябрь 1966 года.

Мы прожили там 17 лет, до окончания Артуром учёбы в школе. Горячо, хотя и запоздало, благодарю отца за эту своевременную финансовую помощь, давшую мне возможность остаться в Новосибирске и в профессии.

Но было ещё и третье событие. Уже в первый год работы в Новосибирском Бюро Погоды меня стала интересовать проблема механизма формирования и прогноза ночных гроз, которые возникают после захода солнца или рано утром. С дневными грозами всё понятно – это термическая или термодинамическая конвекция, а почему ночью?.. И вот случайная встреча и беседа с инженером-синоптиком НЗАМЦ (Толмачёво) В. М. Ярковой. Она убеждала меня поступить на учёбу в аспирантуру Ташкентского университета, где заочно училась и под руководством профессора В. А. Джорджио

В.М. Яркова

завершала кандидатскую диссертацию по проблеме прогноза туманов. И убедила! Тамара одобрила мои научные помыслы, тем более что и сама, работая в лаборатории Биологического Института СО АН СССР, помышляла о научной карьере. Я списался с профессором Джорджио, который в то время заведовал кафедрой метеорологии ТашГУ, и получил его принципиальное согласие на приём в аспирантуру.

В середине мая 1965 года в холодную пасмурную погоду (при температуре плюс 13 °С) я впервые в жизни поднялся на борт самолёта ИЛ-18, который взял курс на Ташкент. Три – три с половиной часа полёта, и мы в солнечном Узбекистане. Взлётно-посадочная полоса аэродрома пахнула жаром. Плюс 38 °С! “Широка страна моя родная”,- подумалось мне, пока я торопливо снимал с себя плащ, пиджак, расстёгивал рубашку до последней пуговицы.

...- Могу я видеть профессора Джорджио?

-Да, можете, это я.

Виктор Антонович Джорджио, крупноголовый, полный, седеющий, с короткой стрижкой, напоминал стареющего льва. После обмена приветствиями вдруг предложил:

-Давайте, я у вас приму вступительный экзамен по синоптике.

-Но я ещё не готов, думал почитать, подготовиться. (К тому же только что вышло новое “Руководство по краткосрочным прогнозам погоды”.)

Но профессор не хотел терять время и снижать темпы беседы. Экзамен начался. Общую синоптику я знал неплохо, но стал откровенно “тонуть” в вопросах о структуре струйных течений (СТ) стратосферы. А Джорджио был корифеем по проблеме изучения СТ и турбулентности в верхних слоях атмосферы, приводящей к катастрофам авиалайнеров тех лет. Блестяще доказав, что я ничегошеньки не смыслю в струях, Виктор Антонович рассудил так: “Если я вам поставлю 4, то в аспирантуру вас не примут. Поставлю вам условно отлично”.

В.А. Джорджио

Я смыл позор этого экзамена и взял реванш на экзамене по климатологии через 4 года. Этот экзамен ввели как итог учёбы в аспирантуре вдруг, неожиданно. Конечно, надо было знать курс климатологии по учебнику Алисова, но своих экзаменаторов, Джорджио и профессора Бабушкина, я поразил свежими и экстремальными данными об аномально холодной и долгой зиме 1968-1969 годов с морозами за 50 °С и чрезвычайно жарком лете 1969 года на юге Сибири с максимальными температурами под 40 °С. “Амплитуда экстремальных температур близка к 100°С!” - восклицал я под аханье моих экзаменаторов.

Моим непосредственным руководителем по аспирантуре был назначен доцент Н. Н. Романов. Тоже крупный специалист и учёный в области авиационной метеорологии. В мае 65-го мы с ним набросали план учёбы в аспирантуре и самой диссертации, но, в общем, нам аспирантам давали известную свободу в вопросах выбора методологии исследования. Говоря словами Николая

Николаевича, мы вели себя как киргизские лошадки, добывающие корм для себя самостоятельно.

Я ежегодно, за исключением 1966 года, когда в Ташкенте произошло жуткое землетрясение, приезжал в университет с материалами и публикациями по диссертации, отчитывался на кафедре метеорологии о ходе работы, вёл переписку и с Н. Н. Романовым, и с В. А. Джорджио. Но какие же разные они были по стилю работы и оперативности переписки!

Николай Николаевич, как правило, не отвечал сразу ни на первое, ни на второе письмо, ни на... Но затем неторопливо писал: “Уважаемый Р. А.! Отвечаю на все ваши письма от... января, ... февраля, ... марта...” Не таков был Виктор Антонович. На небольшой “четвертушке” листа бумаги предельно экономным, мелким, но красивым почерком он писал: “Вчера написал ответы на письма Пчелко, Хромова, Бугаева...” (Это признанные крупные учёные, корифеи российской метеорологии.) И далее: “7 минут назад (!!!) получил ваше письмо...” Невольно думалось, как он может меня, молокососа, равнять с признанными гигантами нашей науки! Удивительный был учёный и человек (с большой буквы) с колоссально развитым чувством ответственности. Говорили, что в его научной жизни были случаи, когда ему приходилось в течение одной ночи проштудировать диссертацию, а на следующий день выступить с детальным, компетентным и критическим анализом прочитанного на заседании Учёного Совета.

В 1966 году, на третий год моего пребывания в УГМС, меня назначили руководителем расчётной группы Бюро погоды; к тому времени я был старшим инженером-синоптиком. В моём подчинении были молодые (даже очень молодые) синоптики: Э. А. Морозова, Л. Г. Немировская, И. П. Прокопьева. В следующем десятилетии каждая из них нашла свою нишу в метеорологии и защитила кандидатскую диссертацию.

Э. А. Морозова

Л. Г. Немировская

И. П. Прокопьева

Не помню, чтобы в то время были какие-то планы испытания и внедрения новых расчётных методов. Мы искали эти методы в научной и методической литературе, иногда удавалось самим найти какие-то прогностические зависимости; у меня, например, это получилось по отношению к гололёду и шквалам. Мы эти связи испытывали, а результаты расчётов по применяемым моделям по-прежнему докладывали при обсуждении основного прогноза у дежурной смены. Некоторые результаты исследований публиковались в Трудах института.

Впрочем, не только “расчётчики” вели исследовательскую работу. В середине 60-х годов большую, я бы сказал, блистательную работу выполнила синоптик Бюро погоды Т. С. Ситникова (Селегей). Вспоминаю облик Тамары Семёновны тех лет, и на память приходит песенка В. Высоцкого из какого-то фильма: “В Одессе женщины умны иль, в крайнем случае, красивы...” Тамара сочетала в себе и ясный ум и бездну женского обаяния. Творческое исследование об условиях выхода южных (аральских) циклонов на просторы Западной Сибири она выполнила предельно тщательно, по всем канонам классической и красивой синоптики. На основе анализа нескольких десятков случаев перемещения этих циклонов за последние десятилетия она определила наиболее возможные траектории их движения, вероятную силу штормового ветра в зависимости от глубины циклона,

расположение зон сильных осадков и ветра по отношению к путям циклонов. А как красиво, аккуратно и эстетично были составлены чертежи карт движения каждого циклона! Результаты её исследования тогда же были опубликованы в трудах нашего, молодого ещё, института – ЗСРНИГМИ и стали использоваться в практической работе синоптиков Бюро Погоды, пока не были в 70-х годах уточнены и дополнены Ириной Петровной Прокопьевой.

С.М. Шульман и его любимые синоптики. ОГМП. 1971 год.

Добавлю, что в 60-е годы южные (аральские) циклоны и связанная с ними непогода (ураганные ветры, метели и пр.) нередко терзали народное хозяйство юга Сибири, да и нервы синоптиков. Вспоминается одно из обсуждений прогноза погоды того времени, который составила опытный синоптик Новосибирского Бюро погоды А. Н. Алексеева. Как раз ожидался выход южного циклона, и предельно возбуждённая и взвинченная Адель Николаевна озвучивает прогноз ветра максимальной силы: “15 – 20 м/с, местами до 25 м/с”. В среде руководства Бюро погоды и экспертов вспыхивает дискуссия. Кто-то предлагает: “17 -22 м/с, местами до 28 м/с”. Градус

напряжения повышает сама Алексеева: “20 -25 м/с, местами 30 – 35м/с.” Слышится неповторимая картавая реплика начальника Управления Самуила Моисеевича Шульмана, который тоже пришёл на обсуждение прогноза: “Сокок!” Ну, 40 не 40, а, помнится, 30 -33 м/с зафиксировали тогда многие метеостанции не только Алтайского края (классической зоны сильных ветров), но и Кемеровской и Новосибирской областей.

**Глава 4. Защита диссертации. Корифеи гидрометеорологии Сибири и России. Совещание по Солнечно-Земным связям. Г.И. Марчук и его “десант”.
Памятные встречи.**

Западно-Сибирское УГМС; ул. Советская, 30.

В октябре 1968 года я стал работать в новой научной структуре Гидрометслужбы Сибири – Новосибирском филиале Гидрометцентра СССР, точнее, в его отделе машинной обработки гидрометданных. НФ ГМЦ располагался уже в новом здании Управления на улице Советской, дом 30, который был построен в 1966 году. Со временем туда переселились почти все структуры Службы: Бюро погоды,

Обсерватория, службы связи, ВЦ, аппарат и др. В отделе машинной обработки занимались анализом метеорологических, гидрологических данных, расчётами параметров водного режима и климата с использованием установленных тогда в модуле нового здания отечественных ЭВМ типа “Урал” и ”Минск”. Проводились синоптические исследования атмосферных процессов в Сибири. Отдел плотно сотрудничал с большой группой молодых программистов: В. П. Крысовым, И. В. Колотовкиным, В. И. Пахомовым и другими, которые составили ядро будущего регионального Вычислительного Центра.

С. Д. Кошинский

Руководил отделом кандидат географических наук Сергей Дмитриевич Кошинский, опытный метеоролог, климатолог, синоптик, в послевоенные годы работавший, как я узнал, в Бакинском бюро погоды, ветеран и инвалид Великой Отечественной Войны. Перемещался он на костылях, довольно бодро, приговаривая: “Ну, я побежал”. В 1969 году он защитил в Ташкенте докторскую диссертацию (при моём небольшом посредничестве). И этот год,

кроме того, был годом его 50-летия.

В отделе было несколько групп учёных и специалистов. Главой группы климатологов (метеорологов) был Николай Васильевич Мамонтов. Он же обычно выполнял обязанности основного редактора “Трудов ЗСРНИГМИ” по проблемам метеорологии, климатологии и прогнозам погоды. Это был

придирчивый, дотошный и (ох!) занудный редактор, изводивший авторов статей вопросами типа: “О чём эта фраза? К чему это слово? Для чего этот предлог?” И вместе с тем, работа с Николаем Васильевичем была суровой школой, помогавшей более чётко формулировать свои мысли и выводы. И это, конечно, было полезно для всех, кто занимался научной работой и готовил публикации. В группе Мамонтова начинал свою работу молодой научный сотрудник А. Д. Дробышев, стройный, высокий, спортивного телосложения, кстати, прекрасный волейболист. Ещё один климатолог и “мнс” А. А. Малютина, изящная, молодая, интеллектуальная женщина, в следующем году стала кандидатом наук.

Н.В. Мамонтов

А.Д. Дробышев

Группу гидрологов возглавлял Аркадий Михайлович Комлев, чрезвычайно обаятельный и интеллигентный человек. Научными сотрудниками этой группы были И. Я. Лисер, выполнявший ещё и общественные функции учёного секретаря института, а также М. И. Баюшева.

А.М. Комлев

Украшением группы, бесспорно, был молодой, начинающий гидролог Володя Топоров - кудрявый, весёлый, лихой и блестящий баянист. Я был третьим научным сотрудником (младшим) в группе синоптиков, где уже работали знакомые мне В. Н. Барахтин и В. М. Яркова.

И.Я. Лиссер

В.М. Топоров

Перейдя в НФ ГМЦ, я продолжил свою работу по грозовой тематике; тем более, я получил более 300 (!) замечаний от своего шефа Н. Н. Романова по тексту диссертации, правда, в основном редакционного характера. Вместе с тем, пришлось уделить внимание и другой теме. Сергей Дмитриевич загорелся идеей создания перфокартотеки синоптической ситуации в районе Новосибирска с целью автоматизации синоптико-метеорологических исследований с помощью ЭВМ. Идея была интересная, но сама концепция радиально-территориального кодирования синоптических объектов была ошибочной. На это нам указал В. А. Джорджио, с которым я поделился замыслом работы. Не получила поддержки эта идея и на совещании по автоматизации обработки метеорологических данных в ВНИИГМИ–МЦД (Обнинск) в начале 70-х годов. Поэтому, несмотря на определённый задел, работа эта со временем угасла, не получив развития.

Зато отлично помню дату, точнее момент, когда я завершил свою диссертацию “Грозы и шквалы в Новосибирской области”. Это произошло 21 августа 1969 года в 11 часов 40 минут. Вдруг до меня дошло: “Далее некуда...” Какой-то нервический смех. Н. В. Мамонтов оборачивается на мои невнятные звуки, узнаёт причину и коротко командует: “Ягудин! Завтра вам на стройку общежития в Бугринской роще”. Пришлось дней на десять отключиться от умственного труда.

Далее последовали печатание текста, правки, переплёт. “Кирпич” диссертации оказался солидным по объёму – 320 страниц машинописного текста. Работу заслушали на заседании Учёного Совета НФ ГМЦ СССР (ноябрь 1969 года), затем на предзащите в ТашГУ (декабрь того же года). Ведущей (оппонирующей) организацией стал Казахский НИГМИ. Здесь мою работу активно поддержал известный учёный, автор ряда региональных методов прогноза гроз Р. С. Голубов.

Подарком судьбы для меня стала командировка в Москву на 1-ю Всесоюзную конференцию молодых учёных Гидрометслужбы в апреле 1970 года, где я доложил о результатах своей работы по прогнозу ночных гроз. Там я познакомился с другими молодыми своими коллегами. Запомнился своей логичностью и завершённой доклад А. И. Угрюмова, который изучал особенности квазидвухлетнего цикла ветров в экваториальной стратосфере и их влияние на погоду умеренных широт.

С. П. Хромов

Увидел я корифеев – учёных Гидрометслужбы нашей страны. Сергей Петрович Хромов, крупный, с широкими плечами грузчика, с большими руками рабочего человека, автор знаменитой “Синоптической метеорологии”, настольной книги каждого синоптика, был в то время главным редактором журнала “Метеорология и гидрология”. Припоминаю, незадолго до конференции я пытался опубликовать в этом издании свою статью о климатической повторяемости ночных гроз в Новосибирской области. Сергей Петрович мне

отказал, твёрдо, но вежливо. Я тогда запомнил его рукопожатие. Илья Афанасьевич Кибель, создатель теории долгосрочного гидродинамического прогноза, несколько раз выступал с комментариями по отдельным докладам. Говорили, что он ещё до войны получил за свои работы Сталинскую премию и преподнёс её в дар уже тогда знаменитой балерине Г. Улановой. Меня и, думаю, многих покорила своей удивительной корректностью, доброжелательностью Абрам

Львович Кац, лидер среднесрочного прогнозирования погоды и численных методов этого направления. Запомнился эпизод, когда Абрам Львович в свойственной ему мягкой форме высказал пожелание одному молодому докладчику, гидродинамику, проверить численную модель прогноза на независимом материале. В ответ немедленно последовала язвительно-ироничная реплика другого видного учёного в сфере численных прогнозов Екатерины Никитичны Блиновой, которая, небрежно улыбнувшись, заявила, что уважаемый оппонент просто не понял научной ценности нового метода. “Ведь он же ге-о-граф”, - чеканя отдельно по слогам, заключила она. И тогда и впоследствии меня часто поражало неприязненное отношение учёных, исповедующих одно научное направление, к учёным другого направления. Не правильное ли, думалось мне, идти к лучшему через проверку результатов в практической работе, конструктивную доброжелательную дискуссию и, может быть, синтез разных направлений?

И.А. Кибель

Е.Н. Блинова

Когда я выступал со своим докладом о прогнозе ночных гроз, председателем нашей секции или, как сказали бы сейчас, модератором был профессор Павел Николаевич Белов - крупный учёный и автор ряда монографий о практических методах численных прогнозов погоды. Он был сдержан, корректен, безукоризненно вежлив. Павел Николаевич был причастен к принятию положительного отзыва о результатах моих исследований по генезису ночных гроз от имени участников конференции. И этот отзыв мне очень пригодился в дальнейшем, при защите диссертации и для “проталкивания” публикации в престижном журнале “Метеорология и гидрология” (№ 6 за 1970 год).

Подготовка к защите диссертации вступила в финальную стадию. Заблаговременно был подготовлен и в офсетном цехе МСФ Западно-Сибирского УГМС (в Буграх) отпечатан автореферат “Грозы и шквалы в Новосибирской области” тиражом 230 экземпляров, а после разослан в различные НИУ Гидрометслужбы, университеты, Ташкент. Подарил я его своим коллегам, руководителям и, конечно, начальнику Управления Самуилу Моисеевичу Шульману “с глубоким уважением”. Разумеется, с такой же дарственной надписью авторефераты были преподнесены моим корифеям – Виктору Антоновичу Джорджио и Николаю Николаевичу Романову. Перед защитой пришлось выполнить довольно щепетильное поручение Джорджио. Из Ташкента мне сообщили, что моими официальными оппонентами будут доктор географических наук, профессор Л. Н. Бабушкин и кандидат физико-математических наук, доцент О. Н. Чернышева. “Понимаете, Ренад Азальевич, - писал мне Виктор Антонович, - профессор Бабушкин - географ и климатолог широкого профиля, и он не знает тонкостей прогнозирования погоды. Не могли бы Вы направить мне проект отзыва на Вашу диссертацию, как бы от имени профессора”...

Спустя некоторое время получаю от В. А. Джорджио письмо, где говорилось буквально следующее: “Сначала я

хотел внести некоторые правки в отзыв, но Вы, Ренад Азальевич, так добросовестно себя раскритиковали, что я оставил всё в Вашей редакции”. Наверное, читатель поймёт причину моей улыбки в душе, когда я слушал выступление уважаемого оппонента на защите своей диссертации.

Моя защита была назначена на один день с защитой Е. С. Скиба, синоптика из АМСГ Фрунзе, практически одновременно со мной поступившей в аспирантуру ТашГУ. И хотя мы были готовы к назначенному сроку, всё же нам пришлось в июньские жаркие дни в Ташкенте ещё и ещё раз подсуетиться. На выделенной нам машине мы объездили членов Учёного Совета ТашГУ, чтобы настоятельно пригласить их на нашу защиту. Позаботились мы и о том, чтобы раздать друзьям вопросы, которые они зададут нам во время защиты. В общем, “шоу” было организовано неплохо. Погода нам тоже преподнесла подарок. Если накануне защиты Ташкент “плавился” от 35-38-градусной жары, то в день “икс” прошёл холодный фронт, и максимум температуры не превышал 25 °С. Голова моя была ясная, голос по теноровому звонкий, фразы, аргументы лились свободно, легко. Казалось, что говорю не я, а некто, сидящий (или стоящий) рядом. Ощущение было удивительное; может быть, именно такое состояние называется вдохновением?!

Банкет после защиты проходил в саду родственницы Евгении Стефановны. Дымился гигантский котёл плова, ягоды (вишня) свисали с веток на столы прямо в рюмки с коньяком. Присутствующие, наши руководители и оппоненты, упражнялись в остроумии...

Не сразу после защиты удалось мне вернуться в Новосибирск. По нормам тех лет процесс защиты должен был стенографироваться, но стенографистка, похоже, слабо владела русским языком и была абсолютно некомпетентна в вопросах метеорологии. По совету Виктора Антоновича мне пришлось взять на себя редактирование стенограммы, а по существу написать её заново. Материалы защиты диссертации

своевременно были высланы в Москву в ВАК (Высшая Аттестационная Комиссия). Я не знал, что только через полтора года, в октябре 1971-го, ВАК подтвердит защиту, и я получу учёную (или, как иногда писали, “искомую”) степень кандидата географических наук.

А пока настроение было радостное, тем более что решением Центральной методической комиссии по гидрометпрогнозам Госкомгидромета в декабре 1970 года расчётный метод прогноза ночных гроз был рекомендован для оперативного применения на территории Западной Сибири. Физико-статистический метод прогноза был основан на использовании статистических связей между комплексом информативных параметров конвекции и вероятностью грозовой деятельности в ночное время. Построенные диаграммы вероятности обеспечивали довольно высокую успешность прогноза: общая оправдываемость 88%, предупреждённость явления 92%. Метод продержался в практической работе синоптиков 47 лет и был исключён из применения только в 2017 году! В начале 70-х годов известный учёный (с докторской степенью) Д. А. Педь, во время одной из бесед, упомянул о моём методе прогноза ночных гроз: “А мы у наших студентов-выпускников спрашиваем о методе прогноза гроз Ягудина”. Не скрою, мне это было приятно слышать.

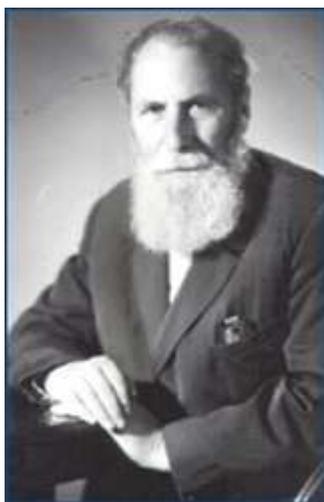
Начало 70-х годов – время обострённого внимания метеорологической (и не только) общественности к солнечно-земным связям, долгосрочным и сверхдолгосрочным прогнозам погоды, особенно в свете беспощадной засухи, которая летом 1972 года поразила почти всю Европейскую территорию Советского Союза и не была предсказана Гидрометслужбой в долгосрочном аспекте. Подогревали интерес к проблеме слухи и отдельные публикации в прессе, порой откровенно “жёлтоватые” и скандальные, о феноменально успешных прогнозах А. В. Дьякова, геофизика из Темиртау Кемеровской области. Правда, засуху 1972 года он

тоже не предсказал, но с годами это его упущение отчего-то стали забывать.

В октябре 1972 года я был участником 1-го Всесоюзного совещания по солнечно-земным связям в Москве. В бурных дискуссиях принимали участие ведущие учёные и корифеи Гидрометслужбы. Московское совещание открылось базовым докладом члена-корреспондента АН СССР Э. Р. Мустеля: в докладе он привёл данные об изменении атмосферного давления в геоактивных зонах Северного полушария Земли в течение 3-5 суток после вспышек на Солнце.

Э.Р. Мустель

Н.А. Багров

Из массы комментариев и выступлений запомнилась речь Н. А. Багрова, внешнею удивительно похожего на великого Бернарда Шоу. Теребя энергично бороду, он убеждал сидящих в зале, что есть внутренние закономерности синоптических процессов, которые и надо изучать в первую очередь, не отвлекаясь на второстепенные, по его мнению, факторы.

А. В. Дьяков

которой содержался вопрос: какова оправдываемость его прогнозов и “какое у автора ро”? В ответ Анатолий Витальевич закричал: “Какое ещё ро! Главное – польза!” Меня удивило, что он абсолютно не признавал объективных численных критериев оценки прогноза погоды, а ориентировался только на отзывы благодарных потребителей. Во время перерыва я обратил внимание, как один из крупнейших учёных-метеорологов, представитель ленинградской элиты Е. П. Борисенков сидел рядом с А. В. Дьяковым, энергично жестикулирующим, и терпеливо пытался что-то у него выяснить.

Речь директора Гидрометцентра СССР В. А. Бугаева была предельно строгой, сдержанной и построена на утверждении, что повышение качества прогнозов погоды

Выступление А. В. Дьякова отличалось особой энергетикой и темпераментом. Временами, увлекаясь, он переходил на французский (“*Le étrэ комрэ*”). Нагнетая эмоции, Дьяков утверждал, что найденные им связи между Солнцем и погодой на Земле носят характер ЗАКОНА. Звучало это так: “Закона...а”. После его выступления я заметил, как В. А. Джорджио подошёл, тяжело ступая, и подал оратору записку, в

Е.П. Борисенков

возможно лишь на базе развития численно-гидродинамических моделей и на основе учёта, прежде всего, земных процессов. В отличие от Виктора Антоновича глава всей Гидрометслужбы Е. К. Фёдоров в заключительной речи заявил, что хотя механизм воздействия солнечной активности на атмосферу не ясен, но он уверен, что это воздействие всё же существует. Отмечу, что это различие мнений двух ведущих лидеров Гидрометслужбы страны с особым сладострастьем смаковали и полоскали некоторые центральные газеты, обвиняя Бугаева в консерватизме и отсутствии свободы мысли. Травля эта в конце концов привела к отставке руководителя Гидрометцентра СССР.

В.А. Бугаев

Е.К. Фёдоров

В 1972 году по инициативе Правительства и Академии Наук была создана комиссия учёных АН СССР и Гидрометслужбы с целью, как было записано, “проверки научных и методических основ долгосрочных прогнозов составляемых А. В. Дьяковым”. В состав комиссии вошли 5 докторов и 4 кандидата наук. Возглавил комиссию доктор физико-математических наук Е. П. Борисенков, директор

Главной Геофизической обсерватории. Результаты работы комиссии составили внушительный том, который, кстати, хранится в Гидрометцентре ФГБУ “Западно-Сибирское УГМС”. Приведу некоторые выводы: “Удовлетворительной физико-математической теории, обосновывающей эти положения и статистической проверки их значимости не имеется... В распоряжение комиссии не были представлены материалы, позволяющие в деталях установить процесс составления А. В. Дьяковым прогнозов погоды... Комиссия предприняла усилия по проверке сезонных прогнозов А. В. Дьякова за 1964-1972 годы... Оправдываемость прогнозов аномалий температуры составила 56%, волн тепла и холода 48 и 52%, осадков 60%”. (Не без юмора рассказывал об участии в комиссии Академии Наук В. П. Дымников, который признавался, что его на прощание “кудесник” облобызал в щёку, и Валентин Павлович старался это место беречь от воды.) Кроме того, начиная с 1973 года до середины 80-х годов, в созданной лаборатории долгосрочных прогнозов СибНИГМИ продолжали проводить регулярную оценку успешности прогнозов А. В. Дьякова по принятым в Гидрометслужбе критериям. Увы! Чуда не произошло: всё те же 42-54%. Запомнился 1980 год, когда Дьяков прогнозировал на юге Западной Сибири засуху. Фактически летом того года осадков выпало около и больше климатической нормы, что способствовало получению в Новосибирской области и смежных регионах рекордного урожая сельхозкультур. Так рухнула в сознании профессионалов легенда о “боге погоды”, как его называли некоторые журналисты. Но в памяти многих людей до сих пор так и живут, насколько я знаю, сказания о “феноменальных” и “превосходных” прогнозах астронома из Темиртау.

Поразительно: так сильна в России потребность в чуде, что и в последующие годы мне и моим коллегам приходилось сталкиваться с легендами и сказками о “суперточных” долгосрочных и сверхдолгосрочных прогнозах новых

“кудесников” и “волшебников” и даже тратить драгоценное время на проверку их качества и достоверности. Конечно легенды со временем рушились, но вот потерянного времени было так жаль... Наверное, эти чудеса сродни поиску знаменитого вечного двигателя (“перпетуум мобиле”). И поиск этот будет продолжаться вечно, пока существует человечество.

И всё же, 70-е годы – это была пора интереснейших конференций, совещаний, дискуссий, встреч с ведущими, крупнейшими учёными Гидрометслужбы самых разных направлений. На эти совещания порой ездили большими группами; казалось, Служба не очень заботилась об экономии денежных средств на оплату командировок. Если это перспективно и надо, можно было поехать в любую точку страны.

Память возвращается годом ранее: от Московского совещания к октябрю 1971 года, когда в Киеве состоялось 1-е Всесоюзное совещание по проблемам экономической эффективности Гидрометслужбы. В столицу братской республики (слово “братской” пишу без всякой иронии) Западно-Сибирское УГМС и ЗСРНИГМИ отправили большую группу, человек десять, сотрудников: начальники отделов М. Г. Петрова, Е. В. Тархов, агрометеоролог Э. В. Земляная и другие. Прилетели в Киев поздно ночью. Город поразил обилием огней, какой-то особой, праздничной, иллюминацией, живописностью, красотой улиц, природы: Днепр, Крещатик, мосты, соборы, Владимирская горка... На совещании впервые увидел и услышал одного из лидеров Госкомгидромета С. К. Черкавского, начальника Управления гидрометобеспечения, который обосновывал актуальность проблемы оценки экономической эффективности Гидрометслужбы. Но чуть ли не следом за ним на трибуну ворвался молодой учёный из КазНИГМИ Э. Монокрович и ошарашил всех таким заявлением: “Риску сделать пионерное заявление: рассчитать корректно экономическую эффективность гидрометобеспечения невозможно!” Аргументы его сводились

к тому, что в силу как организационных, так и экономических причин структуры экономики не могут идеально реагировать на прогнозы и предупреждения Гидрометслужбы. Они либо запаздывают с нужными решениями, либо их действия неадекватны размаху стихии, не говоря уже о том, что несовершенны и неточны сами прогнозы и предупреждения. Более взвешенным и корректным было выступление учёного из ЛГМИ (Ленинградский гидрометинститут) Л. А. Хандожко, который предложил методику оценки эффективности предупреждений о заморозках в случае их учёта в деятельности сельского хозяйства. По прошествии почти полувека более правым кажется мне Э. Монокрович: и в условиях развитого социализма и при “диком” капитализме поведение субъектов экономики и власти далеко от идеальных моделей реагирования на природные риски и катаклизмы. Пусть читатель вспомнит, как беспомощно вели себя соответствующие структуры во время летнего паводка 2019 года в Иркутской области или в борьбе с лесными пожарами в Восточной Сибири и Якутии летом того же года.

Уезжая из гостиницы на киевский вокзал, я ещё раз взглянул на памятник Богдану Хмельницкому. Не могу сейчас вспомнить, в какую сторону была направлена его гетманская булава: на Москву или на Варшаву?

С созданием в январе 1971 года Западно-Сибирского регионального научно-исследовательского гидрометеорологического института (ЗСРНИГМИ) объединились в одну структуру научные исследования, практическое гидрометобеспечение потребителей прогнозами и предупреждениями, методическое руководство гидрометстанциями и постами и издание режимно-справочных материалов. Директором института был назначен Самуил Моисеевич Шульман. Он же руководил всем Западно-Сибирским Управлением Гидрометслужбы. Его заместителем по научной работе был утверждён С. Д. Кошинский, а через два-три года – Г. Р. Контарев.

Г. И. Марчук

В это время в кабинетах и коридорах здания на Советской, дом 30, стали появляться молодые красивые, рослые мужчины – сотрудники нового отдела гидродинамических методов прогноза. Это был так называемый “десант” академика Гурия Ивановича Марчука – следствие договорённости между Шульманом и Марчуком о создании гидродинамического направления в ЗСРНИГМИ. Так, к институту были прикомандированы В. П. Дымников, несомненный лидер

этого направления, будущий академик РАН, его коллеги Г. Р. Контарев, Е. Е. Каленкович, Г. С. Ривин, П. Ю. Пушистов, Л. Н. Романов, Амиров и другие.

В.П. Дымников

Г.Р. Контарев

П. Ю. Пуустов

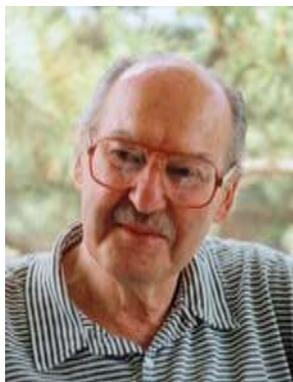
Основным достижением молодых гидродинамиков стала разработка и внедрение первой региональной численной модели и технологии краткосрочного прогноза погоды, получившей название “Диабат”. Она была достигнута в результате сотрудничества программистов РВЦ, синоптиков и молодых учёных. Прогнозистов-практиков численные прогнозы не вполне устраивали, так как модель давала замедленное по сравнению с реальностью развитие атмосферных процессов, занижала интенсивность барических образований. И всё же это был серьёзный шаг вперёд, солидный научно-прикладной результат, который выдвинул сибирский институт в число лидеров гидродинамических прогнозов в нашей стране. В 70-80-х годах предпринимались попытки улучшить качество регионального численного прогноза (Е. Е. Каленкович, Г. С. Ривин).

Г.С. Ривин

Но удача “улыбнулась” только в начале 90-х годов другой группе гидродинамиков под руководством А. А. Фоменко.

Запомнились мне отдельные эпизоды контактов с В. П. Дымниковым в начале 70-х годов. После моей успешной защиты кандидатской диссертации С.Д. Кошинский стал доверять мне редактирование некоторых статей, поступавших для публикации в Трудах ЗСРНИГМИ. Некоторые статьи были авторами написаны “на стыке” синоптики и гидродинамики, и я считал нужным такие давать на рецензию уже довольно маститому Валентину Павловичу. Реакция его после прочтения была порой предельно краткой. “Бред!” – говорил он и отдавал статью мне.

Дж. Смагоринский

Л. Н. Гутман

А. С. Монин

Хорошо помню некоторые совещания, семинары и встречи в начале 70-х годов, чаще в СО АН (в Академгородке), с участием крупных иностранных и советских учёных Дж. Смагоринского, Л. С. Гандина, А. С. Монины, Л. Н. Гутмана, Г. П. Курбаткина под

Л.С. Гандин

руководством Г. И. Марчука, Е. К. Фёдорова. Обсуждались глобальные идеи развития гидродинамических методов прогнозов погоды, моделирования процессов взаимодействия океана и атмосферы, климата. Как-то встал вопрос о влиянии роста концентрации углекислого газа в атмосфере. А. С. Монин задал скептический вопрос: "А кто за этим наблюдает? И кто доказал, что концентрация CO_2 растёт?" Стремительно встал М. И. Будыко и чётко (как бы я сейчас сказал, с чисто Путинской дикцией) сообщил, что соответствующие измерения ведутся на Гавайях, обсерваторией в Мауна-Лоа и т.д. Этот эпизод и предыдущие встречи с Будыко привели меня к выводу, что в лице Михаила Ивановича мы имеем первого интеллектуала и оратора Гидрометслужбы. Я был очевидцем энтузиазма, с которым участники одного из совещаний приняли решение Г. И. Марчука инициировать ПИГАП – программу исследования глобальных атмосферных процессов, прежде всего, взаимодействия атмосферы и океана (подпрограмма "Разрезы").

М.И. Будыко

Г.П. Курбаткин

В заключение данной главы не могу не вспомнить забавный эпизод, который произошёл на семинаре у Г. И. Марчука, где присутствовал и Е. К. Фёдоров. Известный

учёный и автор ряда методов численных прогнозов погоды Г. П. Курбаткин рассказывал о разработке какой-то новой численной модели и явно увлёкся деталями работы: "Интегрируя функционал эф-итую по фи-итую в диапазоне от..." Тут Евгений Константинович его перебивает: "Постойте! Вы прогнозируете барику? Так и говорите – барику, мол!" Ну, не любил академик и Герой Советского Союза излишнего академизма и запутанных сложностей!

... А советские "корабли погоды" в 70-е годы в соответствии с целями ПИГАП бороздили воды Мирового океана, собирая богатую и бесценную информацию о состоянии природной среды, которая впоследствии стала базой для создания новых моделей циркуляции атмосферы и океана, прогноза погоды и климата.

Глава 5. "Долгосрочная" лаборатория. "Везунчики" и "мученики" системы.

Я не знаю ни одной области науки, где всё, или почти всё, было бы так размыто, неопределённо, приближённо, имело бы такую низкую вероятность реализации, как долгосрочные прогнозы погоды. Удивительно, как при таком уровне знаний 80-100 лет назад в СССР было принято решение о составлении оперативных (регулярных) прогнозов погоды на месяц и сезон. И это в то время, когда даже краткосрочные (на сутки) прогнозы имели успешность вряд ли выше 70%! Трудно представить себе, каким могло быть качество долгосрочных прогнозов в годы Великой Отечественной Войны, когда обширные районы Европы представляли сплошное белое пятно на картах погоды, а ведь, судя по публикациям, фронт требовал достоверную информацию о "дальней" погоде. Интересно, какой могла быть судьба синоптика, допустившего серьёзную ошибку в оценке будущих погодных процессов? Трибунал? Штрафбат? Расстрел? (История, кажется, умалчивает.)

...Итак, весной 1973 года, как говорили, по решению Новосибирского обкома КПСС было признано необходимым

создать в ЗСРНИГМИ лабораторию долгосрочных прогнозов погоды (ЛДПП) с целью перехода к составлению регулярных прогнозов погоды на месяц по территории Западной Сибири. (Правда, самого решения обкома я не видел и не читал.) Предложили возглавить эту работу мне. Довольно долго С. Д. Кошинский и М. Г. Петрова, которая к тому времени возглавляла отдел гидрометеорологических прогнозов (бывшее Бюро погоды), убеждали меня “взяться за оружие”. Я интуитивно чувствовал всё несовершенство методологии долгосрочных прогнозов (в моём дневнике запись: “На этом поприще трудно снискать почёт...”), хотя тогда только что вышли из печати солидные методические указания по составлению месячных и сезонных прогнозов погоды. Мне

М. Г. Зубович

В.Д. Тарасенко

М.А. Шевченко

было жаль расставаться с “грозовой” тематикой: у меня что-то стало получаться с регрессионной моделью прогноза гроз и даже времени их начала в районе Новосибирска. К тому же на плечах висела общественная нагрузка учёного секретаря института. От всего этого надо было постепенно освобождаться, а также решать кадровую проблему. Постепенно из группы краткосрочников в новую лабораторию переходили синоптики с разным опытом работы. Первыми и длительно работавшими сотрудниками были М. Г. Зубович, В.

Д. Тарасенко, М. А. Шевченко, В. Г. Токарев, Г. П. Торубарова, С. В. Прилепская. Три года проработала с нами С. Н. Горовая. “Синоптиком №1” лаборатории, конечно, была М. Г. Зубович. К тому времени она уже имела 15-летний стаж работы. Естественно, Майя Григорьевна первой отправилась на стажировку по месячным прогнозам погоды в Гидрометцентр СССР. Созданием долгосрочного центра в Новосибирске завершилась организация “кольца” таких центров в масштабе страны: Москва (Гидрометцентр СССР) – главный методический центр в этой области и ответственный за составление прогнозов на месяц по Европейской территории СССР и Уралу, Новосибирск – Западная Сибирь, Иркутск – Восточная Сибирь, Хабаровск – Дальний Восток, Алма-Ата – Казахстан, Ташкент – Средняя Азия, Тбилиси – Закавказье.

В.Г. Токарев

С.В. Прилепская

Г.П. Торубарова

Москва оказала нам большую помощь в подготовке необходимого архива гидрометданных: карт аномалий среднемесячных значений температуры, давления, осадков, геопотенциала на уровнях 500 и 100 Па, различных индексов циркуляции, карт приземных и высотных естественно-синоптических периодов и массы других материалов. Но главное, Гидрометцентр СССР обеспечил стажировку наших синоптиков в сфере методологии и технологии составления месячных прогнозов погоды. В результате, через два года после создания нашей лаборатории, мы вполне были готовы к

практической работе прогнозирования на месяц по системе Б. П. Мультиановского – С. Т. Пагавы. (Спустя примерно 20 лет один из ведущих учёных в этой области, Д. А. Педь, назовёт эту методологию системой Б. П. Мультиановского - С. Т. Пагавы и Н. И. Зверева и признается, что хотел бы “торпедировать” её.)

А. А. Гирс

В марте 1973 года представилась возможность расширить свой научный кругозор: в Ленинграде состоялось совещание по сверхдолгосрочным прогнозам погоды. Я увидел и услышал А. А. Гирса, продолжателя синоптической школы Г. Я. Вангенгейма; в моём дневнике тех лет отмечено: “Простая и логичная схема” (очевидно, подбора аналогов-“гомологов”). Мне удалось поговорить с обаятельнейшей и милейшей женщиной,

доктором географических наук Е. В. Воробьёвой, которая и через 20 лет блистала ленинградским интеллектом и обаянием. На совещании, помимо синоптических, были широко представлены доклады о прогнозировании погоды с учётом космических (солнечно-земных и приливных лунно-солнечных)

Е.С. Рубинштейн

воздействий. Восхитил своей чёткостью доклад Саруханяна. (Как же много у нас способной молодёжи!) Участвовал в дискуссии ещё один корифей науки, профессор С.П. Хромов. Он задавал

провокационные вопросы в отношении типизации атмосферных процессов по Гирсу и Дзердзеевскому и, не без удовольствия, подчёркивал противоречия в речах учёных - “солнечников”. Многие участники совещания стали свидетелями забавной дуэли “голиафа” С. П. Хромова с “карлицей”, доктором географических наук Е. С. Рубинштейн. Хромов, нависая над Евгенией Самойловной: “Да нет никакой связи между солнечной активностью и циркуляцией атмосферы!” Е. С., бесстрашно глядя снизу вверх: “Нет, Сергей Петрович, какая-то связь всё же есть!” С. П., яростно жестикулируя: “Нет и нет связи, это всё шум!” Невозможно было удержаться от улыбки при виде этой пары дуэлянтов.

С.Т. Пагава

Р.М. Вильфанд

Переполненный информацией, впечатлениями и эмоциями, по пути домой я заехал в Москву, в Гидрометцентр. Познакомился с мэтром долгосрочной прогностики С. Т. Пагава. Представился и коротко рассказал о ленинградском совещании. Серапион Тадаевич буквально огорошил меня скептическим заявлением с лёгким кавказским акцентом: “Нэ надо было вам там быть!” Зато я легко сошёлся с заведующим отделом месячных прогнозов погоды Н. И. Зверевым, который, после короткого представления, сразу перешёл на “ты”: договорились кратко о будущем взаимодействии, стажировках и обмене информацией.

Моя стажировка в Гидрометцентре СССР в области месячных прогнозов погоды проходила в сентябре 1973 года. Коллектив отдела Н. И. Зверева был довольно большой и состоял из специалистов разных поколений. Старшее поколение (от 50 лет и старше) было представлено самим заведующим, а также В. Г. Шишковым, К. А. Васюковым, А. В. Бабкиным, М. Г. и Е. И. Борисовыми, Б. Г. Хесиной, Т. В. Сидоченко. Олицетворением обаяния среднего поколения была Екатерина Аркадьевна Чистякова, человек высочайшей культуры и сдержанности. Из молодых синоптиков запомнились темпераментная Л. Г. Рудичева и её антипод – очень спокойная Г. И. Туркенич (Чекмасова). Временами появлялся очень молодой сотрудник Р. М. Вильфанд, будущий руководитель Гидрометцентра.

Моей непосредственной “учительницей” по методологии месячного прогноза была ветеран отдела Л. Г. Борисова, которая скрупулёзно и тщательно выполняла все технические этапы прогнозирования: от выбора реперных процессов до процесса их “укладки” в годах-аналогах и анализа истории развития синоптических процессов и полей метеорологических элементов. Наблюдая выбор аналогов и обсуждение месячного прогноза в коллективе отдела, я поражаюсь темпераменту и ожесточённости споров между специалистами. Багровело лицо Н. И. Зверева, покрывалась пятнами лысина В. Г. Шишкова, дрожал голос Л. Г. Рудичевой... хотя, казалось бы, все специалисты должны были понимать предельный субъективизм методики как в целом, так и в подборе аналогов и, особенно, в оценке аналогичности. Впрочем, мне понравилось использование ЭВМ для этих целей, так как аналогичность оценивалась объективно, расчётами критериев (ρ , γ и других). Для просмотра архива карт использовался специальный проектор. Перечитывая недавно свой дневник, я обнаружил забавную критическую запись: “Здесь много треплются: когда успевают делать работу, науку – неясно...” Но вот что меня крайне огорчило спустя месяц,

другой после окончания стажировки: та тщательность, с которой Лидия Георгиевна подбирала аналог, используя даже ежедневные карты погоды, не оправдала себя полностью. По нашему аналогу ноябрь 1973 года в Западной Сибири непременно должен был стать холодным, а в реальности месяц характеризовался аномально тёплой погодой. Обескураживающее открытие! Но тогда это стало только стимулом для дальнейших исследований.

Запомнилось мне обсуждение синоптических процессов и прогноза погоды в отделе среднесрочных прогнозов погоды, которым руководила Г. Г. Громова, дама самых прекрасных форм и потрясающей женственности. Оперативный синоптик, как обычно, доложил схему развития атмосферных процессов и возможный сценарий погоды на ближайшие дни. Затем слово предоставили оппонентам: вставали убелённые сединами солидные матроны и громко, предельно ясно и чётко выступали, убедительно аргументируя с позиций классической синоптики, почему траекторию этого циклона надо отклонить километров на 100-150 восточнее, а другого вихря – направить круче к северу... Я сидел и думал: “А ведь они наверняка знали и Мультиановского, и Бержерона”. Мои размышления прервала Галина Григорьевна: “Ренад Азальевич! Вы не хотели бы что-нибудь добавить?” Я покачал головой: “Разве можно тут что-то ещё добавить?!”

Е.И. Толстиков

Незабываемым стал день 27 сентября, когда Виктор Антонович Бугаев покидал пост руководителя Гидрометцентра СССР и уходил в отставку. Зал был полон сотрудниками Центра, которые оживлённо переговаривались и сочувственно смотрели на недавнего лидера Службы. Чувствовалось, что его и любили, и уважали. От имени руководства ГУГМС приветствовал Бугаева Герой

Советского Союза Е. И. Толстиков; заявил в конце речи, что руководство дарит ему радиолу. Гигантская радиола покоилась рядом на столе. Виктор Антонович тут же предложил: “Ну вот, подними и поднеси её мне”. Евгений Иванович улыбнулся, крикнул и поднял радиолу (не без труда). Обратился с приветствием вновь назначенный директор Гидрометцентра М. А. Петросянц. Отметив роль В. А. Бугаева в развитии методологии прогнозирования погоды, Михаил Арамаисович завершил свою речь

М.А. Петросянц

так: “Виктор Антонович любит синоптику как...(тут была небольшая пауза) как женщину!” Удачное сравнение, подумал я. В зале раздался дружный смех. Ответная прощальная речь Виктора Антоновича была, удивительно непринуждённой, хотя и не лишённой грусти. “Ну, я тут в коридорах ещё буду шмыгать”, - пообещал он напоследок.

Здесь хочу отметить, что в то время некоторые социально-бытовые проблемы в Службе решались достойно: у Гидрометцентра СССР были своя амбулатория, свой стоматологический кабинет, услугами которого я, кстати, воспользовался, действовала система заказов на некоторые продовольственные товары.

После завершения стажировки у долгосрочников Гидрометцентра мне пришлось в качестве учёного секретаря института в том же году вновь поехать в Москву в ноябре на заседание Учёного Совета Гидрометцентра и Президиума НТС ГУГМС. Запомнилось обсуждение плана НИР на ближайшие годы, которое проводила учёный секретарь Центра А. А. Акулиничева, её комментарии и реплики по предложениям учёных и формулировкам научных тем, ожидаемым результатам, разделам... Выступала она резко, хлётко, порой с

едким сарказмом, добиваясь предельной чёткости и ясности формулировок. Солидные авторитетные, именитые учёные от её реплик краснели, бледнели, лицо многоуважаемого доктора физмат наук Б. Д. Успенского покрылось пятнами. Да, не зря некоторые коллеги звали между собой А. А. “акулой”. Но это была полезная и необходимая школа; она была бы чрезвычайно полезной и в наше время – эпоху “разгула” либерализма и небрежного отношения к русскому языку.

Серия московских командировок и встреч начала 70-х годов завершилась для меня участием, в январе 1974 года, во всесоюзном совещании по долгосрочным прогнозам погоды. Уже во время совещания я узнал, что в начале января скончался корифей гидрометеорологической науки, большой Друг и Учитель многих начинающих свой путь в нашей профессии В. А. Джорджио. А ведь ему не было даже 70 лет. Какая тяжёлая утрата! Вечная память Вам, Виктор Антонович!

На совещании ярче была представлена московская группа учёных: доктора наук Х. Х. Рафаилова, Д. А. Педь – апологеты синоптико-статистического направления в

Х. П. Погосян

долгосрочной прогностике; своей статью выделялся Х. П. Погосян, крупнейший учёный в области изучения общей циркуляции атмосферы. Молодой кандидат наук А. И. Угрюмов, которого я запомнил ещё по 1-ой Всесоюзной конференции молодых учёных, представил доклад о проблеме учёта связи квазидвухлетней цикличности и аномалий температуры воды в Атлантике при составлении долгосрочных прогнозов. И опять я отметил логичность и чёткость его

выступления. Своими достижениями в прогнозах поделилась Х. Х. Рафаилова; помнится, она говорила о достижении уровня

$\rho=0,6$, что адекватно 80-процентной оправдываемости. А вот здесь уже буквально взорвался Н. И. Зверев: он кричал, что это нереальный уровень в долгосрочных прогнозах. А если докладчик подойдёт к рубежу 100%, то остальных учёных можно просто выгнать. После такого “взрыва” последующие ораторы были скромнее: называли цифры $\rho=0,2-0,3$, то есть 60-65%. А вот в этом месте возмутился директор Гидрометцентра М. А. Петросянц: “Да вы понимаете, - кричал он залу с кавказским темпераментом,- что ваши $\rho=0,2$ никому не нужны!” Сидевший рядом со мной Д. А. Педь пробурчал: “Ну, это от некомпетентности”. Выступавший в прениях Н. А. Багров на этот раз демонстрировал пессимизм и неверие в возможность прогресса в долгосрочных прогнозах. Его более молодые и горячие оппоненты утверждали, что данной проблемой должны заниматься оптимисты: “А не веришь – лучше уйди с дороги, не мешай другим!” Темпераментно, несмотря на солидный возраст, выступил представитель КазНИГМИ М. Х. Байдал. Запомнилась его озабоченность, что многие авторы, по его мнению, мало уделяют внимания изучению физики атмосферных процессов, приводящих к крупным аномалиям погоды, и ограничиваются формально-статистическими выводами.

М. Х. Байдал

”Если так дело пойдёт и дальше, атмосфера исчезнет и останется одна статистика!”- под смех зала заключил он.

В конце 1973 года я довольно плотно изучал “долгосрочную” литературу и, конечно, прочёл монографию Михаила Харлампиевича по проблеме долгосрочных прогнозов

применительно к территории Казахстана, причём обнаружил в ней “зёрна и интересные мысли”. Нравилось, что в работах Байдала есть, образно говоря, “опорные сигналы” о том, с какими параметрами атмосферной циркуляции можно пытаться искать зависимости, полезные и для прогностики в Западной Сибири. Об этом, впрочем довольно коротко, удалось поговорить с Михаилом Харлампиевичем. Я помнил, конечно, о резкой критике работ Байдала со стороны многоуважаемого Н. И. Зверева, который на заседании ЦМКП в сентябре 1973 года обвинял его в “антинаучном подходе” к проблеме. Но в январе 1974 года меня это уже не смущало: я понял, что “долгосрочная” наука – это сфера ожесточённых споров и дискуссий. Так было, так есть, так будет и впредь!

Завершал работу совещания академик Е. К. Фёдоров; говорил просто, ясно, призывал не бояться признавать свои ошибки. А в конце своей речи вдруг задал вопрос всем сидящим в зале, какие же меры и решения надо предпринять, чтобы поднять качество долгосрочных прогнозов: “Скажите, что же вам нужно?” Кажется, на этот вопрос никто не сумел аргументированно ответить...

Своё описание московских впечатлений хочу заключить упоминанием об одном случайном, но интересном эпизоде. Наша новосибирская делегация была размещена в гостинице “Россия”, недалеко от Красной площади. Мне она показалось шикарней и по уюту, и по сервису, и по кухне, и по масштабам. Как-то утром едем мы вниз на лифте, и на одной остановке к нам стремительно входит стройный, высокий, молодой человек в модной в то время дублёнке. Его силуэт, даже со спины, был как-то странно знаком. Спустя некоторое время мужчина вышел из лифта. “Как будто, Магомаев”, - проговорил кто-то вполголоса. ”До боли знакомая спина”, - мелькнуло в моей голове. Ну и чем не сюжет для небольшой заметки? Она и появилась в очередном номере нашей институтской стенгазеты. Спустя много лет я узнал, что в 70-х годах Магомаев действительно проживал в этой гостинице.

1974-й год и первые месяцы 1975-го – это был период составления опытных месячных прогнозов погоды, своего рода учёбы, реализации полученных знаний и навыков в сфере технологии практического составления прогнозов на месяц. Первые результаты обнадеживали: уже прогноз на январь 1974 года получился чуть лучше, чем прогноз Гидрометцентра СССР, хотя и он был не идеален. Руководство нашего Управления, включая С. М. Шульмана, внимательно относилось к нашим работам, вызывало меня на консультации, особенно по ситуации с летними осадками этого года. Лето 1974 года оказалось засушливым, хлеба в Новосибирской области пострадали от засухи. И поскольку Гидрометцентр предсказывал июль влажным, М. Г. Петрова заявила, что ”лучше бы этого прогноза не было”.

Параллельно с оперативной работой велись научные исследования. Прежде всего, захотелось разобраться с влиянием солнечной активности на режим летних осадков. Используя карты аномалий месячных сумм осадков по территории Западной Сибири, я провёл анализ связи различных классов аномалий с фазами 11-летнего Солнечного цикла; при этом использовался метод наложенных эпох В. Н. Купецкого. Удивительно, но связь оказалась довольно чёткая: засушливые летние месяцы на юге Сибири чаще (и намного!) отмечались в годы минимальной активности Солнца, а месяцы с избытком осадков в основном попадали на годы с высокой солнечной активностью. Результаты этой работы я доложил на конференции молодых учёных ЗСРНИГМИ в декабре 1974 года. Конференция эта прошла сразу после итоговой сессии Учёного Совета, а доклад вызвал большой интерес у слушателей; я подсчитал, что мне было задано 15(!) вопросов. Но был успех и материальный: за доклад я получил, пусть и небольшую, денежную премию. Позже, в начале 1975 года я попытался применить дисперсионный анализ для оценки роли солнечной активности в режиме летних осадков. Получилось: вклад СА – это 34% дисперсии осадков, 53% - вклад

циркуляции атмосферы, 13% - прочие факторы. Немножко наивно? Возможно, но целая треть – доля Солнца! Это нечто.

В середине января 1975 года в Новосибирск прибыли лидеры Гидрометслужбы Е.К. Фёдоров и М.А. Петросянц. Они посетили наше Управление, Институт, ознакомились с состоянием оперативной и научно-исследовательской работы. В конференц-зале я, между прочим, кратко доложил о создании лаборатории долгосрочных прогнозов погоды, а А. Г. Чубенко о своём пребывании на Кубе и братской помощи кубинским гидрометеорологам. В Вычислительном Центре СО АН была организована встреча с коллективом ВЦ во главе с Г. И. Марчуком, где академик Е. К. Фёдоров рассказал об организации проекта ПИГАП, а заведующие отделами ВЦ доложили о своих работах.

Первое “боевое крещение” наша лаборатория получила летом 1975 года с началом выпуска первого официального прогноза погоды на июнь. Московский Гидрометцентр настаивал на аналоге, который указывал на возможность жестокой июньской засухи на юге Западной Сибири. Мы же, анализируя историю развития атмосферных процессов и погоды и, особенно, принимая во внимание мощные волны холода и осадков весной этого года, доказывали, что диалектика реальных процессов этого года противоречит истории выбранного Москвой аналога на июнь. Дошло до того, что в мае 75-го года мы направили официальную телеграмму – протест в адрес Гидрометцентра и ГУГМС, а также ещё раз переговорили по телефону с московскими синоптиками. Добавлю, что С. М. Шульман был чрезвычайно доволен нашими аналитическими рассуждениями и выводами. В конце концов, не без влияния С. М., был достигнут такой компромисс: по Новосибирской и Томской областям в качестве базы берётся наш вариант прогноза, а на Алтае – московский вариант. Что же было в реальности? Как таковой засухи, то есть сочетания аномального тепла и дефицита осадков на больших площадях, не было. Среднемесячная температура

была несколько ниже нормы, хотя в отдельных районах осадков в июне выпало меньше климатической нормы. Боевая ничья? Возможно. Но после этого эпизода мы методологически стали чувствовать себя увереннее. Да и на одном из заседаний Учёного Совета С. М. Шульман похвалил нас за творческое отношение к июньскому прогнозу.

В сентябре этого же года в нашем УГМС состоялась встреча с руководителем американских долгосрочников; звали его, помнится, доктор Гиллман; молодежавый стройный мужчина, “парень с юмором”. Он вкратце рассказал, на каких принципах базируется составление долгосрочных прогнозов в США. Как я понял, в прогнозах там указывают только фон среднемесячной температуры и осадков (норма, выше или ниже нормы), конкретных периодов с волнами тепла (холода) и осадков предсказывать в Штатах не берутся. Когда мы спросили Гиллмана, как там относятся к учёту солнечной активности в долгосрочных прогнозах, он дал понять, что отношение к этой проблеме скорее скептическое. Впрочем, “многого он не сказал”.

Под занавес уходящего 1975 года в нашей прогностической практике произошёл курьёзный случай, в прочем довольно приятный. На декабрь М. Г. Зубович прогнозировала аномалию температуры около и несколько выше климатической нормы. Но в начале месяца на юге Западной Сибири грянули 30-40-градусные морозы, и свежие аналоги указывали на весьма высокую вероятность длительных и суровых морозов. Неужели прогноз не оправдывается? Каково же было наше удивление, когда экстремально холодная погода начала декабря сменилась во второй половине месяца аномально тёплой погодой с оттепелями в дневные часы. В результате аномалия среднемесячной температуры приблизилась к норме, и месячный прогноз в целом оправдался. Ранее у Майи Григорьевны хорошо оправдался прогноз на август 1975 года. Так, постепенно, М. Г. Зубович

стала пользоваться репутацией “везунчика” в нашей профессии.

В последние месяцы 75-го года мне удалось найти графическое решение для фонового прогноза аномалий летних осадков на юго-востоке Западной Сибири. Для этого были построены графики асинхронной связи аномалий осадков (меньше нормы, норма и больше нормы) с зимними индексами циркуляции Л.А. Вительса (аномалии числа дней с антициклонической циркуляцией) и среднемесячными числами Вольфа, отображающими активность Солнца. Такая корреляционно-графическая модель обещала неплохие результаты в сфере успешности долгосрочных прогнозов аномалий летних осадков (на уровне 70% и выше). Эту работу я доложил на семинаре синоптиков, а затем на итоговой сессии Учёного Совета института в январе следующего 1976 года. В дальнейшем эта прогностическая модель была включена в план оперативно-производственных испытаний новых методов прогнозов в ЗСУГМС.

Методическое руководство Гидрометцентра СССР не ограничивалось только стажировкой наших ведущих специалистов в отделе месячных прогнозов ГМЦ или подготовкой архива синоптических карт и различных индексов циркуляции, хотя и это немало. В мае 1976 года методическую инспекцию нашей лаборатории провёл лично лидер долгосрочной прогностики нашей страны, доктор физико-математических наук Н. И. Зверев. В беседе с нами он ещё раз подтвердил незыблемость положений недавно опубликованного “Руководства по месячным прогнозам погоды” и, особенно, “культ реперов”, то есть определения ключевых (реперных) процессов, их ритмичности и обеспеченности, как основного методического инструментария при составлении месячных прогнозов погоды. Смущало то, что на практике этот инструментарий нередко давал сбои. К примеру, реперный процесс утверждался при его обеспеченности около 70% (или 0,7). Вероятность совместной

реализации двух реперных процессов равна произведению $0,7 \cdot 0,7 = 0,49$, то есть даже менее 50%, а если реперных процессов три или больше?! Откуда возьмутся надёжные долгосрочные прогнозы? Тогда Николай Ильич убеждал перейти к оценке обеспеченности отдельных предикторов (показателей), описывающих историю развития атмосферных процессов – метеорологических полей. Здесь тоже возникали методологические ловушки: скажем, по одним предикторам обеспеченность давала указания на “тепло”, а по другим предикторам на “холод”. Тогда уважаемый учёный разводил руками и восклицал: “Такая наша наука!”

Во время своего инспекционного рейда Н.И. Зверев нанёс визит к руководителю ЗСУГМС и ЗСРНИГМИ С. М. Шульману; говорил ему о необходимости усиления нашей лаборатории штатами и деньгами. Самуил Моисеевич благоразумно “отфутболил” его к руководству Госкомгидромета. Между прочим, пребывание Н. И. Зверева в Новосибирске совпало с 40-летием нашего ведущего синоптика М. Г. Зубович; он присутствовал на банкете в нашей лаборатории и произнёс довольно пышный тост в честь юбиляра: “Уважаемая Майя Григорьевна! Поздравляя Вас с днём рождения, я дарю Вам горячий антициклон своего сердца!” Каково?! Красиво, а главное профессионально!

Осенью 1976 года природа и атмосфера преподнесли нам суровые испытания. В конце сентября – начале октября Западную Сибирь стали захлёстывать волны холода, необходимо было уточнить прогноз атмосферных процессов и погоды на октябрь. И здесь чрезвычайно удачно сработала наша надежда и “везучик” М. Г. Зубович. С учётом сложившихся и ожидаемых процессов она нашла несколько аналогов, которые указывали на высокую вероятность формирования аномально холодной погоды в Западной Сибири, а значит – раннего замерзания рек в бассейне Оби и Томи. 5–6 октября в уточнённом прогнозе на октябрь среднемесячная температура была предсказана до 3 °С ниже

нормы. Вместе с заведующим лабораторией гидрологических прогнозов А. Н. Топчиной мы доложили на совещании в Западно-Сибирском речном пароходстве уточнение прогноза на октябрь и угрозу экстремально раннего развития ледовых явлений на реках Сибири. Хотя глава пароходства Горшков относился с иронией и скепсисом к долгосрочным прогнозам, но наша информация была воспринята речниками как указание к реальным действиям по прекращению навигации на реках. Помнится, наше пароходство было чуть ли не единственным в России, которое обеспечило своевременное перемещение судов, без аварий и поломок, в места зимнего отстоя и затоны. Ни одно судно пароходства не попало в тиски ледового плена и не пострадало. Тут надо упомянуть, что глава нашего отдела М. Г. Петрова в эти дни выезжала в Варшаву на какую-то конференцию европейских гидрометеорологов, и я здесь замещал её в качестве исполняющего обязанности заведующего ОГМП. Вернувшись с конференции и узнав о наших успехах, Мария Григорьевна от всей души обняла и расцеловала нас. Действительно, это был большой успех; добавлю, что во второй декаде октября сформировался снежный покров, а в третьей декаде морозы усилились до минус 20-30 °С. Необыкновенно рано начался лыжный сезон, да и октябрь этого года оказался самым холодным за всю историю метеорологических наблюдений.

В конце этого года по просьбе школы №76 города Новосибирска, где учился мой сын Артур, я рассказал одноклассникам Артура о Гидрометслужбе, о наших достижениях, проблемах. Слушали с интересом, а в конце встречи один пацан огорошил вопросом: "А сколько вы получаете?" А ведь это были не "лихие" 90-е, а "благословенные" 70-е годы того столетия!

3 января 1977 года в институт поступило приглашение из Москвы приехать на совещание в Госкомгидромет по проблеме долгосрочного прогноза на весенне-летний период этого года. Похоже, сильные засухи 70-х годов, особенно 1972

и 1975 годов, нанесли немалый ущерб сельскому хозяйству страны. А потому правительство хотело бы узнать у Гидрометслужбы: существует ли реальная угроза засухи в текущем году, и если “да”, то в какой части страны.

Ю. А. Израэль

Совещание началось 10 января, и его проводил новый глава Госкомгидромета СССР Ю.А. Израэль. Смотрел я на него и вспомнил, что “пересекался” с ним на обсуждении радиационно -метеорологической обстановки в начале 70-х годов на Семипалатинском ядерном полигоне, куда он приезжал в качестве эксперта от Института прикладной геофизики. Был он очень красив, на мой взгляд, солиден, вальяжен и обликом сильно смахивал на британского актёра Кристофера Пламмера, исполнившего в фильме “Ватерлоо” роль герцога Веллингтона, победителя Наполеона. На совещании со своими соображениями о вероятном сценарии погоды на лето 1977 года выступили все ведущие учёные, корифеи из Гидрометцентра СССР, ГГО, КазНИГМИ, ВНИИГМИ-МЦД... Предоставили слово и мне. Основываясь на полученной мной связи между солнечной активностью, атмосферной циркуляцией и летними осадками, я доложил о повышенной вероятности летней засухи на юге Западной Сибири (в условиях минимальной активности Солнца).

Участники совещания “уцепились за мои оценки”, так как у большинства учёных засушливость так же пришлась на Западную Сибирь. В соответствующем ключе затем составлялся, редактировался и подписывался результирующий фоновый прогноз на лето этого года.

Как ни странно, но и разработки официального месячного прогноза погоды в соответствии с методикой “Руководства по месячным прогнозам”, которые вела сотрудник нашей лаборатории В. Д. Тарасенко, также привели к выводу о возможном дефиците осадков на юго-востоке Западной Сибири в июне 1977 года. Далее, эстафета снова перешла ко мне, предстояло в начале месяца дать уточнение месячного прогноза. Аналогом на июнь вышел 1955 год, то есть экстремально тёплый и засушливый месяц. Этот прогноз ушёл на сеть метеостанций, в другие Центры с индексом “шторм”, с указанием дефицита месячных сумм осадков: не более 40% от нормы. И прогноз, и “шторм” блестяще оправдались. Во второй половине месяца жара достигла 33...38 °С, в Усть-Тарке столбик термометра взлетел до 41 °С.

По итогам научно-исследовательской и оперативно-производственной деятельности за 1977 год наш институт в системе Госкомгидромета завоевал первое место. А в начале февраля 1978 года приехавший в Новосибирск лидер службы Ю. А. Израэль вручил руководству ЗСРНИГМИ переходящее Красное Знамя. Наверное, в этих достижениях была и доля нашего труда, тем более что в своей приветственной речи наш руководитель С. М. Шульман похвалил за удачный прогноз засухи 1977 года, о вероятности которого мы информировали ещё в первом квартале года. И в последующие два года (1978-79) институт подтверждал своё лидерство в Гидрометслужбе страны и в области науки, и в оперативной работе, Красное Знамя оставалось у нас; можно сказать, “гордо реяло над зданием ЗСРНИГМИ-ЗСУГМС!”

В нашей работе мы, случалось, что называется, “зарывались”, и природа нас за это наказывала. При

разработках предварительного прогноза на осень, точнее на сентябрь 1979 года, мы получили аналоги с повышенной вероятностью избытка осадков и отрицательной аномалией среднемесячной температуры. Несмотря на мои возражения и призывы подождать до конца августа – начала сентября, когда могла бы проясниться ситуация, по настоянию руководства прогноз неблагоприятных условий уборки урожая на сентябрь был доведён в виде штормового предупреждения уже в первой декаде августа (?!). А что было в реальности? Несколько дождливых дней в начале осени, а затем – довольно благоприятные условия уборки урожая: что называется, ”сели в лужу”.

Не могу не похвастаться двумя своими удачами личного характера: успешными предварительными прогнозами на октябрь 1979 года и декабрь 1980 года. По критерию r была близка к единице (знак аномалии температуры), по ходу погоды оправдываемость превышала 70%, скромнее были показатели по осадкам: 60-65%. Но это была моя “лебединая песня”: в 1980 году в Москве было принято решение о разделении научных и производственных функций. ЗСРНИГМИ с 1981 года стал самостоятельной научной структурой и отделился от ЗСУГМС. Часть нашей лаборатории осталась в институте и стала заниматься только научными изысканиями, а другая часть перешла во вновь организованное Новосибирское Бюро погоды и продолжала составлять оперативные месячные прогнозы погоды по территории Западной Сибири.

Во второй половине 70-х годов журналисты стали проявлять внимание к нашей лаборатории; я нередко давал интервью газете “Вечерний Новосибирск” по месячным прогнозам погоды, особенно частыми были контакты с корреспондентом этой газеты Н. Захаровой. Сотрудники института бывали за границей; запомнились рассказы Г. Р. Контарева о конференции метеорологов в Женеве (март 1978 года), П. Ю. Пушистова о поездке в США (апрель 1979 года) и

во Францию (июнь 1980 года). Захватывающе интересно рассказывал Р. Я. Гесс о зимовке в Антарктиде, на станции “Восток” (март 1977 года); самым колоритным был эпизод трогательной заботы полярников о случайно попавшей на станцию мухе и об их переживаниях, когда всё же это насекомое погибло.

В апреле 1980 года Западно-Сибирская гидрометслужба, в том числе институт, подверглись комплексной инспекции Госкомгидромета. В инспекции принимали участие не только представители Москвы (Сивопляс, Б. Д. Успенский, А. А. Акулиничева...), но и соседних управлений (А. И. Ерофеева, начальник Омского БП). Возглавлял инспекцию заместитель руководителя Госкомгидромета В. Г. Никитин, как я помню, мужчина жёсткий, резкий, кажется, бывший фронтовик. Он своими вопросами и наездами “перепугал синоптиков до смерти, а некоторых (М. А. Черкесова) довёл до слёз”. Впрочем, в своём итоговом докладе Никитин дал высокую оценку качеству гидрометобеспечения органов партийной и государственной власти, научной деятельности; критическим замечаниям подверглись работы с наблюдательной сетью и финансовая деятельность. Между прочим, тот же Никитин вручил мне в сентябре 1980 года знак “Отличник Гидрометслужбы СССР”. Тогда отмечалось 50-летие организации Западно-Сибирского Управления Гидрометслужбы. Торжества и банкет прошли в Новосибирском Гарнизонном Доме Офицеров, прекрасный концерт дал ансамбль Сибирского военного округа.

Ярким событием уходящего 1980 года был визит кубинских метеорологов в Новосибирск. Звали их Оскар и Армандо: первый был, как говорили, начальник наблюдательной сети, а второй директором гидрометинститута. Кубинцы встречались и беседовали с руководителями структурных подразделений Гидрометслужбы и института, заведующими отделов и некоторых лабораторий. Все службы, отделы, лаборатории соревновались в горячем

российском гостеприимстве, во всех аудиториях и кабинетах что-то варилось, жарилось и кипело; вино, а точнее – спиртное, лилось рекой. Это был настоящий апофеоз советско-кубинско-

Кубинские и новосибирские метеорологи. Дружба навсегда!

сибирской дружбы! Высокой планке этой горячей встречи энергично способствовал А. Г. Чубенко, который в 70-х годах работал на Кубе и блестяще владел испанским языком. Порой он выступал в качестве переводчика; то и дело, жестикулируя рукой, восклицал: “No pasaran!”

Как я уже говорил, помимо оперативной работы по составлению месячных прогнозов погоды, в 70-х годах наша лаборатория вела и научные изыскания. В 1976-77 годах лаборатория выполнила раздел 2 темы 1.04.07 плана НИР ГУГМС по изучению условий формирования крупных аномалий среднемесячной температуры на территории Западной Сибири и разработке рекомендаций по их прогнозированию. Мы изучили повторяемость крупных аномалий температуры за 75-летний период по сезонам, месяцам, их устойчивость и преемственность. Выявили длительные периоды с однородной аномалией, которые связаны с циркуляционными эпохами. Выполнили анализ атмосферных процессов (по типизации Ю. Б. Храброва),

которые вызывают крупные положительные и отрицательные аномалии. Была обнаружена статистически достоверная изменчивость повторяемости аномалий температуры в 11-летнем цикле Солнечной активности, особенно для летних месяцев, найдены синхронные и асинхронные связи между месячными числами Вольфа и аномалиями температуры. Конечно, я использовал в своей работе труды отечественных и зарубежных учёных, гелиофизиков и геофизиков: Л.А. Вительса, Ю. И. Витинского, А. А. Гирса, И. В. Максимова, А. И. Оля, Т. В. Покровской, Б. И. Сазонова, Д. Германа, Р. Гольдберга и других. Удалось выявить комплекс необходимых и достаточных условий для формирования крупных аномалий: по истории развития циркуляции атмосферы, термического режима вод Северной Атлантики, ледовитости Баренцева моря, состояния Центров действия атмосферы, приземного барикоциркуляционного режима (по Л. А. Вительсу). Это дало возможность разработать способ фонового прогноза аномалий температуры с использованием диаграмм вероятности на базе асинхронных гидрометеорологических связей в системе атмосфера – океан – Солнце.

Результаты этой темы были развиты в следующей теме 1.04.24 плана НИР Госкомгидромета на 1978-80 годы, том 2, в процессе выполнения которой был разработан детализированный по территории Западной Сибири синоптико-статистический способ прогноза аномалий среднемесячной температуры на базе уравнений регрессии с использованием наиболее информативных для каждого месяца предикторов, описывающих предшествующую историю развития макропроцессов, характеристик подстилающей поверхности и Солнечной активности. Были изучены асинхронные связи между аномалиями температуры в Сибири и атмосферными процессами в тихоокеанско-американском секторе, дана оценка сопряжённости атлантических и тихоокеанских ЦДА перед крупными аномалиями температуры в Сибири. Попытались мы найти резервы повышения эффективности собственно

синоптического метода месячных прогнозов погоды: провели оценку успешности наилучших лет – аналогов по разным предсказателям-параметрам – от “укладки” реперных процессов до полей метеозлементов, индексов циркуляции, ЦДА, температуры воды в Северной Атлантике... Разбирались с успешностью применения аналогов повышенной обеспеченности, то есть дающих однотипные указания на аномалию температуры прогнозируемого месяца. Изучали возможность применения метеорологической инерции: оценивали корреляционную связь температурной аномалии первой пентады и последней декады предшествующего месяца с аномалией среднемесячной температуры прогнозируемого месяца. Проверка качества численных прогнозов аномалий температуры на зависимом и независимом материале вывела нас на рубеж 0,4-0,5 по критерию ρ (или 70-75% по знаку аномалии), что было очень неплохо. Можно было передавать метод на оперативные испытания.

Хочу сказать, что в научной работе принимали участие все ведущие специалисты-синоптики лаборатории. К нашим изысканиям подключилась бывшая сотрудница КазНИГМИ И. П. Фадеева, которая после выхода на пенсию переехала в Новосибирск. Большую помощь в работе нам оказало руководство нашего Вычислительного Центра - В. П. Крысов и И. В. Колотовкин, которые делегировали в нашу тему инженера ВЦ Т. А. Штарову: она занималась отладкой программ расчёта аномалий температуры на ЭВМ “Весна”.

Результаты этой работы я неоднократно докладывал: и на итоговых сессиях Учёного Совета нашего института, и в Гидрометцентре СССР, и даже на заседании Астросовета АН СССР в Москве (май 1979 года). В июне 1979 года доклад был озвучен на прошедшем в Новосибирске Всесоюзном совещании по теме “Гидрометеорология Сибири – народному хозяйству”, а в феврале 1980 года на научной конференции в моём родном Казанском Университете. Подготовленные по

результатам работы статьи публиковались в трудах ЗСРНИГМИ.

Со временем я подготовил научно-популярную лекцию о состоянии и развитии долгосрочных прогнозов погоды, с которой выступал перед различной аудиторией: перед специалистами наблюдательной сети, агрометеорологами-прогнозистами, в сельхозинституте перед директорами совхозов и председателями колхозов... Причём, в моём дневнике есть ремарка: “Народ зубастый, критики и вопросов – масса, но вывод такой: хоть и плохонький, но прогноз долгосрочный нужен!”

Научная тематика выполнялась под руководством Гидрометцентра СССР, в целом, в масштабах страны. Однажды Н. И. Зверев собрал всех соисполнителей этой темы на семинар. Обсуждение и дискуссия были, судя по моим записям, бурными. Выступали М. Х. Байдал, А. И. Неушкин, Г. К. Турулина, Г. Н. Чичасов. Моё сообщение о проделанной работе было воспринято благожелательно; более того, Н. И. Зверев предлагал мне изучить связь температурных аномалий и солнечной активности в разных регионах страны. Бурно реагировал на ход обсуждения М. Х. Байдал, который даже обвинил руководителя темы в феодализме при выборе направления исследований: Зверев призывал усилить внимание к роли подстилающей поверхности. Самым лаконичным было сообщение представителя ЗакНИГМИ Чоговадзе: ”Ми все пробавалы, но у нас нычего нэ получилось”. Слабая улыбка Зверева и короткая реплика: “Это самая печальная история”.

Оперативная и научно-исследовательская работы велись практически одновременно. Это было и сложно, и трудно, но коллектив лаборатории в целом справлялся с проблемами. Работали все дружно, профессионально, добросовестно, хотя характеры у всех были непростые, возникали и бытовые, финансовые и семейные проблемы. Но ответственное отношение к труду, к своей профессии, было, наверное, отличительным качеством нашего поколения. Я уже писал о

профессионализме М. Г. Зубович. А вот как в своём дневнике я характеризовал другого синоптика лаборатории – В. Д. Тарасенко: “Постоянно думающая, сомневающаяся, беспокойная – такие нужны нашей лаборатории”.

И всё же я погрешил бы против истины, если бы не назвал человека, который в течение, по крайней мере, трёх лет отравлял производственный и психологический климат лаборатории. Это Александр Георгиевич Сытин. Когда в 1973 году создавалась наша ЛДПП, я считал, что нам нужен математик, который бы мог заняться математической обработкой, анализом и обоснованием получаемых статистическими методами зависимостей и связей. К нам Сытин перешёл из биологического института СО АН; кто-то из сотрудников института дал ему в телефонном разговоре положительную характеристику. Александр Георгиевич охотно пускался в пространные рассуждения по разным проблемам науки, в том числе метеорологии, и высоко оценивал стиль и уровень своей работы. Каков же был результат его работы за 2-3 года? Математическая модель Сытина по определению прогностического класса летних осадков потерпела крах: ЭВМ выдала сплошные нули. А далее был каскад его эпатажных заявлений, откровенного саботажа и кляуз. Свои жалобы, в которых он обвинял “всех и вся” в произволе и “придирках”, он отправлял и в Гидрометцентр СССР, и в ЦК КПСС, и в обком партии, и в Президиум Верховного Совета СССР. Конечно, по всем кляузам мне приходилось писать объяснительные, а к заместителю прокурора пришлось пойти лично. Руководству института тоже пришлось “кряхтеть” из-за скандального поведения сотрудника института. В конце концов, М. Г. Петрова договорилась о переводе этого “индивида” в другой отдел (синоптических исследований). Но и там он не удержался: в конце 1980 года последовала очередная его кляуза на сотрудников уже этого отдела руководству Госкомгидромета СССР, и его “ушли”, как говорится, “по собственному желанию”.

Но даже после ухода Сытина обстановка в коллективе лаборатории была нелёгкой. Со временем обострились отношения между сотрудниками, которые тяготели к научной работе, и синоптиками чисто практического склада ума и характера. Особенно это проявилось в конце 70-х годов, когда руководство института потребовало перевести часть штата старших инженеров в младшие научные сотрудники. Как это? Был “старшим”, а стану ”младшим”! (Правда, при той же зарплате.) “Ни за что!” А сколько было слёз и воплей, если узнавали, что кому-то из соседней лаборатории повысили оклад на 5 рублей, а “мы – что, хуже?!” И опять бесконечные разборки и претензии... Поэтому, когда в конце 1980 года пришло известие о разделении науки и производства, Института и Бюро погоды, я это воспринял с удовлетворением. Работа в самостоятельной научной структуре – СибНИГМИ, обещала быть более спокойной и продуктивной...

Благодарности.

Выражаю глубочайшую благодарность специалистам Гидрометцентра России, особенно научному руководителю ГМЦ РФ Роману Менделевичу Вильфанду, за тёплую дружескую поддержку при подготовке данной рукописи, активный поиск и представление фотографий ведущих учёных Гидрометцентра.

Моя искренняя благодарность начальникам Омского и Красноярского Гидрометцентров Л. А. Литовкиной и М. А. Ерёминой, сотрудникам ФГБУ “Западно-Сибирское УГМС” - Гидрометцентра, РВЦ, аппарата, музея: М. В. Виноградовой, В. Ф. Богдановой, И. Г. Ковригиной, Д. В. Бурутину, Л. П. Воробьёвой, Р. И. Димитровой, Н. Е. Чухилю, Т. Н. Дяденко за неоценимую помощь в поисках и подборе иллюстративного материала к 1 и 2 частям моих автобиографических воспоминаний.

Р. А. Ягудин

Глава 6. От успехов к разочарованиям. Конфликты, утраты и потери.

Оглядываясь назад, убеждаюсь, что конец 70-х – начало 80-х годов прошедшего столетия – это был период кульминации моей научной деятельности. Получалось почти всё, во всяком случае – многое.

В 1978 году на Учёном Совете института меня вновь переизбрали заведующим лабораторией долгосрочных прогнозов погоды на очередной пятилетний срок. Почти единогласно, только один голос был “против”. В следующем году, после удачных оперативных испытаний, разработанный мной метод фонового долгосрочного прогноза аномалий месячных сумм летних осадков на юго-востоке Западной Сибири был внедрён в оперативную практику. В конце 70-х годов ВАК (Высшая Аттестационная Комиссия) в Москве утвердила меня в научном звании старшего научного сотрудника. В Госкомгидромете вспомнили про разработанный мной ещё в 60-е годы расчётный метод краткосрочного прогноза гололёда. Оказалось, что из трёх испытанных в разных УГМС методов мой показал лучший результат. По требованию заместителя начальника УГМО Госкомгидромета И.В. Кравченко пришлось написать методические указания и направить их в эти Управления; указания были подготовлены солидным тиражом (1200 экз.). В январе 1980 года мне доверили быть председателем итоговой сессии Учёного Совета института; заместитель директора СибНИГМИ П. Ю. Пушистов удостоил меня похвалы (“Неплохой спикер!”). А вскоре я представил к оперативным испытаниям метод долгосрочного синоптико-статистического (регрессионного)

долгосрочного прогноза аномалий среднемесячной температуры по территории Западной Сибири.

X.X. Рафаилова

Решалась проблема роста научных кадров: в заочную аспирантуру Гидрометцентра СССР был принят сотрудник нашей лаборатории В.Г. Токарев, а один из ведущих учёных страны, доктор географических наук, Х.Х. Рафаилова согласилась стать руководителем его диссертации. Удалось отстоять, не без помощи Пушистова, пребывание М.Г. Зубович в составе нашей лаборатории: её соблазнили перейти в отдел гидрометобеспечения народного хозяйства на более высокий оклад. Не мог я примириться с потерей самого опытного и “везучего” синоптика: добавили к её ставке ещё 5-10 рублей, и она согласилась у нас остаться. В октябре 1978 года лаборатория усилилась с переходом в наши ряды опытного синоптика С.В. Прилепской, которая до этого имела значительный стаж практической работы в области авиационной метеорологии и краткосрочных прогнозов погоды.

Расширялись научные контакты института с учреждениями и организациями Гидрометслужбы, университетами, где готовили будущих специалистов – гидрометеорологов и вели научно-исследовательские работы.

Даже традиционные ежегодные итоговые сессии Учёного Совета СибНИГМИ превращались в крупномасштабные многодневные конференции, чуть ли не союзного масштаба. В январе 1978 года на нашей итоговой сессии было представлено 57(!) докладов по различным проблемам гидрометеорологии. С докладом выступил и мой однокашник, в то время доцент кафедры метеорологии Казанского университета, Ю.П. Переведенцев (о математическом моделировании процессов в мезосфере). В том же году П.Ю. Пушистов посетил Казанский университет, встретился с заведующим кафедрой метеорологии Н.В. Колобовым; своё впечатление о профессоре выразил короткой репликой: “Серьёзный мужик!”

А.И. Мишкарёв

Р.Ш. Иманова

Е.Д. Федотова

В 1980 и 1981 годах, оба раза в феврале, после командировок в Гидрометцентре и ГУГМС, возвращаясь в Новосибирск, я заезжал в Казань и выступал с докладами по результатам НИР в области долгосрочных прогнозов на научных конференциях, которые проходили под

председательством Николая Васильевича Колобова при участии практически всех сотрудников кафедры, всех, кто

М.А. Верещагин

Г.А. Тарасов

В.М. Степанова

итал студентам, лекции и прививал любовь к метеорологии и синоптике: А.И. Мишкарёва, Р.Ш. Иманаевой, Е.Д. Федотовой, Р.И. Гумеровой, М.А. Верещагина, Г.А. Тарасова.

А.П. Дедков

Е.П. Бусыгин

Запомнилась чрезвычайно тёплая атмосфера этих встреч. Вероника Михайловна Степанова, проводившая с нами, студентами, в 60-е годы синоптическую практику, при встрече обняла меня и воскликнула: “Здравствуй, Ренатик!” Как это было приятно и по-матерински! На конференции присутствовали не только метеорологи, но и представители других направлений науки: геоморфолог А.П. Дедков, этнограф Е.П. Бусыгин. В 30-е довоенные годы, да и после войны, Евгений Прокопьевич работал скрипачом в оркестре Татарского академического драматического театра, где познакомился с моим отцом. (Добавлю, что в начале 80-х географак располагался уже не в старинном главном корпусе университета, а на 14-16 этажах высотного второго учебного корпуса.)

А.И. Оль

1980-й был годом масштабных всесоюзных научных конференций и совещаний. В марте в Ленинграде прошла крупная конференция по проблеме долгосрочных прогнозов погоды с широким участием учёных, гелиофизиков и метеорологов, использующих в прогнозах солнечно-земные связи (А.И. Оль, В.Ф. Логинов, Е.В. Воробьёва и другие). Я также выступил с докладом. Между прочим, Таисия Васильевна Покровская сообщила, что в скором времени она повезёт в Москву, на Центральную Методическую Комиссию (ЦМКП) Госкомгидромета “Первую Солнечную модель долгосрочного прогноза”.

Нашим гидом в Ленинграде был Г.Н. Чичасов, который в 70-е годы учился в очной аспирантуре ЛГМИ. Запомнилось, как он вёл нас с Г.К. Турулиной по Невскому проспекту и вдохновенно рассказывал: “В этом доме встречался Тургенев с Полиной Виардо... А в этой гостинице свёл счёты с жизнью Сергей Есенин... А здесь Александр Блок...” В последний день пребывания в Ленинграде мы с Галиной съездили на кладбище “Литературные мостки”, поклонились могилам великих писателей России: Некрасова, Добролюбова... и даже успели заехать в Эрмитаж.

М.А. Чубенко

В конце октября того же года знаковое совещание прошло в Москве, в ГУГМС, по перспективному планированию НИР в области прогнозов погоды на 1981-83 годы. Туда приехала представительная делегация нашего

Д.А. Педь

института во главе с П.Ю. Пушистовым и учёным секретарём М.А. Чубенко. Председателем Совещания был М.А. Петросянец; работа была организована по секциям: долгосрочные прогнозы (руководитель В.П. Садоков), численные краткосрочные прогнозы (С.Л. Белоусов), среднесрочные прогнозы (Г.Г. Громова). Я работал в секции долгосрочников. Нельзя сказать, что дискуссия и обсуждение результатов проведённых в последние годы исследований по этой проблеме всё время были конструктивными, ощущалась тенденция каким-либо образом ущемить гелиофизическое направление. Запомнилось своеобразное противостояние между Д.А. Педем (Гидрометцентр) и по-ленинградски обворожительной и очаровательной Е.В. Воробьёвой (ГГО). Дмитрий Антонович раз за разом предлагал внести в решение секции формулировки, умаляющие или даже дискредитирующие солнечников, а Евгения Викторовна так же неумоимо и спокойно, светло улыбаясь, корректно возражала и вносила свои предложения. В результате верх одержали женская дипломатия и обаяние. Была составлена общая программа работ на ближайшие три года, поставлены достаточно амбициозные для долгосрочных прогнозов цели и ожидаемые результаты. Только вот в этом месте “самая обаятельная и

привлекательная” тихо и горестно воскликнула: “Ой, ведь ничего этого мы не добъёмся!” Но было уже поздно...

В.П. Садоков

С.Л. Белоусов

Г.Г. Громова

На пленарном заседании В.П. Садоков, С.Л. Белоусов и Г.Г. Громова доложили об итогах работы и решениях каждой секции; перспективная программа НИР по всем направлениям развития методов прогноза погоды была принята.

В последний вечер нашего пребывания в Москве П.Ю. Пушистов сообщил о принятых в Госкомгидромете решениях по реорганизации нашего УГМС и института, о разделении оперативно-производственной и научно-исследовательской деятельности. А в декабре этого же года он вернулся из командировки в Москву утверждённым директором института (как говорится, «на щите») и на новогоднем банкете 26 декабря в ресторане «Центральный» с гордо поднятой головой блеснул речью, напомнив

В.В. Ерёмин

присутствующим о 10-летию института и о выдающихся заслугах первого его директора, начальника Западно-Сибирского УГМС Самуила Моисеевича Шульмана... Грянула овация.

«Развод» института и УГМС в январе 1981 года сопровождался перемещением сотрудников, тяготеющих к практической работе, в Бюро погоды, где начальником вновь созданного отдела долгосрочных прогнозов стала многоопытная М.Г. Зубович. А я с оставшимися верными науке сотрудниками сформировал научную лабораторию долгосрочных прогнозов погоды. К нам перешёл В.В. Ерёмин, который за год до этого защитил кандидатскую диссертацию под руководством доктора физ.-мат. наук, профессора М.И. Юдина. Таким образом, в нашей лаборатории развивались два направления: синоптико-статистическое (под моим руководством) и физико-статистическое (руководитель В.В. Ерёмин). Наша лаборатория и лаборатория прогнозов малой заблаговременности, руководимая И.Г. Храмцовой, вошли в состав отдела синоптико-статистических методов прогноза погоды (ОССМП), который возглавил Леонид Николаевич Романов. Его правой рукой была Г.М. Виноградова, она же чаще всего замещала его в период отпусков. В том же году в нашу лабораторию перешла из экспедиционной партии Управления квалифицированный климатолог В.Г. Осокина. Ей я поручил заняться исследованием эффективности и надёжности аналогов по так называемым обеспеченным предикторам (предсказателям). Физико-статистическая группа была усилена молодой выпускницей ЛГМИ Л. Аксёновой, которая прошла непродолжительную стажировку в Бюро погоды.

Г.М. Виноградова

Л.Н. Романов

В.Г. Осокина

В 1981 году после успешных оперативных испытаний оба метода, синоптико-статистический метод детализированного прогноза аномалий среднемесячной температуры по Западной Сибири (автор Р.А. Ягудин) и физико-статистический метод прогноза аномалий температуры и осадков летних месяцев по югу Западной Сибири (автор В.В. Ерёмин), решением научно-технического совета Западно-Сибирского УГМС были внедрены в оперативную практику Новосибирского Бюро погоды.

Отмечу, что Владимир Викторович в те годы был чрезвычайно активным не только в науке. Как опытный альпинист и спортсмен, он в летние месяцы вместе со своей супругой Л.С. Хайбулиной регулярно выезжал на Кавказ и даже участвовал в работах по спасению попавших под снежные лавины туристов и альпинистов.

В начале 80-х годов сфера моих научных интересов сместилась к изучению влияния 18-22-летнего цикла лунно-солнечных приливов на формирование атмосферной циркуляции и температурных аномалий в Западной Сибири. При этом я использовал каталог приливообразующих сил, приведённый в монографии И.В. Максимова, 1970 года. Обнаружились интересные и статистически значимые связи форм циркуляции (по Вангенгейму – Гирсу) и аномалий температуры для зимних месяцев, открывающие возможности для сверхдолгосрочного прогноза погоды. Дисперсионный анализ для декабрьских процессов показал: вклад в дисперсию лунно-солнечного цикла 46%, солнечной активности - 20% (остальные факторы -34%). Во время доклада на одном из научных семинаров реакция аудитории была бурной, даже по количеству заданных мне вопросов (11!). Правда, ещё более парадоксальный доклад примерно по той же тематике сделал накануне на гидрологическом семинаре весьма пожилой гидролог И.И. Волков: он доказывал, что его гидрологические прогнозы с учётом фазы Луны оправдываются на 100% (ни больше ни меньше!).

Как известно, издавна традиционно крепкими были связи между Гидрометслужбой Западной и Восточной Сибири и Гидрометслужбой Монголии, прежде всего по вопросам обмена наблюждённой гидрометинформацией. В 1981 году наш отдел заложил основы научно-прикладного сотрудничества между СибНИГМИ и Управлением Гидрометслужбы Монгольской Народной Республики. В октябре этого года к нам приехал монгольский метеоролог Нацагдорж. В соответствии с разработанной накануне и согласованной со всеми инстанциями программой была организована его встреча

с руководством института и УГМС, руководителями отделов и лабораторий. На Учёном Совете Нацагдорж рассказал о структуре и деятельности Гидрометслужбы Республики, проблемах и достижениях, выразил заинтересованность в развитии методов долгосрочных прогнозов погоды на территории Монголии. Он был ознакомлен с работой службы связи, РВЦ, Центра мониторинга окружающей среды, Спутникового Центра. В рамках культурной программы монгольский гость посетил спектакль нашего «Сибирского Колизея» - оперного театра. Монгольский визит был освещён в институтской стенгазете, где Нацагдорж поместил короткую заметку с тёплым названием “Найрамдыл”, что означает “Дружба”.

Несмотря на разделение функций НИИ и УГМС связи с практикой мы не теряли. Сотрудники нашей лаборатории регулярно участвовали в обсуждении аналогов и месячных прогнозов, которые проводились в Бюро погоды. Вместе с В.Н. Барахтиным, который к тому времени стал заведующим лабораторией авиационной метеорологии, мы практически ежедневно посещали синоптиков отдела краткосрочных прогнозов, который возглавляла М.А. Черкесова, и принимали участие в дискуссии и обсуждении прогнозов погоды на ближайшие сутки. Убеждён, что это был нужный и полезный опыт практической работы для любого учёного, который занимается разработкой методов прогноза погоды.

В правильности этих действий я ещё раз убедился в конце октября 1981 года. Утром 30 октября Новосибирск испытал транспортный коллапс: при температуре около минус 3°С на улицы города сеял мелкий переохлаждённый дождь; моментально замерзая при ударе о тротуар, капли

образовывали плотный ледяной паркет, непроходимый для транспорта. Ни до этого случая, ни спустя почти сорок лет после него такой жуткой гололедицы в районе Новосибирска ни я, ни мои коллеги не видели. Городской транспорт практически встал, закрылись аэропорты; помню, на работу я добирался около трёх часов. К сожалению, гололёд такой интенсивности не был синоптиками предсказан, что получило большой и, конечно, негативный общественный и административный резонанс. Была создана комиссия из представителей Западно-Сибирского УГМС и института, привлекли в комиссию и меня. Так получилось, что основная работа по составлению и редактированию решения (заключения) комиссии о причинах формирования сильной гололедицы и неудачного её предсказания выпала на мою долю. Разумеется, решение проходило согласование с руководством и ведущими специалистами Бюро погоды, М.Г. Петровой, М.А. Черкесовой, Л.Н. Староватовой, М.Г. Зубович; в обсуждении документа участвовали В.Н. Барахтин и В.М. Яркова. Было признано целесообразным трансформировать его в информационное письмо и методические указания по прогнозу гололедицы (на примере 29-30 октября 1981 года). Признаюсь, что в данном документе я допустил критическую оценку состояния разрабатываемых в нашем институте методов численных гидродинамических методов, авторы которых не уделяли внимания методам прогноза ОЯ. Разумеется, П.Ю. Пушистов такой критикой был крайне недоволен. Во время душевительной беседы, грозно сдвинув брови, негромко спросил, а помню ли я, где получаю зарплату. Пришлось вспомнить, как и то, что директор института патриот гидродинамического направления НИР...

Говоря о связи с деятельностью УГМС, добавлю, что сотрудники института, и я в том числе, выступали на ежегодных региональных семинарах синоптиков Западно-Сибирского УГМС с докладами о результатах научных исследований по прогностической тематике. Я по-прежнему руководил общей с Управлением оперативной группой по метеорологическому обеспечению гражданской обороны (ГО); выезжали 1-2 раза в год на учения ГО в район Коченёво, на запасной узел связи (ЗУС) совместно с синоптиками, связистами, техниками-метеорологами.

К нам в Новосибирск, для обмена опытом работы, приезжали ведущие специалисты-практики из других регионов

А.И. Ерофеева

Сибири. Сильное впечатление оставила в начале 80-х годов начальник Омского Бюро погоды А.И. Ерофеева, которая у нас на Учёном Совете доложила о полученных ею зависимостях для долгосрочного прогноза весенне-летних осадков (апрель-июнь) на юге Западной Сибири. Понравилось, что, несмотря на рекомендации ГУГМС об ограничении в текстах месячных прогнозов упоминаний о волнах тепла и холода, она в своих прогнозах эти волны сохранила.

(“Молодец!”- записано в моём дневнике.)

Группы добровольной народной дружины (ДНД), в которых мы вечерами после работы патрулировали улицы прилегающего к нашему зданию микрорайона, были общие - из сотрудников института и УГМС. Во время одного такого дежурства в октябре 1981 года произошёл непредвиденный

случай: пьяный дебошир ударил меня кулаком в лицо, несильно, но очки разбил. Правда, потом и ему в опорном пункте ДНД досталось...

Научные контакты развивались не только с родным Казанским университетом. В начале 1982 года подготовила и представила к защите кандидатскую диссертацию сотрудник кафедры метеорологии Томского университета Н.М. Алёхина. В своей работе она исследовала возможность прогноза грозовой активности на юге Западной Сибири с учётом солнечно-атмосферных связей. Я был утверждён одним из оппонентов её диссертации. В ноябре 1982 года Нелли Михайловна приехала к нам на ежегодный семинар синоптиков Западно-Сибирского УГМС по вопросам метеорологического обеспечения народного хозяйства. В последний день занятий она вдруг предложила мне подготовить и прочитать перед сотрудниками кафедры и студентами лекцию по региональным методам долгосрочных прогнозов погоды, разработанным на базе почти десятилетних исследований. Аналогичное предложение получил и В.В. Ерёмин. В середине декабря мы с ним прибыли в Томск. Я прочитал три полномасштабных лекции. Для меня это был первый опыт лекционной работы. Было трудновато: надо было следовать ходу научной логики (мысли), не забывать о чёткости дикции, сохранять эмоциональность в подаче информации, но не перегружать голосовой аппарат. Кажется, со всем этим я справился; по крайней мере, в последний день пребывания в Томске Нелли Михайловна с мягкой и интеллигентной улыбкой сказала мне: “Вы говорили как профессиональный лектор”. Успешно выступил и В.В. Ерёмин. Из культурной программы нашего пребывания в Томске мне запомнилось выступление ансамбля

скрипачей Томского университета. Человек 20-25 элегантно одетых молодых мужчин и женщин играли слаженно, вдохновенно, профессионально музыкальную классику XIX века; запомнилось проникновенное исполнение Второго Славянского танца А. Дворжака. Был приятно удивлён, когда в рядах скрипачей увидел бывшую сотрудницу спутникового центра Западно-Сибирского УГМС Ж.В. Рыбакову. Ныне она доцент кафедры метеорологии ТГУ.

В 1982-83 годах научно-методические контакты с Казанским университетом расширились и углублялись. Юрий Петрович Переведенцев, заведующий кафедрой метеорологии, ставший в 1983 году, после отъезда А.П. Дедкова в Афганистан, деканом географического факультета (с чем я его и поздравил), стал приглашать меня ежегодно для работы в Государственной Экзаменационной Комиссии по специальности “метеорология” в качестве Председателя. Я приезжал ежегодно в Казань дважды: в феврале и в мае. Зимой я вместе с кем-либо из сотрудников кафедры философии участвовал в приёме госэкзамена по научному коммунизму и истории КПСС. Сидеть молча (истуканом) на таких экзаменах мне казалось неприличным; памятуя прошлые сведения из истории страны, я старался задавать студентам не очень заковыристые вопросы по национальному вопросу и, конечно, современной политике КПСС. Запомнилось, как во время таких диалогов спокойно и мудро с высоты своего уже немолодого возраста усмехался преподаватель М.А. Рафиков. Фотография нашей госкомиссии была опубликована в университетской газете “Ленинец”.

Весной, в мае, обычно происходила защита дипломных работ пятикурсников по проблемам метеорологии,

климатологии и методам прогнозов погоды. Защита проходила по следующему сценарию: выступление дипломника, вопросы сотрудников кафедры, рецензия оппонента. Я, как правило, завершал дискуссию, обобщая высказанные замечания, отмечая наиболее интересные, с моей точки зрения, достижения и результаты, а также возможные направления дальнейших исследований по данной теме. Иногда дискуссия была излишне напряжённой и эмоциональной, и я чувствовал, что в этом случае мог незаслуженно пострадать дипломник. Тогда, чтобы ослабить накал страстей, иногда применял юмор, что, в общем, помогало. Как-то, в последний день сессии, подошла ко мне одна дипломница и негромко поблагодарила: “Мы чувствовали, что Вы нас защищаете”. Впрочем, выпуск 1982 года был очень сильный: 15 “пятёрок” (кажется, из 20)!

Во время этих визитов в Казань приходилось ещё и выступать на заседаниях (семинарах) сотрудников кафедры метеорологии с последними результатами наших исследований по долгосрочной тематике (влияние лунно-солнечных приливов, эффективность аналогов и пр.). Доклады эти, как правило, воспринимались с большим интересом, вызывали массу вопросов, перерастающих порой в острую дискуссию. После майского заседания 1983 года мудрый, поседевший профессор Николай Васильевич Колобов заметил: “А ведь это всё доложенное тянет на докторскую диссертацию”. (Это было приятно, но в том году линия моей творческой жизни уже меняла свою траекторию, но об этом позже.) Обсуждали мы на кафедре перспективы научно-технического сотрудничества университета и нашего института в сфере гидрометеорологии.

В мае 1983 года Ю.П. Переведенцев организовал радостную встречу группы выпускников кафедры

метеорологии 1963 года. Нас было немного, человек восемь, но это было здорово: встретиться через двадцать лет!

Правда, пятью годами раньше, в октябре 1978 года, когда отмечалось 40-летие географика университета, некоторые из нас принимали участие в тех праздничных заседаниях, встречах, застольях. И всё же за эти годы многое изменилось, практически у каждого нашлась своя ниша научного или околонуучного творчества. Первая вокалистка нашего выпуска Нина Данилова (Ильина) стала ведущим синоптиком АМСГ

Нина Данилова

Флера Хасанова

Клара Гатина

Вера Чертова

Казань, Флера Хасанова, Клара Гатина, Вера Чертова, Валя Орешкевич, Коля Рябов отдавали свои знания и энергию делу метеорологического обеспечения авиации в УГМС Урало-Сибирских регионов и Северного УГМС. Ира Добролюбова устроилась на работу оператором ВЦ Казанского университета. Наша вечная троечница, хохотушка, очаровательная и изящная Таня Лёвушкина (Дюкова) стала матерью троих детей, “гранд-дамой” и ведущим сотрудником Республиканского Центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды Марийской АССР (г. Йошкар-Ола), а затем возглавила этот центр.

Юрий Переведенцев

А наш общий кумир Юрий Переведенцев, начав свою научную карьеру в КГУ в 1966 году, в 1978 году стал заведующим кафедрой метеорологии, а ещё через пять лет деканом факультета географии и геоэкологии.

Валя Орешкевич

Таня Лёвушкина

Ира Добролюбова

Нет, не случайно в заголовке данной главы появилось слово “разочарования”. После года успешного применения метода фонового прогноза летних осадков (1980 г.) в последующие три года расчётные прогнозы не оправдались полностью. Вопреки полученным ранее зависимостям при довольно высокой солнечной активности (больших числах Вольфа) летние месяцы 1981-83 годов на юге Западной Сибири оказались засушливыми. Так я в реальной жизни, как говорится, “на собственной шкуре” познал, что такое “неустойчивость зависимостей (связей)” долгопериодных процессов, полученных статистическими методами на материалах 70-75-летней выборки данных наблюдений. Пришлось принять решение об исключении данного метода из оперативной практики Новосибирского Бюро погоды.

Ожесточённой критике подверглась в Москве методика синоптико-статистического прогноза аномалий среднемесячной температуры в Западной Сибири: сначала на семинаре в отделе долгосрочных прогнозов Гидрометцентра, а затем на заседании ЦМКП Госкомгидромета в декабре 1981 года. Н.И. Зверев, С.К. Черкавский и

Н.И. Зверев

и другие оппоненты ругали автора (и, вероятно, справедливо) за то, что для многих месяцев к оперативным испытаниям были предложены несколько вариантов уравнений регрессии; доказывали, что надо было при авторских испытаниях отобрать единственный вариант уравнения для соответствующего месяца. А то, что мы сделали, назвали продолжением НИР и даже “подтасовкой” результатов. В итоге пришлось согласиться с решением ЦМКП о продлении испытаний данного метода. В отношении физико-статистического метода В.В. Ерёмкина критика была мягче.

Вечером, после заседания ЦМКП, когда мы с Володей были уже в гостинице, на нас обоих, как записано в моём дневнике, “напала ржачка” – истерический нервный смех; видимо, это была разрядка: мы вдруг вспомнили, как на какой-то внезапный вопрос главы ЦМКП Е.И. Толстикова Н.И. Зверев ответил набором бессмысленных фраз и звуков, глядя на Евгения Ивановича вытаращенными глазами. Но жестокий урок пошёл мне на пользу, в последующие годы при обсуждении программ испытаний различных методов я категорически возражал при попытках проведения испытаний поливариантных моделей прогноза.

В следующем году мы обнаружили влияние чётности Солнечного 11-летнего цикла на режим погоды в Западной Сибири. Оказалось, например, что в нечётных солнечных циклах вероятность засушливости в летние месяцы даже при высоких числах Вольфа больше, чем в чётных циклах. Но попытка учесть этот фактор только усложнила технологию прогноза, но не дала положительного результата. Более того, в процессе продолжающихся оперативных испытаний качество расчётно-регрессионных прогнозов аномалий температуры стало снижаться, правда, с некоторыми колебаниями. (Снова проявления неустойчивости статистических связей!). Постепенно я пришёл к выводу, что использование современного статистического аппарата в поисках зависимостей и связей “предиктор - предиктант” даже с использованием критериев и уровней значимости (Пирсона, Стьюдента и др.) не гарантирует исключения ложных (случайных) закономерностей. Кажется, на рубеже 1983 года наступил мой интеллектуальный (или духовный?) кризис.

Кроме того, постоянно возникали трения и осложнялись отношения с руководством отдела и института.

В январе 1981 года Л.Н. Романов, как руководитель отдела, должен был завизировать наш раздел отчёта (том 2), так как мы выполняли одну тему НИР, но шли разными направлениями. Леонид Николаевич не признавал синоптико-статистического метода в долгосрочном прогнозировании. Свой отказ поставить автограф под нашим разделом мотивировал так: “У нас, математиков, всё сделано строго, а у вас, синоптиков, что попало...” Тогда Пушистов “взял грех на душу” и утвердил наш раздел отчёта даже при отсутствии визы начальника отдела.

Напряжённость в отделе возросла в следующем (1982) году, когда отдел получил разнарядку на сокращение штатов. Здесь у Л.Н. Романова возникла совершенно “иезуитская” идея: мы с И.Г. Храмовой увольняем по одному сотруднику своих лабораторий, а Леонид Николаевич переведёт нужных ему людей на наши должности, сокращая свои две должности. В начале следующего года на Учёном Совете Л.Н. Романову предложили подготовить доклад об основных направлениях НИР в отделе; Леонид Николаевич ответил заявлением об отставке с должности начальника и предложением о расформировании отдела. Пушистов расхохотался: “Ну и весёлый мужик!”

Е.А. Чистякова

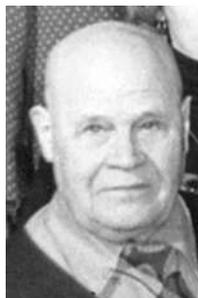
Непростыми стали отношения с головным центром в сфере долгосрочной прогностики – отделом Н.И. Зверева в Гидрометцентре. Во время командировки в Москву в марте 1983 года я на семинаре отдела доложил о последних результатах исследований эффективности аналогов разных видов и степени обеспеченности при составлении месячных прогнозов температурных аномалий в Западной Сибири. Реакция аудитории была бурной: если Николай Ильич демонстрировал полное непонимание, то многие сотрудники отдела, темпераментный А.В. Попов, обаятельные и доброжелательные Е.А. Чистякова и Г.М. Чекмасова излучали абсолютное понимание и одобрение полученным результатам. В глазах ветеранов отдела, Л.Г. Борисовой и В.Г. Шишкова, я тоже видел поддержку.

Г.М. Чекмасова

Л.Г. Борисова

В.Г. Шишков

Не сумели мы с Н.И. Зверевым договориться и о перспективных планах НИР на 1983-85 годы. Николай Ильич настаивал на тематике по разработке метода прогноза аномалий месячных сумм осадков в Западной Сибири: убеждал, что в комплексе с уже разработанным методом прогноза температурных аномалий это будет единый синоптико-статистический метод долгосрочного прогноза погоды и даже база для моей будущей докторской диссертации. Я вяло возражал, интеллектуальный скепсис уже проник к тому времени в мой мозг и душу...

Последняя серия конфликтов в нашем институте прошла в апреле того же года после моего возвращения из московской командировки. Весной 1983 года обострилась проблема производственных (служебных) площадей: проще говоря, не хватало рабочих мест. В здании на ул. Советской, дом 30 располагались структуры Западно-Сибирского Управления Гидрометслужбы (Бюро погоды, РВЦ, АСПД, РЦПОД, Обсерватория, ЦМС, аппарат...) и института, число сотрудников которого приближалось к 300. Отдел

гидродинамических прогнозов в основном располагался в Академгородке, в здании ВЦ СОАН, но П.Ю. Пушистов хотел, чтобы часть отдела переселилась на ул. Советскую. Возникла ситуация, когда часть сотрудников чередовала бы надомный труд с пребыванием в здании института. И поскольку наше синоптико-статистическое направление не пользовалось популярностью ни у руководства отдела, ни у директора института, то предполагаемое число рабочих мест для нашей лаборатории оказалось явно меньше требуемого. Прошла череда скандальных заседаний, как записано в моём дневнике, “с капитальной руганью”; одно из них завершилось тем, что я “хлопнул дверью и ушёл”. Моя непримиримая позиция более всего не понравилась Петру Юрьевичу, о чём он публично заявил присутствующим. Я чувствовал себя униженным, не мог заснуть до глубокой ночи. В последующие дни всё чаще в голову приходила мысль уйти из института, согласиться с предложением возглавить вновь создаваемый Новосибирский Гидрометцентр и вообще: “Командовать самому и не допускать унижения”. Постепенно эта мысль превратилась в навязчивую идею. Тем более, я вспомнил высказывание мудрого С.М. Шульмана: “Наукой надо заниматься до 40 лет, а после - администрированием”.

Справедливости ради надо сказать, что предложения возглавить Новосибирский Гидрометцентр стали мне поступать от руководства Управления (Р.Я. Гесс, В.И. Зиненко), Бюро погоды (М.Г. Петрова, Л.Н. Староватова) с августа 1982 года. Предложения возобновились в декабре этого же года и весной 1983 года. Я постоянно отвечал вежливым, но твёрдым отказом: тогда я ещё надеялся продвинуться в научных исследованиях, кроме того, меня не вполне

устраивали финансовые условия новой работы, да и личность Василия Ивановича Зиненко, возглавившего весной 1982 года Управление Гидрометслужбы, воспринималась мной и некоторыми коллегами неоднозначно (“резок”, “может принимать непродуманные решения” и вообще, “часто машет пашкой без всякого повода”).

Спустя несколько дней после конфликта с руководством института состоялась моя беседа с М.Г. Петровой. Мудрая Мария Григорьевна не скрыла трудностей, возникающих в работе с В.И. Зиненко, дала критическую, но объективную оценку его компетентности в вопросах гидрометеорологии и прогнозирования, но завершила беседу фразой: “С ним можно работать!” Вечером того же дня (по случайному ли совпадению?) я шёл с работы рядом с С.М. Шульманом, который одобрил моё созревшее решение о “смене курса” и попутно дал чрезвычайно точные и меткие характеристики моим будущим коллегам.

В.И. Зиненко моё заявление о переходе в создаваемый Гидрометцентр принял благожелательно, заметив при этом: “В ГМЦ, кроме оперативки, тоже надо заниматься наукой”. Беседа с П.Ю. Пушистовым о моём переходе в Гидрометцентр также прошла “в деловом и конструктивном духе”. Пётр Юрьевич был настроен благодушно: накануне он очень интересно рассказал на Учёном Совете о поездке в Италию и знакомстве с Гидрометслужбой этой страны. Мы с ним договорились о завершении в 1983 году выполняемой в нашей лаборатории научной тематики и возможном переводе некоторых её сотрудников в Гидрометцентр.

Под занавес прощания с институтом пришлось принять участие в проведении в стенах СибНИГМИ–ЗСУГМС всесоюзного совещания на тему “Гидрометеорологическое обеспечение народного хозяйства Сибири” (30.05-2.06). На совещание прибыли представители Госкомгидромета, Гидрометцентра СССР, ГГО, УГМС соседних регионов (А.И. Снитковский, К.Ш. Хайруллин, З.З. Халевицкий...). Снитковский в те годы возглавлял отдел по гидрометобеспечению органов власти страны; по приезде выразил желание пройти по городу. А конец мая 1983 года был холодный, пасмурный. Александру Исаевичу город не понравился, буркнул: “Угрюмый город!”; на площади Ленина внимательно осмотрел памятник вождю мирового пролетариата в компании с группой красногвардейцев: “Да, тяжело стоит”. На совещании я сделал доклад об эффективности и полезности различных аналогов, на одном из заседаний исполнял обязанности председателя, а на завершающем банкете в ресторане “Центральный” даже функции тамады. Короче, считаю, что совесть моя перед наукой чиста.

А жизнь катилась дальше, ставя новые проблемы. Вернусь на два года назад. В 1981 году наш сын Артур завершил, и очень прилично (с “четвёрками” и” пятёрками”), учёбу в средней школе; в августе без особого труда сдал вступительные экзамены и поступил в Новосибирский электротехнический институт (НЭТИ) на факультет “Автоматические системы управления” (АСУ). В сентябре началась его студенческая жизнь. Однако отсутствие жёсткого контроля, ощущение полной свободы, вседозволенности и безнаказанности, что называется, “выбили парня из седла”.

Артур стал пропускать лекции, семинары, лабораторные работы и к декабрю оказался на грани отчисления из ВУЗа. Последовали слёзы мамы Тома, истерика неудачника-студента, напряжённые переговоры с деканатом, грозные нотации отца. Тамаре Евгеньевне пришлось буквально за руку вести сына на лабораторные занятия, зачёты, контролировать подготовку и сдачу “хвостов”. С громадным трудом удалось отстоять его статус студента I курса НЭТИ; следующие год – полтора прошли уже спокойнее: у него появились признаки ответственности и самоконтроля. (Увы, ненадолго.)

Начало 80-х – это годы семейных утрат. 30 мая 1982 года в Казани скончалась моя мама, ветеран татарской сцены и гражданской войны. Угасла тихо, незаметно, во сне. Не было грома оркестра, почётного караула военных, о чём оно грезила. На татарское кладбище маму провожали мой отец, сестра, прилетевшая из Куйбышева, два ветерана гражданской войны, одна из них – Марьям Зайнулина, коллега мамы из группы татарских артистов дивизии В.М. Азина, два солиста Татарского ансамбля песни и танца, двоюродный брат отца и я. Прихожая квартиры была тесная, гроб не проходил в двери. Пришлось взять маму на руки и спуститься с ней с четвёртого этажа во двор; мама была такая маленькая и лёгкая...

А летом 1983 года (26 июля) в марийском городе Звенигово, что на берегу Волги, скончался тесть (отец Тамары) Евгений Алексеевич Черкасов, ветеран финской и Отечественной войн, лётчик, а после войны – авиамеханик, Кавалер многих боевых наград. В 60-70-е годы мы всей семьёй часто приезжали во время летних отпусков в их гостеприимный дом, где нас ждал радушный и хлебосольный хозяин. Мы наслаждались красивой природой волжских

берегов, дышали чистым воздухом местных садов, купались, загорали. А по радио звучал голос великой Людмилы Зыкиной: “Издалека долго течёт река Волга”. Тамара летала на похороны отца, положила цветы на его могилу.

Е.А. Черкасов

С.Я. Пахневич

Несла потери и наша Гидрометслужба: 30 декабря 1981 года скончался легендарный Герой Советского Союза, участник знаменитого дрейфа на льдине полярной станции СП-1 (1937-38 гг.), бывший руководитель Гидрометслужбы страны, академик Е.К. Фёдоров. А в апреле следующего года мы простились с ветераном войны, бывшим главой ЗСУГМС (1948-58 гг.) С.Я. Пахневичем; в течение последующих 20 лет он возглавлял Новосибирскую гидрометобсерваторию. Это был

предельно интеллигентный, доброжелательный человек. Вспоминается байка (почти анекдот), рассказанная мне Р.Я. Гессом. В 60-е годы в УГМС велась борьба с опозданиями на работу; виновных могли вызвать на беседу к начальнику Управления. Однажды в числе “опоздунов” оказался Сергей Яковлевич. ”В чём дело?” – спросил его С.М. Шульман. Оказалось, когда подошёл автобус, Пахневич вынужден был пропустить перед собой беременную женщину. “А почему не сели в следующий?” И на этот раз, как галантный мужчина, бедный Сергей Яковлевич уступил место в автобусе красивой (ну, очень красивой!) женщине. Шульман бессильно махнул рукой: “Идите уж к себе!”

Поразила безвременная кончина умницы, обаятельной и интеллигентной Д.И. Зенкевич, старшего синоптика Бюро погоды в марте 1983 года. Ей не было и 47 лет, говорили – от сердечной недостаточности. Была она очень музыкальна, вокально развита. Как-то Дина Ильинична напевала какую-то красивую мелодию и страшно удивилась, что я не знаю арию Нормы из оперы Беллини. Буквально на следующий день она подарила мне грампластинку с записью этой арии в прекрасном исполнении Галины Вишневской. Мы любили с ней обсуждать последние музыкальные события в нашей стране и за рубежом.

Д.И. Зенкевич

В начале 80-х уходили на пенсию, на заслуженный отдых ветераны нашей Западно-Сибирской Гидрометслужбы. В августе 1981 года вышел в отставку ветеран войны, кандидат географических наук Б.М. Кривоносов, заведующий

лабораторией КАТЭК; эта лаборатория института занималась изучением климатических и циркуляционных условий района Канско-Ачинского теплоэнергетического комплекса. Были трогательные, проникновенные речи, море цветов, подарки, стихи. (Пометка в моём дневнике: “Чуть не испортил обедню С.Д. Кошинский – вечный и непримиримый оппонент Бориса Митрофановича по научной работе”.) Правда, это не было окончательным прощанием Б.М. Кривоносова с гидрометслужбой, вскоре он стал работать заместителем директора Новосибирской Гидрометобсерватории.

Е.В. Тархов

В следующем месяце подал в отставку начальник отдела гидрологии Гидрометобсерватории Е.В. Тархов. В годы войны он командовал артиллерийской батареей, отличился в боях за освобождение Украины, Венгрии, Чехословакии, кавалер многих боевых наград. Как профессиональный гидролог, он вложил много знаний и усилий в развитие и укрепление наблюдательной гидрологической сети в бассейне Оби и Томи.

Весной 1982 года С.М. Шульман передал “трон” руководства Управлением В.И. Зиненко и перешёл на скромную инженерную должность в спутниковом центре (ЗСРЦПОД). В феврале 1983 года Гидрометслужба проводила на пенсию В.М. Яркору, кандидата географических наук, создателя ряда расчётных методов прогноза тумана и сильных

ветров, которые в течение нескольких десятилетий применялись на АМСГ и Бюро погоды ЗСУГМС и других управлений.

В мае 1983 года настала очередь ветерана Службы, бывшего начальника Бюро погоды М. Г. Петровой. Слушая прощальные речи, она плакала навзрыд; вспоминалось, как пять лет назад, отмечая её 55-летие, мы с секретарём начальника РВЦ Н.А. Кречетовой пели сложенные в её честь частушки, тогда она тоже растрогалась до слёз.

Н.А. Кречетова

Ну, не из одних же печалей была соткана наша жизнь! В ноябре 1981 года торжественно чествовали в актовом зале директора института и “нашу старшую сестру”, начальника отдела краткосрочных прогнозов Бюро погоды, М.А. Черкесову, награждённых орденом “Знак Почёта”. В июне 1982 года я был приглашён в отдел гидрометфонда НГМО; коллеги праздновали 50-летие службы начальника отдела Ю.П. Петрова в Западно-Сибирском УГМС. В своём приветствии я напомнил Юрию Пантелеймоновичу, что он в какой-то мере виновник моего распределения после ВУЗа в Новосибирск: именно он сообщил летом 1962 года мне, что здесь в столице Сибири будет со временем мощная региональная Гидрометслужба.

А в декабре 1982 года вся страна и, как раньше писали, «всё прогрессивное человечество» отпраздновали 60-летие создания великого Советского Союза. По этому случаю силами всех подразделений УГМС были организованы грандиозные представления самодеятельности. Бюро погоды в цветастых

халатах и платьях представляло братский Узбекистан, звучали песни, узбекские мелодии, юмористические сценки на смешанном узбекско-русском языке. Коллектив РЦПОД, изображая темпераментных джигитов Грузии, с лихо закрученными усами и свирепыми криками, отчаянно танцевал быструю лезгинку. Мелодично пели на украинской “мове” и танцевали гопака в украинских платьях и рубашках-“вышиванках” ребята и девчата РВЦ. Ударным номером обсерватории стал русский танец на мелодию песни “Лапти”, в которой блистали переодетый в женское платье Ю.П. Петров, а в виде лихого молодца гарцевала инженер отдела Л.А. Архипова.

Вспомнил ещё один музыкальный эпизод. Весной 1981 года на смотре художественной самодеятельности НПО “Карболит”, где работала моя супруга Тамара, мы с ней довольно прилично спели романс М.И. Глинки “Не искушай” и даже заняли какое-то призовое место. Вообще, в те годы художественная самодеятельность Западно-Сибирской Гидрометслужбы была в фазе расцвета. Объединённый

Мы с Тamarой поём романс

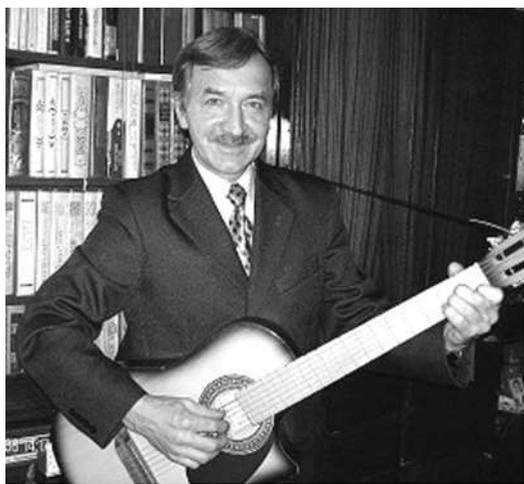
В. Бурыхин (справа) и О. Лысков

комитет профсоюзов находил денежные средства, чтобы для нашего вокального коллектива приглашать музыкальных руководителей, в качестве которых обычно выступали студенты пятого курса – хоровики Новосибирской консерватории. Занимаясь с нами, они шлифовали наши голоса, учили вокальному дыханию, добивались ансамблевой согласованности, чувства сцены. По музыкальности и красоте голоса, на мой взгляд, ярко выделялись сотрудники нашего РВЦ, особенно Володя Бурыхин (лирический тенор, точнее – тенорок) и Олег Лысков (мягкого тембра баритон). В те годы “хитом” нашего вокального ансамбля была песня “Маруся” (из к/ф “Иван Васильевич меняет профессию”). И вот Володя на

беспредельно высокой ноте запеваает: “Маруся молчит и слёзы льёт...”. А Олег на крайне низкой октаве ему мрачно вторит: “Капают слёзы на копьё... Кап-кап”. В зале смех, овация. Нашим самодеятельным театром, постановками отдельных спектаклей и сцен руководила известная актриса театра “Красный факел”, Заслуженная артистка РФ В. Мороз. В конференц-зале УГМС всегда был аншлаг, когда с драматическими и юмористическими монологами на сцене выступали Ю.П. Зелепугин, И.М. Касацкая и Ф.Л. Бабаева. В 70-80-е годы взошла звезда первого конференсье и поэта Гидрометслужбы В.Е. Липчанского. (По крайней мере, таким он сам себя считал в те годы, да и позже.)

Ф.Л. Бабаева

В.Е. Липчанский

Я иногда думаю, не слишком ли много и весело мы в те годы пели, танцевали и выступали? А ведь начало 80-х – это эпоха больших торжественных похорон лидеров, вождей страны, предвещавшая грядущие катаклизмы. В 1980 году скончался премьер правительства страны А.Н. Косыгин, один из самых умнейших и уважаемых руководителей, мечтавший реформировать и модернизировать экономику СССР. (Кстати, не помню ни одного анекдота, связанного с именем Алексея Николаевича.) В следующем году ушёл из жизни главный идеолог КП и СС М.И. Сулов, партийный лидер, который пользовался явно меньшим уважением. 10 ноября 1982 года настал черёд верховного и генерального правителя вся страны Л.И. Брежнева, “четырежды” или ”пятижды” Героя, увешанного орденами и медалями от шеи до копчика, объекта множества анекдотов (особенно, в последние годы жизни), любителя выступать с пространными речами перед “многосисечной аудиторией”. Отец мой, член партии, относился к Леониду Ильичу с некоторой долей иронии. “Слушал недавно речь Брежнева”, – писал он мне, – “замечательная, правильная речь, но на следующий день в Казани исчезло мясо...” 15 ноября я наблюдал по телевизору в одной из комнат нашего РВЦ панихиду в Колонном зале Дома Союзов, а затем похороны генсека у Кремлёвской стены. Лица проходящих мимо гроба были серьёзными, но слёз я не заметил. Масса зарубежных лидеров: от госсекретаря США Шульца до министра иностранных дел Китая Хуана Хуа. Показалось, что гроб опустили в могилу стремительно, почти бросили – был слышен громкий хлопок. Под звуки гимна прошёл почётный караул. Преемником Л.И. Брежнева стал Ю.В. Андропов, бывший глава КГБ, с обликом умного, слегка

усталого интеллектуала, видящего нас насквозь и всё понимающего.

Сразу после смерти Леонида Ильича город в Татарстане на берегу Камы с прелестным названием Набережные Челны был переименован в город Брежнев, правда, ненадолго. Через несколько лет общественность, прославляя эпоху “перестройки” и кляня эпоху “застоя”, вернула городу историческое имя. Не повезло и другим вождям партии и страны. Вернулись к прежним названиям Рыбинск, переименованный после смерти Юрия Владимировича в город Андропов, а также Ижевск, получивший имя Устинов в 1984 году после смерти маршала и министра обороны. А всё же названия “Ленинград” и “Сталинград” мне импонируют больше, чем современные названия этих городов. Они мне представляются более яркими, благозвучными и даже музыкальными. Как поётся в известной и мелодичной песне В. Соловьёва–Седого: “В целом мире нет/ Нет красивее/ Ленинграда мо-о-его-о!”

Да, жизнь действительно катилась и ставила новые задачи и проблемы.

Глава 7. Гидрометцентр. Первые шаги: достижения, трудности и переживания

В 1982-83 годах по решению Госкомгидромета СССР во всех территориальных управлениях Гидрометслужбы создавались гидрометеорологические центры на базе

реорганизации (объединения, слияния) головных структур службы: Бюро погоды и гидрометеорологических обсерваторий. Целью создания Гидрометцентров было обеспечение более высокого качества гидрометобслуживания народного хозяйства и, как тогда писали, “партийных и советских органов” на базе улучшения координации методической работы с прогностической и наблюдательной сетью, активного внедрения передовых методов и технологий гидрометрогнозов и наблюдений, обработки гидрометданных, издания режимно-справочных материалов. По замыслу руководства Гидрометслужбы Гидрометцентры должны были стать основными оперативно-производственными структурами, своеобразными “локомотивами” научно-технического, организационного и методического прогресса деятельности Службы.

1 июля 1983 года, приказом по Западно-Сибирскому УГМС №225 от 30 июня этого же года, Новосибирское Бюро погоды и Новосибирская Гидрометобсерватория были реорганизованы в Новосибирский Гидрометцентр.

Наступил июль 1983 года, завершился мой последний отпуск в качестве заведующего лабораторией долгосрочных прогнозов погоды института. 22 июля я написал заявление о моём приёме на работу в Западно-Сибирское УГМС на должность начальника Новосибирского Гидрометцентра.

Западно-Сибирскую гидрометслужбу возглавлял, начиная с 1982 года, Василий Иванович Зиненко. Его заместителями были Роман Яковлевич Гесс и Виктор Григорьевич Рубекин. Как бы я сказал сейчас, это была крепкая, волевая команда с непростым, сложным характером

каждой личности. Р.Я. Гесс занимался гидрометобеспечением и работой наблюдательной сети, а В.Г. Рубекин отвечал за техническую политику и деятельность технических подразделений. Реже я контактировал с двумя другими заместителями: Анатолием Фёдоровичем Бойковым, который курировал мониторинг загрязнения природной среды, и Александром Ивановичем Кутенковым, отвечавшим за строительство и ремонт.

В.И. Зиненко

Р.Я. Гесс

В.Г. Рубекин

Руководство нового Новосибирского Гидрометцентра, на мой взгляд, отличалось высоким уровнем профессиональных знаний и большим опытом работы. Людмила Николаевна Староватова, ставшая главным синоптиком и, зачастую, моим заместителем, была опытным прогнозистом с более чем двадцатилетним стажем. Моим вторым заместителем и куратором деятельности режимных отделов по методическому руководству наблюдательной сетью стал Александр Григорьевич Каминский; тоже опытный специалист-гидролог, он перешёл к нам из отдела

гидрологических исследований института, где, между прочим, занимался изучением снежных лавин Горной Шории.

М.С. Побочина

В.С. Громова

В.А. Емельянова

Штат Гидрометцентра 80-х годов был довольно многочисленным – 151 единица! Самым крупным был отдел краткосрочных прогнозов погоды (более 30 человек), который возглавляла Марина Александровна Черкесова. Отделом долгосрочных прогнозов руководила Майя Григорьевна Зубович. Начальником отдела гидрологических прогнозов была Вера Семёновна Громова, а отдела агрометеорологических прогнозов – Мария Степановна Побочина.

Помимо оперативно-прогностических отделов в состав Гидрометцентра вошёл ряд отделов бывшей обсерватории, которые занимались методической работой и инспекциями наблюдательной сети, а также подготовкой и изданием режимно-справочных материалов наблюдений на территории

А.А. Тюменцева

И.Н. Тоцакова

И.М. Касацкая

Западно-Сибирского УГМС. Отделом метеорологии руководила опытный специалист с многолетним стажем Вера Алексеевна Емельянова, отделом гидрологии и водного кадастра - Инна Николаевна Тоцакова, которой эстафету руководства передал Е.В. Тархов. Отдел агрометеорологии возглавляла Алла Александровна Тюменцева. Отделами аэрологии и гидрометеорологического фонда данных руководили ветераны Службы: Борис Митрофанович Кривоносов и Юрий Пантелеймонович Петров. В 1984 году были созданы и вошли в состав нашего Гидрометцентра ещё два отдела: климата, начальник Валентина Георгиевна Осокина, и гидрометобеспечения и расчётных методов, начальник Инна Михайловна Касацкая. Замечу, 6 отделов (из 11) возглавляли ветераны Гидрометслужбы пенсионного либо предпенсионного возраста. Немало ветеранов трудилось и в трудовых коллективах. Группу инспекторов, например, которая входила в состав отдела метеорологии, возглавлял ветеран Великой Отечественной войны Юрий Николаевич Изнаирский,

а в его группе плодотворно работал инспектором сети другой ветеран войны Яков Афиногенович Гусев. Казалось бы, сочетание богатого опыта, мудрости с профессионализмом и амбициозными проектами более молодого поколения – это скорее на пользу общему делу. Однако порой возникали курьёзные моменты. Как-то на одной из планёрок руководства Гидрометцентра была поднята какая-то проблема; началась дискуссия, поиски вариантов возможного решения. Когда решение как будто было найдено, подаёт голос Борис Митрофанович: “Это решение не годится, оно противоречит указанию Госкомгидромета, номер такой-то, от такого-то числа, пункт такой-то, раздел – соответствующий”. Оставалось только развести руками... Комфортнее я чувствовал себя с коллегами моего поколения. Людмила Николаевна, как главный синоптик Гидрометцентра, сочетала в себе не только блестящий опыт работы и тонкую прогностическую интуицию, но и умение находить компромиссные решения и не входить в конфликты с вышестоящим руководством. Александра Григорьевича, как главного методиста по работе с сетью, отличало поразительное умение доводить до предельного совершенства методические письма и указания сетевым организациям: и по ясности мысли, и по стилю изложения. Порой он не ограничивался составлением одного варианта письма, готовил параллельно другой вариант. Вот тут и покачаешь головой: ну, оба варианта хороши!

Я.А. Гусев

Ю.П. Петров

Ю.Н. Изнаурский

Конечно, в первые месяцы моей работы в качестве начальника Гидрометцентра, захлёстывала откровенная “канцелярщина”: составление и согласование с руководством положения о Гидрометцентре, штатно-окладного расписания Центра, премиального положения; а ещё надо было заниматься вопросами организации и проведения так называемого “социалистического соревнования”, подготовки соответствующих критериев и документов. Постепенно понял, что 8-часовой рабочий день не для меня. Мне больше подходит понятие “ненормированный рабочий день”. Стал задерживаться на работе до 18-19 часов, брал документы домой на вечер, на выходные.

И откуда во мне появилась надежда, что с переходом на должность руководителя Гидрометцентра конфликтов станет меньше?! Наоборот, конфликты стали ярче и масштабнее. Похоже, сотрудники Бюро погоды и Обсерватории надеялись, что с созданием Гидрометцентра их заработная плата

существенно возрастёт. Когда же эти надежды не оправдались, наступил социальный взрыв; недовольны были и режимно-методические, и прогностические отделы. Обсуждения штатного расписания шли бурно, со слезами, заявлениями об увольнении, угрозами жаловаться и в руководство Гидрометслужбы, и в ЦК КПСС. На профсоюзных собраниях отделов звучали жалобы, что именно к сотрудникам данного (конкретного) отдела отнеслись по штатам и окладам предвзято. Но откровенную жалобу в Москву реализовал только один руководитель отдела – М.Г. Зубович; почему-то я от неё такого шага не ожидал. ”И ты, Брут!” – вспомнил я из классики, когда в начале 1984 года на планёрке руксостава В.И. Зиненко зачитал ответ Госкомгидромета на её жалобу. Естественно, негативное отношение коллектива к штатно-финансовой проблеме Гидрометцентра объяснили слабой политико-воспитательной работой руководства ГМЦ, то есть “вашего покорного слуги”.

Еженедельно, по понедельникам, в 10 часов утра проходила оперативная планёрка руководства УГМС при начальнике управления, где руководители структурных

В.Т. Дьяченко

подразделений Управления докладывали о существующих проблемах, достижениях, успехах и упущениях в работе. За час до этой планёрки я проводил свою “оперативку”, где начальники прогностических отделов Гидрометцентра докладывали мне об успешности всех видов гидрометпрогнозов и штормовых предупреждений (или “проколах”), а я эти сведения докладывал руководству УГМС.

Для улучшения качества всей нашей работы следовало добиться повышения уровня координации прогностической и наблюдательно-режимной деятельности в сфере гидрометеорологии. Ещё в прошлом веке было показано: чем лучше и качественнее наблюдаем, тем лучше мы прогнозируем. А для начала неплохо бы научиться и прогнозистам, и режимникам слушать, и, главное, слышать друг друга. Еженедельно, по четвергам, я проводил общую планёрку с участием всех руководителей и прогностических и режимно-методических отделов. Вот здесь нередко возникали вопросы, дискуссии, связывающие качество прогнозов с полнотой и качеством гидрометнаблюдений. Особенно это было заметно, когда на планёрку приходила руководитель группы носителей ЗСРВЦ (НСАСПД) Валентина Тимофеевна Дьяченко и докладывала о поступлении и качестве метеорологических и аэрологических данных наблюдений не только по территории Западно-Сибирского УГМС, но и сопредельных территорий: Казахстана, Омского и Красноярского УГМС; обобщая эти сведения, она давала сводную оценку полноты синоптических карт и барической топографии.

Ежемесячно, в третий рабочий день, начальник УГМС проводил совещания руководителей структурных подразделений, где каждый докладывал результаты своей деятельности за истёкший месяц. Как начальник Гидрометцентра, я докладывал о качестве всех видов гидрометпрогнозов и наблюдений (информации). Если с первым было всё ясно – это были свежие, оперативные данные прошедшего месяца, то данные о качестве гидрометнаблюдений и информации получались только с

двухмесячным опозданием: после проверки специалистами режимных отделов соответствующих книжек наблюдений гидрометстанций и постов. И как тут отследить взаимосвязь качества наблюдений и прогнозов, как доложить руководству? А ведь бывало всякое: стабильно высокое качество наблюдений, но снижение оправдываемости прогнозов, или при снижении качества наблюденной гидрометинформации – блестящие прогнозы. Как объяснить руководству УГМС, что на успешность прогнозов и штормпредупреждений влияет фактор естественной изменчивости или стабильности атмосферных процессов, а также то, что существующие методы прогнозов (синоптические, гидродинамические, статистические) не являются абсолютно точными, а по существу своему они всё же вероятностные?! И наконец, есть же просто везение, чёрт возьми! В случае снижения оправдываемости прогнозов или штормпредупреждений реакция руководства Управления была предельно короткой, простой и ясной: “Разобраться и наказать!” И оспаривать это решение было бесполезно.

Впрочем, одна из проблем в цепочке “прогноз – наблюдательная сеть“ была очевидной. В случае прогноза резких изменений погоды (РИП) или опасных гидрометявлений (ОЯ) мы составляли штормовые предупреждения и передавали их на сеть гидрометстанций по каналам Министерства связи. Соответствующие телеграммы доходили до гидрометстанций и потребителей в районах области только через несколько часов после составления прогноза (предупреждения). Очень поздно и неприемлемо: особенно в случае составления предупреждений об ОЯ с малой заблаговременностью, например, в летнее время о шквалах, граде, сильных ливнях.

В ноябре 1983 года во время командировки в Казань я познакомился с директором Казанской гидрометобсерватории А. Шлычковым и его коллегами, которые поделились опытом своей работы по гидрометобеспечению потребителей и методическому руководству наблюдательной сети. Меня буквально привело в восторг использование специалистами ГМО ведомственных (республиканских) каналов связи для оперативного доведения штормовой информации об ОЯ до наблюдательной сети. По итогам моей поездки в Казань, после доклада руководству нашего УГМС было поручено Новосибирскому АСПД, которым руководил Николай Иннокентьевич Кухарский, совместно с Гидрометцентром учесть опыт Приволжского УГМС (Казанской ГМО) и провести переговоры со службами связи в Новосибирске. Переговоры были успешными: уже в апреле 1984 года я подписывал у начальника УВД Новосибирской области генерала Батурина и у начальника областного управления связи А.А. Нехаевой уточнённый “Порядок передачи штормовых предупреждений о стихийных бедствиях”. Помнится, Антонина Анисимовна была дамой, что называется, в годах, но моложавой внешности и со звездой Героя Социалистического Труда на груди.

Н.И. Кухарский

Это было крупным организационно-технологическим достижением того времени (1984 год), когда в результате внедрения схемы внутриобластной ведомственной связи для циркулярного доведения штормпредупреждений об ОЯ эта

информация стала доходить одновременно до начальника гидрометстанции и председателя райисполкома за 8-10 минут (вместо нескольких часов). Далее оперативная цепочка могла идти по внутренней районной диспетчерской связи до руководителей колхозов, совхозов и местных предприятий (организаций).

Необходимые рекомендации и указания были переданы в оперативно-прогностические подразделения (Гидрометобсерватории, гидрометбюро) других регионов Западно-Сибирского УГМС, и в течение 1984 года описанная технология использования ведомственной связи руководящих органов для передачи штормпредупреждений об ОЯ от прогностического органа на сеть станций и в районные органы власти была внедрена на всей территории Управления.

Но я, кажется, несколько опередил события. Вернусь в начало года. В 20-х числах января во время командировки в Москву, после заседания ЦМКП, где я доложил предварительные результаты оперативных испытаний своего метода долгосрочного прогноза аномалий среднемесячной

С.К. Черкавский

температуры в Западной Сибири, состоялась моя встреча с начальником УГМО Госкомгидромета Сергеем Константиновичем Черкавским. Я представился в качестве начальника Новосибирского Гидрометцентра. Сергей Константинович запомнился мне ещё по одному из совещаний Гидрометслужбы, проходившему в 1971 году в Киеве. Показалось, что, несмотря на прошедшие

13 лет, он внешне мало изменился: всё тот же внимательный, доброжелательный взгляд, густые почти “брежневские” брови, свободная, чистая речь. Наша беседа длилась около полутора часов и касалась широкого круга проблем: организационно-методических, кадровых, взаимодействия с руководством УГМС и СибНИГМИ. Сергей Константинович подчеркнул, что на создаваемые в стране Гидрометцентры руководство Госкомгидромета возлагает большие надежды. Просил ускорить становление и развитие отдела климата, подготовку нового климатического справочника. (Кстати, в начале января мы с трудом нашли место для климатологов нашего Гидрометцентра, разместив их в проходном цоколе первого этажа здания УГМС, рядом с отделом гидрометфонда; естественно, не обошлось без малоприятной перепалки с начальником этого отдела Ю.П. Петровым.) С.К. Черкавский сообщил, что в ближайшие годы будут проведены специальные совещания начальников Гидрометцентров с целью выработки конкретной программы действий.

И кто это назвал начало 80-х годов “эпохой застоя”?! Помимо социалистических обязательств в честь очередных (и внеочередных) пленумов ЦК КПСС и партийных съездов мы были обязаны выдавать ежегодные планы по изучению, обобщению и внедрению передового производственного опыта в системе Гидрометслужбы применительно к нашему Управлению, а затем составлять соответствующие отчёты. Так, в таком плане на 1984 год предполагалось с учётом передового опыта Северного УГМС разработать положение о гидрометеорологическом обеспечении народно-хозяйственных организаций гидрометстанциями, а также распространить опыт гидрометобеспечения сельского хозяйства комсомольско-

молодёжных коллективов. И что?! “Положение” для гидрометстанций было разработано, выслано на наблюдательную сеть; в обязанность начальникам станций вменили лично докладывать руководителям районных партийных и советских организаций об угрозе ОЯ и РИП, о складывающихся агрометусловиях. А победителю в социалистическом соревновании молодёжных коллективов агрометстанции Огурцово (Новосибирск) было дано задание подготовить и направить на экспозицию ВДНХ (МОСКВА) брошюру с докладом о результатах своей работы.

Вообще, в 80-е годы прошлого века страна жила под лозунгами реализации Продовольственной программы и Долгосрочной программы мелиорации и орошения, а, значит, помимо обычных месячных и годовых планов были разработаны целевые комплексные программы Госкомгидромета по совершенствованию гидрометобеспечения народного хозяйства и Продовольственной программы СССР (применительно к территории Западно-Сибирского УГМС). По всей стране и в Сибири создавались агропромышленные объединения разного уровня: от районных (РАПО) до областных (ОблАПО). Гидрометеорологи заключали договора о социалистическом содружестве с предприятиями и организациями АПО и НИУ, развивалось соцсоревнование. Таким образом, сельское хозяйство становилось, а точнее – было просто обречено стать основным потребителем (не люблю это слово!), вернее – пользователем нашей гидрометинформации.

Западно-Сибирское УГМС имело план по гидрометобеспечению Продовольственной программы на своей территории; каждое подразделение Управления отвечало за

выполнение определённого этапа (мероприятия). В конце мая 1984 года на открытом партийном собрании были рассмотрены результаты выполнения этого плана, а доклад об этом поручили сделать мне, хотя я не состоял в рядах КПСС. Но Гидрометцентр значился первым в списке ответственных исполнителей. Пришлось собрать соответствующие сведения у своих коллег – руководителей подразделений, обобщить их и выступить. Доклад, помнится, присутствующие оценили в целом как содержательный и конструктивный, но некоторые ораторы упрекнули докладчика в отсутствии партийного “горения” и стремления к “мобилизации трудящихся масс” для выполнения Программы Партии (“Демагогия и богадельня!” – подумал я и записал в своём дневнике.)

В 20-х числах августа 1984 года начальник УГМС В.И. Зиненко собрал в своём кабинете ведущих синоптиков Гидрометцентра и задал вопрос: “Можем ли мы в период начавшейся уборки урожая предложить селянам какие-то новые виды гидрометпрогнозов?” Завязалась жаркая и продолжительная дискуссия. В начале 80-х годов Новосибирский РСМЦ получал численные гидродинамические прогнозы атмосферных процессов (барических полей) ведущих мировых центров: Национального Метеорологического Центра (НМЦ) США и Европейского Центра среднесрочных прогнозов погоды (ЕЦССПП) из Рединга. В последнее время мы стали замечать, что численные прогнозы предсказывают довольно удачно резкие меридиональные преобразования атмосферной циркуляции (блокинги, циклогенез и пр.) не только на ближайшие сутки – двое, но и порой в последующие несколько дней. А что если?..

Так родилась идея составлять для сельского хозяйства в период уборки урожая, а впоследствии и для посевной кампании, прогнозы погоды на пять суток вперёд (вместо трёхдневных прогнозов); составляли мы их два раза в неделю и доводили до руководства области специальными докладными. Практиковались “скользящие” уточнения месячных прогнозов погоды; например, в конце первых декад августа или сентября удавалось подобрать аналоги и уточнить прогноз погоды на вторую–третью декады этих месяцев. Агрометеорологи нашего Гидрометцентра помимо прогноза среднеобластной урожайности зерновых культур (яровой пшеницы) стали составлять прогнозы урожайности по районам области.

Конечно, мы рисковали и нередко ошибались по причине ошибок численных прогнозов. Чиновники Управления сельского хозяйства Э.И. Камерлох, Воробьёв и другие сетовали (ворчали, брюзжали) на эти ошибки, особенно в случае непредсказанных осадков, мешавших уборке урожая. В конце первой декады октября 1984 года температура в ночные часы упала до минус 10...15°C, установился временный снежный покров, а неубранными оставалось ещё 300 тысяч гектаров. В начале ноября захожу в кабинет Камерлоха для консультаций о погоде; начинается снегопад, а Эдуард Иванович кричит кому-то в телефонную трубку: “Жмите на комбайны!” А далее – матам. Мой дневник пестрит записями о том, как осенью 1985 года пришлось краснеть перед руководством то за непредсказанные заморозки, то, наоборот, в уточнении прогноза на сентябрь дали ненастную, холодную погоду, а в начале второй декады месяца наступила сухая, благоприятная для уборки урожая погода.

Но самым активным и, надо сказать, компетентным пользователем нашей гидрометинформацией был заместитель председателя облисполкома Новосибирской области и глава Новосибирского ОблАПО А.Г. Незавитин. На столе чиновника в его кабинете всегда громоздилась стопка декадных или сезонных агрометеорологических обзоров нашего Гидрометцентра. К нему поступали наши докладные о пятидневных прогнозах погоды, которые иногда возвращались к нам в Гидрометцентр (в случае ”проколов”) с резолюцией: “Надо прогнозировать точнее!” На декабрьской 1985 года фотографии запечатлён момент, когда главный синоптик Гидрометцентра Л.Н. Староватова консультирует Анатолия Григорьевича о возможных катаклизмах погоды, а чиновник, кажется, даже понимает логику развития атмосферных процессов. При всём умении ценить и использовать в своей деятельности наши гидрометданные, Незавитин не понимал и не признавал вероятностной природы атмосферных процессов, самих прогнозов погоды и, тем более, права прогнозистов на ошибки. В случае грубых ошибок, он был беспощаден. Не могу забыть ситуацию на 20 декабря 1984 года. На утро этого дня синоптик предполагал смещение к Новосибирску волнового

Декабрь 1985 года. Р.А. Ягудин, А.Ф. Бойков, А.Г. Незавитин, Л.Н. Староватова (слева направо).

возмущения из районов Урала со снегопадами и ослаблением мороза до минус 23...25°С. Фактически же, эта волна действительно сместилась к югу, но с большей скоростью, и к утру столица Сибири оказалась в тыловой части волны, в условиях холодного арктического вторжения с минимальными температурами ниже минус 35°С. В этот день мы с Р.Я. Гессом были приглашены на совещание в облисполком, где Анатолий Григорьевич нас буквально “высек”. Зачитал наш прогноз, огласил фактическую температуру, а затем, сильно окая, изрёк: “Что это такое?! Думаю, синоптик должен понести самое суровое наказание!” В глазах у меня потемнело: “Ах, ты!..” Я рванулся и вдруг почувствовал на своей руке “железную” руку Романа Яковлевича: “Сиди!” После возвращения в Управление В.И. Зиненко дал мне указание подготовить приказ о наказании

синоптика-неудачника с формулировкой “за некачественное обслуживание облизполкома”. А мне, поскольку я не раз пытался доказать несправедливость такого приказа, “дал тихий вытык за строптивость”, как записано в моём дневнике.

Я иногда думаю, что лучше: такой требовательный, привередливый и, даже, в чём-то беспощадный чиновник, но компетентный, умеющий правильно, эффективно использовать данные Гидрометслужбы в своей деятельности или равнодушный, безразличный к гидрометеорологии чинуша, умеющий только при явных ошибках прогнозирования принимать поспешные решения об увольнении ведущих гидрометеорологов, не вникая в природу самих ошибок. Кажется, ответ очевиден.

30 сентября 2020 года газета “Советская Сибирь” сообщила о кончине Анатолия Григорьевича Незавитина. Светлая ему память, и пусть земля ему будет пухом!

Возвращаясь к событиям 80-х годов, вновь и вновь поражаюсь масштабам и объёму оперативно-производственных работ и информационных материалов, представляемых в те годы для нужд сельского хозяйства. Ведь в 1983-84 годах агрометеорологи ГМЦ и других подразделений Управления проводили не только наземные, но и авиационные обследования сельхозкультур совместно с работниками ОблАПО и даже обкома КПСС с применением спектрофотометрии и аэрофотосъёмки. Особенно это было актуально во время летней засухи 1983 года, когда с помощью авиации было обследовано состояние яровых зерновых культур в 18 районах области. В третьих декадах июня и июля 1984 года такие обследования проводились на вертолётах МИ-2 и

МИ-8 с 30-35 посадками на полях и взятием образцов растений. В том году по территории Управления было проведено девять авиационных маршрутных обследований на площади более 2 млн. гектаров, а наземных - на площади 1,3 млн. га.

Западно-Сибирское УГМС имело возможность содержать целую лётную партию специалистов, которые в интересах агрометеорологов и гидрологов проводили гамма-съёмку влажности почвы и снежного покрова па территории Управления. Так, гидрологи нашего Гидрометцентра использовали данные авиационной гамма-съёмки снежного покрова весной 1985 года при составлении долгосрочного прогноза максимальных уровней весенне-летнего половодья и объёма бокового притока к створу Новосибирской ГЭС. А данные влажности почвы в 30-сантиметровом слое в 25 районах Новосибирской области, полученные с помощью гамма-съёмки в третьей декаде сентября, были использованы для составления агрометеорологами Гидрометцентра справочной информации о запасах влаги в почве перед началом зимы для руководства сельского хозяйства области (наряду с наземными данными).

В целях эффективного обслуживания Продовольственной программы страны 11 гидрометстанций нашего Управления проводили агрометеорологические наблюдения на полях с интенсивной технологией выращивания яровой пшеницы, а данные этих наблюдений доводились до селян в виде соответствующих справок.

Октябрьский пленум ЦК КПСС 1984 года провозгласил Долгосрочную Программу мелиорации земель, а Госкомгидромет озадачил структуры Гидрометслужбы страны

составлением планов гидрометобеспечения этой Программы и согласованием их с региональными управлениями мелиорации и водного хозяйства. Весной 1985 года на встрече В.И. Зиненко с главой такого управления по Новосибирской области Ф.А. Чуевым план обслуживания этой программы был утверждён; в дополнение к нему Чуев выразил заинтересованность в разработке метода прогноза урожайности сельхозкультур для орошаемых земель. Василий Иванович поручил мне провести переговоры с учёными-агрометеорологами СибНИГМИ по этому вопросу; мы договорились с заведующей отделом агрометеорологических исследований института М.И. Черниковой, что задача прогноза урожайности для орошаемых земель будет включена в качестве одного из этапов выполняемой в настоящее время тематики НИР. А в целях реализации планов обслуживания Программы мелиорации агрометеорологические наблюдения в 1985 году на орошаемых полях с многолетними травами и овощами вели на территории Западно-Сибирского УГМС 23 гидрометстанции и агрометпостов; при этом, на основании расчётов наших станций в овощеводческих хозяйствах производился полив сельхозкультур, что, конечно, давало определённый экономический эффект.

В отдельные годы для целей стратегического планирования Управления сельского хозяйства и ОблАПО запрашивали весьма объёмную информацию. Так, в 1984 году, поступил запрос на справку об агрометусловиях формирования урожая в Новосибирской области 1981-83 годов и складывающихся условиях под урожай 1984 года. А в 1985 году потребовались данные об агрометусловиях осенне-зимнего периода 1965-75 годов в сравнении с

соответствующим периодом 1984-85 годов и выводами, какие годы предшествующего периода могут служить аналогами к нынешнему году.

...И где же, я вас спрошу ещё раз, признаки “застоя”? Страна ставила задачи, а Гидрометслужба на местах откликнулась в меру своих возможностей и способностей!

А ведь наше взаимодействие с сельским хозяйством не ограничивалось только информационным обеспечением аграрного сектора. В 80-е годы мы просто обязаны были оказывать селу так называемую “шефскую помощь чисто физически: направлением своих молодых (и не очень молодых) сотрудников осенью на уборку моркови, капусты, картофеля в совхозах (Морской, Плотниковский, Лесной)”. Порой требовали направить людей перебирать картофель на овощную базу. И надо было кого-то уговаривать, убеждать, взывать к сознательности. Как говорил в своё время С.М. Шульман (грассируя): “Хлеб всему голова!”

Зимой 1986 года вдруг поступила разрядка направить одного из сотрудников Гидрометцентра на курсы трактористов. Как это выполнить, если более 95% состава ГМЦ - женщины; ведь времена прославленной в 30-е годы Паши Ангиной давно прошли? Докладываю начальнику Управления: “Желающих нет”. Василий Иванович спокойно улыбается: “Пишите заявление...” Ситуацию спас Ю.К. Аксютин, который буквально накануне оставил пост директора Новосибирского ГПТУ №7 и

Ю.К. Аксютин

перешёл к нам на скромную инженерную должность в отделе агрометпрогнозов. (А ведь ему было прилично за 50!) Его и направили на ускоренные курсы трактористов; кажется, в этой должности он на уборке урожая заработал намного больше, чем на ставке агрометеоролога Гидрометцентра. После того как меня на партбюро Управления аттестовали в статусе “пропагандиста”, в феврале 1986 года на сессии Центрального райисполкома Новосибирска я выступил с речью на тему шефской помощи Гидрометслужбы селу и, вообще, о проблемах гидрометобеспечения сельского хозяйства (сессия проходила в Доме Актёра).

Конечно, не только сельское хозяйство было объектом нашего внимания, заботы и деятельности. Здесь уместно вспомнить, что отчёты по итогам гидрометобеспечения народного хозяйства в 80-е годы составлялись не один раз в год, а два раза: сначала – за первое полугодие, а в конце – за второе полугодие и за год в целом. При этом, оправдываемость, предупреждённость и эффективность штормпредупреждений об ОЯ следовало рассчитывать для каждой отрасли народного хозяйства отдельно: сельское хозяйство, автотранспорт, железнодорожный транспорт, лесное хозяйство, речной транспорт, энергетика, связь, коммунальное хозяйство (ни конца, ни края!). Госкомгидромет требовал, чтобы к этим отчётам прикладывались отзывы руководителей основных народно-хозяйственных организаций. А потому приходилось вместе с начальником какого-либо прогностического отдела Гидрометцентра, наносить визиты руководителям народно-хозяйственных организаций и выпрашивать, вымаливать, а может даже, вышибать такие отзывы. Это было нелегко, чаще унижительно, но иногда интересно. Обычно мы сами

приходили в интересующую нас организацию с заготовленным заранее проектом такого отзыва (“рыбой”), используя имеющиеся в те годы “Технические записки” для различных отраслей экономики, где было описано влияние определённых гидрометусловий на деятельность данной отрасли и принимаемые обычно ей меры по противодействию неблагоприятным природным факторам. Конечно, сложнее всего было “выбить” более-менее лояльный отзыв в Управлении сельского хозяйства; чиновники этого ведомства почти всегда вносили “ложку дёгтя” в эти отзывы. Вспоминается, когда в конце мая 1985 года, в разгар посевной кампании мы “зевнули” снегопад, прошедший в ряде районов Новосибирской области, заместитель начальника Управления сельского хозяйства Э.И. Камерлох долго бубнил: “Вы в большинстве случаев неверно информируете...” Успокоился и подписал отзыв он только тогда, когда я заверил его, что синоптик ГМЦ, виновный в ошибке, понёс дисциплинарное наказание, что проведён разбор причин неудачного прогноза и приняты меры по недопущению подобных ошибок.

Но вновь и вновь Госкомгидромет и главный лидер по вопросам гидрометобеспечения С.К. Черкавский требовали конкретных данных об эффективности наших прогнозов. В декабре 1985 года Москва дополнительно запросила отчёт о влиянии сложившихся гидрометусловий на деятельность народного хозяйства и реакции потребителей на наши прогнозы и штормпредупреждения. В настойчивости этих запросов чувствовались воля и энергия Сергея Константиновича. Делать нечего: пришлось ещё раз вместе с прогнозистами Гидрометцентра поехать, побегать по кабинетам руководителей и ведущих специалистов структур

экономики (Управления железной дороги, автотранспорта, Новосибирэнерго, лесного хозяйства). Иногда выходил разочарованным: “Нигде разумного учёта нет!” Порой, удовлетворённым: “Вполне приличная беседа”. Удалось достать данные Статуправления о недоборе урожая сельхозкультур из-за неблагоприятных погодных условий. Короче говоря, всё это дало возможность подготовить достаточно разумный ответ на запрос Москвы (УГМО). При всех издержках и недостатках существовавшей системы взаимодействия органов Гидрометслужбы и народно-хозяйственных организаций само наличие такой системы, мне представляется, было правильным. Мы знали и изучали запросы и потребности хозяйственных структур или, образно говоря, ощущали “пульс экономики”, а хозяйственники вникали и могли понимать возможности Гидрометслужбы и порой принимать эффективные решения с учётом фактических и прогностических гидрометданных. Кстати, в 80-е годы поощрялась подготовка информационных материалов об эффективности использования гидрометданных в отраслях экономики (в виде небольших брошюр) и отправка таких материалов на экспозицию ВДНХ СССР. Помнится, одна из таких брошюр, где мы рассказали об использовании прогнозов температуры в деятельности организаций ТЭК на юго-востоке Западной Сибири, заслужила бронзовую медаль ВДНХ.

Я не случайно упомянул о прогнозах для нужд теплоэнергетики; та суровая зима 1984-85 годов буквально потрясла сибирскую энергосистему. Мощные вторжения арктического холода с 40-градусными морозами, резкие изменения погоды с колебаниями температуры, сильными ветрами и метелями вызвали массовые аварии и отключения на

предприятиях ТЭК. В условиях суровой погоды возросли требования энергетиков к качеству прогнозов среднесуточной температуры. Москва обязала нас для объединённого диспетчерского управления (ОДУ) “Сибирь” составлять такие прогнозы не только на первые – третьи сутки, но и на четвёртые – пятые. При этом были установлены жёсткие и заведомо невыполнимые критерии точности (в пределах плюс-минус 2°С) и независимо от заблаговременности такого прогноза. Конечно, мы установили жёсткий контроль за качеством прогнозов, проводили разбор причин неудачных прогнозов, стремились внедрять новые методы прогноза. Как раз в те годы проходило испытание и опытное применение нового синоптико-гидродинамико-статистического метода и технологии прогноза температуры для территории Сибири (с использованием ЭВМ), разработанного И.Г. Храмцовой. Ситуация усугублялась плохим, а чаще – поздним поступлением метеорологических (наземных) и аэрологических данных на карты погоды, барической топографии, кольцевые карты погоды с наблюдательной сети Омского и Красноярского УГМС, особенно с северных (приполярных) станций. По данным всё той же беспокойной и неутомимой В.Т. Дьяченко, “плохих” по насыщенности информацией кольцевок было 26% от всех карт, карты БТ попадали только в категорию “удовлетворительных”, и таковых было 84% от всех высотных карт. Вопросу об информационной работе сети было посвящено специальное заседание технического совета УГМС, доклад подготовили В.Т. Дьяченко и А.Г. Каминский. Ситуация со сбором информации стала настолько тревожной, что проблемы сбора метео-аэрологической информации по Урало-Сибирскому региону в 1985 году в зоне ответственности Новосибирского

РСМЦ обсуждались на уровне Технического управления Госкомгидромета и первого заместителя начальника Гидрометслужбы страны Ю.С. Седунова. В телефонных переговорах с Москвой (представителями ТУ) принимали участие и мы с Н.И. Кухарским. Более того, в октябре этого года в Новосибирске состоялось специальное совещание с участием представителей Госкомгидромета, а также Сибирских Управлений Гидрометслужбы по вопросам улучшения информационной работы сети. На совещании мы с Николаем Иннокентьевичем выступили с обоснованием требований к срокам и качеству поступающей с сети аэрологической и метеорологической информации. Представители Омского и Красноярского Управлений соглашались с замечаниями, нашими требованиями, но сетовали на низкий уровень подготовки кадров наблюдателей-метеорологов на северных станциях и частую их сменяемость. Тем не менее, совещание всё же оказалось полезным; работа наблюдательной сети заметно улучшилась.

И всё же в условиях аномальных погодных условий, резких изменений режима температуры при частых арктических вторжениях все сибирские Управления восточнее Урала были отмечены в приказах Госкомгидромета по итогам зим 1984-86 годов как допустившие снижение оправдываемости прогнозов температуры для нужд теплоэнергетики. (Иначе и быть не могло!)

Читатель, вероятно, уже догадался - реакция руководства УГМС была простой и логичной: “Разобраться и наказать!” В те годы среднесрочные прогнозы на 2-5 суток составлял в нашем Управлении отдел долгосрочных прогнозов погоды – начальник М.Г. Зубович. Неоднократно (дважды-

трижды) я пытался доказать В.И. Зиненко, что причина наших неудач не в низком уровне квалификации синоптиков и их руководителя, а в несовершенстве численных моделей прогноза атмосферных процессов, а следовательно, и погоды. Василий Иванович не соглашался и упорно “требовал крови”, то есть понижения начальника отдела в должности. На третьи сутки переговоров он уже был более сдержан, в основном ругал руководство Госкомгидромета за “предвзятое отношение” к сибирским Управлениям и к Западно-Сибирскому, в частности. Ограничились лишением премиальных, а в завершении беседы он как-то устало и недовольно бросил: “Что-то вы всё время возражаете!”

Нет, не случайно при приёме меня на работу Василий Иванович заметил: “В Гидрометцентре тоже надо будет заниматься наукой”. Уже в январе 1984 года ВНИИГМИ-МЦД озадачил нас работой, которую я мог бы отнести к категории оперативно-методических НИР. Согласно высланной этим институтом программе, следовало провести анкетирование и нормирование всех видов работ в каждом отделе Гидрометцентра, оценить временные затраты на каждый вид работы и, в конечном счёте, определить оптимальную штатную численность персонала. Следовало также учесть необходимость штатного резерва в случае болезней и очередных отпусков. Ну, что же, разве мы враги себе?! В результате выполненной НИР каждый отдел и Гидрометцентр, в целом, блестяще доказали головному институту, руководству Управления, а главное, себе, научную обоснованность действующего штатного расписания. Мы все были довольны. Наивные! Мы даже не предполагали, что буквально в ближайшие несколько лет под лозунгами “оптимизации” будут

приняты административные решения по сокращению “всего и вся”, и никто не будет опираться на какие-то нормативы...

Помимо выполнения оперативно-методических работ, Новосибирский Гидрометцентр представлял интересы заказчика, Западно-Сибирского УГМС, и его задачей было оценивать эффективность выполняемых в нашем СибНИГМИ научных разработок, особенно по прогностической тематике, проводить оперативные испытания методов гидрометеорологических прогнозов, подводить итоги испытаний и принимать выполненные НИР.

Е.Е. Каленкович

В.П. Крысов

И.В. Колотовкин

В 1984-85 годах продолжались настойчивые, но, к сожалению, неудачные попытки усовершенствовать региональные численные модели краткосрочного прогноза барических полей. Команда математиков института (Е.Е. Каленкович и К^о) пыталась доказать в августе 1984 года на научно-техническом совете, что качество численных прогнозов имеет тенденцию к улучшению. Однако, для нас, то есть Гидрометцентра и Регионального ВЦ, было очевидно, что

прогресса практически нет. В этой оценке со мной были солидарны и синоптики, и руководство РВЦ: Владимир Петрович Крысов и Игорь Валерьянович Колотовкин. И в дискуссии мы выступали в унисон. Директор института П.Ю. Пушистов нервничал, пытался “выкручивать руки”: было явно видно, как он тяжело переживал критику дорогого для него научного направления. Зато откровенно был доволен нашей принципиальной позицией В.И. Зиненко. Между прочим, в своё оправдание Евгений Ефимович приводил факт недостаточного по объёму поступления в Новосибирск аэрологической информации для численного прогноза по сравнению с Москвой (Гидрометцентр СССР). Но Москва-то была Мировым метеорологическим центром (ММЦ) в системе ВМО, а Новосибирск – всего лишь региональным (РСМЦ). Поэтому аргументы Е.Е. Каленковича звучали неубедительно.

Никогда не забуду декабрьскую 1985 года итоговую сессию Учёного Совета СибНИГМИ, где я в качестве

Л.И. Каминская

оппонента и представителя заказчика выступал 4-5 раз по результатам региональных НИР в области численно-статистических методов, агрометеорологических прогнозов, климатических исследований, а затем ещё просидел часа полтора на так называемой приёмке НИР. Конечно, приходилось поддерживать продолжающееся испытание своего метода прогноза аномалий среднемесячной температуры:

оперативно рассчитывать значения предикторов (предсказателей) для прогнозируемого месяца, передавать эти значения программисту РВЦ, который через соответствующее ПО обеспечивал получение расчётных значений ожидаемой аномалии температуры. К середине 80-х годов в СибНИГМИ и ГМЦ уже испытывалось и в опытном порядке применялось в оперативной практике несколько методов долгосрочных прогнозов погоды: кроме меня и В.В. Ерёмину статистический метод прогноза температурных аномалий на принципе, так называемых, самообучающихся, с обновлением рядов наблюдений, моделей разработали Л.Н. Романов и Г.М. Виноградова. В целом, все эти методы имели неплохую (по тем временам) успешность с довольно близкими показателями качества. Один метод мог неплохо “работать” для тёплого сезона, другой для холодного, у кого-то лучше получались прогнозы в классе “выше нормы”, у другого – “ниже нормы”. А потому, когда в апреле 1985 года на заседании ЦМКП Росгидромета заведующая лабораторией СибНИГМИ Л.И. Каминская доложила сравнительные итоги испытаний наших методов, глава ЦМКП и герой Арктики Е.И. Толстиков принял мудрое “соломоново” решение: “Применять разработанные в институте методы по усмотрению Западно-Сибирского УГМС”. Так что ещё в течение нескольких лет названные методы применялись в оперативной работе отдела долгосрочных прогнозов нашего Гидрометцентра одновременно и в комплексе.

Говоря о науке, отмечу, что в целом авторитет научных

В.А. Виноградов

исследований, выполненных в СибНИГМИ, в середине 80-х годов заметно вырос. В декабре 1984 года на заседании Учёного Совета чествовали нашего доктора географических наук С.Д. Кошинского, которого за цикл работ в области климатологии и синоптической метеорологии представили к званию “Заслуженный деятель науки РСФСР”. А исследования В.Н. Барахтина и его коллег по изучению турбулентности и болтанки самолётов в нижней тропосфере завоевали первую премию Госкомгидромета. В мае 1985 года В.Г. Токарев на заседании научно-технического совета доложил основные положения своей кандидатской диссертации, посвящённой долгосрочному прогнозу погоды на первую половину лета, а в августе этого же года В.А. Виноградов рассказал о результатах исследований возникновения грозных гидрологических явлений – селей в горах Алтая. Оба диссертанта в последующем успешно защитились и получили кандидатские степени по географическим наукам.

Помимо оперативно-производственной и околонуучной деятельности мы уделяли значительное внимание популяризации гидрометеорологии и продвижению наших данных в СМИ. Запомнилась двухчасовая запись на плёнку по заказу редактора Новосибирского радиокомитета В.Ф. Губина в марте 1984 года моей беседы об атмосферных процессах, влияющих на погоду в Западной Сибири, о методах краткосрочного и долгосрочного прогноза погоды. В сокращённом варианте эта беседа прозвучала позднее на радиоволнах. Моя лекция по проблемам долгосрочной прогностики была весьма востребована в те годы; где я только с ней не выступал?! И на курсах метеорологов наблюдательной сети, и в подразделениях Управления, и для учащихся ГПТУ

№7, а также в “закрытом” учреждении – институте электронной промышленности в Новосибирске и даже во время командировки для персонала метеорологов в/ч 52605 на Семипалатинском ядерном полигоне! И везде слушали с интересом, задавали вопросы, порой острые и каверзные.

Мы поддерживали традицию выступлений ведущих синоптиков на радио; в конце января и февраля 1986 года по Новосибирскому радио удачно выступили М.Г. Зубович и Л.Н. Староватова, причём, не только с прогнозом погоды на ближайшие сутки, но, впервые, и с уточнённым прогнозом на месяц.

В прессе продолжался ажиотаж по поводу, как писали журналисты, “феноменальных по точности” долгосрочных прогнозов А.В. Дьякова. При этом “газетёры” приводили в качестве примера отдельные его удачи: или предсказание урагана на Кубе, или прогноз весенних заморозков во Франции, или прогноз летней засухи 1962 года в Европейской части России. Абсолютно игнорировались неудачные прогнозы, замалчивалась общая статистика успешности его долгосрочных прогнозов. Особую активность проявляли центральные газеты. Помню свою беседу в январе 1984 года с журналистом “Комсомольской правды” Ю.М. Лепским, которого я ознакомил с материалами работы комиссии учёных АН СССР и Гидрометслужбы 1972 года по оценке методических и научных основ прогнозов А.В. Дьякова, а также с нашими оценками качества этих прогнозов для территории Западной Сибири. И всё же в марте 1984 года в “Литературной газете” появилась восторженная по тональности статья журналиста Юрия Роста, посвящённая личности и прогнозам А.В. Дьякова. Я посчитал себя

обязанным написать и выслать в апреле этого же года в Москву, в редакцию “ЛГ” большую полемическую статью, посвящённую проблемам долгосрочных прогнозов погоды и учёта солнечно-атмосферных связей, привёл также обобщённые данные об успешности официальных прогнозов, составляемых органами Гидрометслужбы, в сравнении с прогнозами А.В. Дьякова. Где-то через месяц пришёл ответ москвичей, из которого следовало: Анатолий Витальевич – незаурядная личность, и этим он интересен. А далее: “Что касается Вашей информации, она будет интересна нашей редакции”?!! Такой ответ меня откровенно развеселил: а где же демократия и право оппонента на особое мнение, о чём уже начинали говорить партийные лидеры.

Ну и конечно, все мы – руководители структурных подразделений Управления в качестве агитаторов и пропагандистов должны были проводить популяризацию решений партийных органов, пленумов, конференций, съездов КПСС в рамках политической, экономической учёбы в своих коллективах. А мой день рождения в 1985 году совпал с моментом выхода в свет Постановления ЦК КПСС и Совета Министров страны о борьбе с алкоголизмом. Настроение сразу стало минорным (никаких застолий!); конечно, думалось, с пьянством надо бороться, но у нас на Руси так любят крайности... Через две недели состоялось партийное собрание Управления, посвящённое этой проблеме с долгими дебатами на тему “Как бороться?” Вернулся домой в десятом часу вечера с головной болью. В октябре 1985 года – очередной пленум ЦК партии, а в ноябре я провожу экономическую учёбу на тему: “Программа производства товаров народного потребления до

Февраль 1986 года. Экономическая учёба

2000 года”; провозжу не только у себя в ГМЦ, но и на левом берегу, в коллективе МСС (машиносчётной станции). (Никто не мог предвидеть “лихие” 90-е годы развала “всего и вся”.) Слушатели задавали провокационные вопросы типа: “Почему в магазинах мало мяса?” А уже в декабре было партийное собрание Управления с более общей проблемой: “О предложениях коллектива к плану развития страны до 2000 года”. Вот так! И снова дебаты, споры, дискуссия... Страна бурлила в судорогах “перестройки”.

В конце декабря 1985 года – начале января 1986 года была запущена первая очередь Новосибирского метрополитена, которая связала левый и правый берега Оби, от станции “Студенческая” до станции “Красный проспект”. Шикарно, красиво, комфортно, удобно – не хуже Московского метро!

25 февраля 1986 года открылся 27 съезд КПСС. С политическим докладом выступил Генеральный Секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв. В честь открытия съезда состоялся митинг в конференц-зале Управления. Центральные газеты публиковали выступления лидеров партии. Весенние месяцы, конечно, были посвящены изучению материалов съезда в разрезе политической учёбы. Обращало на себя внимание обилие критических замечаний и оценок в отношении организационно-политических и экономических решений, принятых 10-20 лет назад прежними руководителями партии. Началась переоценка ценностей прошлого и попытки начать новую историю страны. Интересно, что в одном из протоколов собрания, на котором обсуждались решения съезда, появилась такая запись: “Коллектив Гидрометцентра выражает надежду, что мощная волна критических выступлений делегатов партийного форума найдёт отражение в будущих практических делах Партии”. Увы! Как показали дальнейшие события, эти благие пожелания остались лишь на бумаге.

80-е годы, особенно первая их половина, были эпохой разгара “холодной войны”. Очередной президент США, в прошлом известный актёр, Р. Рейган провозгласил СССР “империей зла”, взял курс на “звёздные войны” и жёсткое противостояние с лагерем социализма. В связи с напряжённой международной обстановкой в Западно-Сибирском УГМС часто проводились занятия и учения по гражданской обороне, в ночные или утренние часы объявлялся сбор руководящего состава, когда служебный автобус собирал начальников ведущих служб и отделов. Нередко наша оперативная группа Гидрометцентра совместно с подразделениями ГО и ЧС проводила учения с имитацией ядерных взрывов, прогнозами

зон распространения радиоактивного загрязнения и мерами защиты от радиации. Без конца составлялись планы мобилизации и эвакуации личного состава, действий Гидрометслужбы в особый период. Приобретались материалы (шторы) для установки защитного затемнения на случай бомбёжек. Зимой 1986 года руксостав Управления дважды привозили в учебный тир Новосибирского мединститута, где мы учились стрелять из пистолета. Я, при своей близорукости, не мог блистать точностью: помнится, в первый раз выбил 17 очков из 50, зато во второй раз 33 очка! Страна всерьёз готовилась к возможному вооружённому противостоянию. В эти годы частыми для меня и В.Н. Барахтина были командировки на Семипалатинский ядерный полигон, где мы работали экспертами Госкомгидромета по прогнозу ожидаемых траекторий перемещения радиоактивных частиц.

Куплеты “мосье Трике”.

Как я писал в начале главы, кадровый состав Гидрометцентра был крепким и, в целом, высокопрофессиональным. Но кадровые проблемы начались практически в первый же год моего руководства Гидрометцентром. В начале марта 1984 года достигла пенсионного возраста М.А. Черкесова и сразу заявила о своей отставке. Тепло проводили мы Марину Александровну на заслуженный отдых: её торжественное чествование прошло в конференц-зале Управления, был организован литературно-музыкальный концерт. Я исполнял куплеты “мосье Трике” с мелодией из оперы “Евгений Онегин” под аккомпанемент В.Н. Барахтина. Текст куплетов был перефразирован и отображал значимость работы синоптиков, но завершился грассированной фразой: “Ви, гоза, бель Магина-а!”, а на следующий день мне пришлось исполнять роль тамады на банкете и представлять желающим возможность тостовать, чествовать и изливать свою любовь и уважение к юбиляру.

Не сразу мы нашли замену М.А. Черкесовой: предполагаемый её преемник, Любовь Ивановна Мальцева по семейным обстоятельствам медлила с согласием стать начальником отдела. Только в июле этого года она возглавила отдел. По причине пенсионного возраста ушла в отставку М.С. Побочина, отдел возглавила опытный агрометеоролог Э.В. Земляная. В начале июня 1984 года острый сердечный приступ (инфаркт) сразил начальника гидропрогнозистов В.С. Громову. Пришлось вызвать скорую помощь, и мы с А.Г. Каминским сами отнесли беспомощную и неподвижную Веру Семёновну на носилках в машину. В том же году последовала вынужденная отставка В.С. Громовой. Отдел гидрологических прогнозов возглавила Лилия Андреевна Мельникова, опытный

гидролог и, добавлю – женщина с ярким поэтическим талантом.

Л.И. Мальцева

Э.В. Земляная

Л.А. Мельникова

В августе тяжело заболела Л.Н. Староватова, главный мой заместитель и, по существу, моя правая рука. Около года ей пришлось лечиться в больнице и санатории. На период её болезни исполнять обязанности главного синоптика пришлось М.Г. Зубович. Зимой 1985 года ей на помощь была временно, на два месяца, принята на работу М.Г. Петрова. В те годы вышедшие на пенсию работники могли ежегодно, на короткое время, возвращаться на своё прежнее предприятие и трудиться, передавая коллегам свой полезный опыт.

В июне 1985 года ушла на заслуженный отдых М.К. Гилярова, один из ведущих синоптиков Гидрометцентра. На прощание наша категоричная “железная леди” иронично и жёстко назвала свой труд синоптика “тридцатидвухлетней каторгой”. При всех трудностях и издержках сменной, круглосуточной работы прогнозиста вряд ли можно

согласиться с такой оценкой благородного труда специалиста, предупреждающего жителей региона о возможных катаклизмах погоды и грозных штормах. Предупреждён – значит вооружён! Не так ли?

Не могу забыть до настоящего времени безвременный уход из жизни старшего инженера отдела агрометпрогнозов Р.А. Марухиной в феврале 1985 года. Это была незаменимая, невероятно работоспособная сотрудница отдела, настоящая “рабочая лошадка”. Беда в том, что она страдала тихим алкоголизмом. Узнал я об этом довольно поздно, беседовал с ней жёстко раза два, увещевая, предостерегая, но... В душе моей осталось чувство вины, что я мог сделать больше и предотвратить беду.

Кадровые потери несли и другие структуры Управления. В январе 1985 года руководство Управления поставило вопрос об увольнении с должности начальника Спутникового центра (РЦПОД) Б.К. Кожевникова. Руководитель Центра обвинялся в пьянстве, порочных методах руководства, приписках, создании в коллективе атмосферы круговой поруки. Пьянство всегда было довольно острой проблемой в коллективах с большой долей сотрудников мужского пола. Но если, например, в коллективе РВЦ в отношениях к спиртному соблюдалось какое-то чувство меры, то в РЦПОД руководство Центра “не чувствовало края”. Помню, как на демонстрации 7 ноября 1984 года едва живой после попойки Б.К. Кожевников пытался нести большое Красное знамя Управления, напряжённо глядя вперёд осолопевшими глазами, а знамя медленно падало и уже волочилось по осенней грязи. В.И. Зиненко видит это безобразие и рывкает: “Убрать!” Ситуацию спасает В.Н. Барахтин, который забирает древко знамени из ослабевших рук

“Кузьмича” и достойно проходит мимо трибун на площади Ленина. В феврале состоялось бурное собрание коллектива РЦПОД с участием представителей Новосибирского Обкома КПСС; позднее прибыли чиновники Госкомгидромета, после чего судьба руководителя Центра была решена.

Наш региональный институт (СибНИГМИ) тоже не избежал кадровых потерь. В начале января 1984 года, после тяжёлой болезни, скончался заместитель директора института А.Б. Лебединский, который внёс большой вклад в развитие экспедиционных климатических работ и метеорологическое обоснование крупных промышленных объектов в Западной и Восточной Сибири. На его проводах, где я выступал с прощальным словом не только от имени Гидрометцентра, но и от руководства Управления, возглавлял похоронную процессию, конечно, директор института П.Ю. Пушистов. Меня поразило его растерянный внешний вид, откровенная нервозность и прерывающаяся временами речь. А в феврале 1985 года скончался крупный климатолог Сибири советского периода Л.И. Колдомасов. Его, доброго, отзывчивого человека, все любили, провожать в последний путь на Заельцовское кладбище пришло много друзей, коллег, ветеранов; запомнилась прощальная речь И.А. Шевчук, которая не могла скрыть своих слёз и рыданий.

Возвращаясь к кадровым проблемам тех лет, вспоминаю, что их решение тогда зависело, порой серьёзно, от позиции весьма одиозного по стилю работы начальника отдела кадров Управления Р.А. Албогачиева. Лицо кавказской национальности. (Избави боже! Я ничего не имею против жителей Кавказа.) Он пытался в Управлении играть роль, образно говоря, “кадрового царя”: мог единолично без

согласования с руководством и методистами увольнять и принимать на работу работников, включая начальников метеостанций. Зато тормозил и даже блокировал согласованные перемещения сотрудников “по горизонтали и вертикали”. Когда он узнал о моих переговорах с одним из синоптиков НЗАМЦ и его возможном переходе в Гидрометцентр, то объявил меня в незаконном “переманивании” кадров и даже добился моего выговора в приказе “за нарушение штатно-сметной дисциплины”. Албогачиев направлял на сеть грозные по тональности административно-методические указания, обосновывая их указаниями партийных и профсоюзных органов об укреплении трудовой дисциплины. Вот выдержка из одного такого указания (февраль 1986 года): “Преступное легкомыслие допускается (начальниками) в отношении опозданий... Надо чтобы опоздание на работу стало величайшей редкостью”. (Каково! Явно – стиль, тяготеющий к военному времени.) На одной из планёрок в руководстве Управления мои коллеги, руководители подразделений, называли “кадрового царя” неуправляемым. Жалобы на его грубость и волонтаризм достигли Москвы, и прибывшая в марте 1986 года комиссия Госкомгидромета рекомендовала освободить Албогачиева от занимаемой должности.

Организационная и бумажная “круговерть” порой прерывалась интересными и полезными командировками, инспекциями, семинарами, совещаниями регионального и даже всесоюзного масштаба.

Первая моя серьёзная, хотя и короткая, служебная командировка состоялась в конце апреля 1984 года в Новокузнецк. Это был разгар весеннего половодья в бассейне

Оби и Томи. В те дни стали поступать какие-то противоречивые данные о разливе рек и подтоплениях в районе Новокузнецка. В.И. Зиненко приказал нам с А.Г. Каминским срочно вылететь в Новокузнецк, на сборы дал меньше часа. Пробыли мы в столице Кузбасса два дня, ездили с и.о. начальника местного Гидрометбюро А.К. Максимовой в подтопленные районы (они оказались незначительными), встречались с заместителем председателя горисполкома и другими начальниками. Они удивлялись, что мы приехали из-за такой “мелочи”: подтопления были локальными, из-за переполнения прудов и сброса воды в городскую речушку Аба. Составив акт с соответствующим описанием события, мы вернулись в Новосибирск. Тем не менее, в мае нечто подобное (и локальное) произошло в Кемерово, но туда был командирован только один А.Г. Каминский.

Конструктивными были контакты и совещания с представителями и методистами головных НИУ (ГГО и ГГИ), проводивших у нас инспекции на сети. В августе 1984 года к нам прибыл ведущий специалист ГГО по актинометрии Ю.Д. Янишевский, 78-летний живой голубоглазый старичок; прочёл у нас лекцию о развитии парка актинометрических приборов в стране в целях изучения потоков солнечной радиации и солнечного климата. В октябре 1985 года на заслушивание результатов инспекции нашей гидрологической сети методистами ГГИ были приглашены начальники всех гидрологических станций и обсерваторий. Интересно, что уже тогда сетевики ставили перед ГГИ вопросы и задачи, как тогда говорили, “механизации” гидрологических наблюдений и обработки наблюденной информации. Вообще, в те годы заседания Технического совета, совещания по проблемам

гидрологии, в частности, по вопросам подготовки сети к весенне-летнему половодью, проходили всегда с участием руководителей сетевых подразделений. В моём дневнике есть запись о том, что такое совещание в начале апреля 1986 года длилось 5(!) часов. Обсуждалось всё: методические, финансовые, технические вопросы, включая вопросы техники безопасности и обеспечения спецодежды, разрабатывался и выпускался согласованный (“вдоль и поперёк”) приказ начальника Управления.

Ноябрь 1984 года. Доклад на региональном семинаре.

Во второй половине ноября 1984 года в Новосибирске состоялся региональный семинар по вопросам развития спутниковой метеорологии. Хотя семинар имел статус регионального, но по числу делегатов, гостей, количеству докладов это было мероприятие союзного масштаба: были представители Госкомгидромета, Гидрометцентра СССР. Из Ташкента (САРНИГМИ) приехала М.В. Буркова, вдова моего

кумира В.А. Джорджио, эффектная, яркая женщина, несмотря на известный и солидный возраст. На семинаре я выступил с коротким докладом, где рассказал об опыте уточнения фронтологического анализа и прогноза резких изменений погоды с учётом спутниковой информации. В конце речи, чередуя серьёзные выражения и юмор, высказал пожелания, чтобы разработчики и интерпретаторы спутниковых систем перешли от облачных полос, зон и вихрей, видимых на снимках с ИСЗ, к идентификации районов с опасными и неблагоприятными явлениями, то есть сильных ливней, градобитий, шквалов и пр. (Если серьёзно, то я и сейчас бы не отказался от высказанных тогда пожеланий.)

Прошло чуть больше недели после спутникового семинара, и я вылетаю в Москву на первое всесоюзное совещание начальников гидрометцентров Госкомгидромета. Наш самолёт садится не в Домодедово, а в Пулково, так как над Москвой низкая облачность, снегопад, сильный ветер.

И.Г. Грингоф

Срочно еду на Московский вокзал Ленинграда и поздно ночью скорым

поездом прибываю в Москву. Совещание проходило почему-то на площадках ВДНХ в павильонах “Мелиорация” и “Животноводство”. Открыл совещание заместитель главы Госкомгидромета Ю.С. Седунов, ведущие учёные и руководители

Ю.С. Седунов

НИУ Гидрометслужбы (П.П. Васильев, И.Г. Грингоф, Е.С. Уланова и др.) выступили с докладами по основным направлениям своей деятельности. Запомнилось выступление А.И. Снитковского об условиях возникновения зоны смерчей, прошедших в начале июня этого года от Молдавии до Московского региона и Поволжья, вызвавших разрушения и человеческие жертвы. Ярко выступила Н.В. Савинова, начальник Иркутского Гидрометцентра, которая рассказала о масштабах весенне-летнего половодья в Иркутской области и успешном его прогнозе. В своём выступлении я рассказал о проблемах и достижениях своего Гидрометцентра, популяризации нашей деятельности. Оживление и смех в зале вызвала отписка редакции “Литературной газеты” о личности А.В. Дьякова и его прогнозах, которую я зачитал с трибуны. Принял я участие в небольшой дискуссии, которая вспыхнула по вопросу содержания и порядка выпуска долгосрочных прогнозов погоды на месяц. Вообще, полагаю, что ценность таких совещаний не только в содержании звучащих с трибуны выступлений, но и в возможности обмена опытом работы с коллегами. А собравшийся на совещание народ оказался, как записано в моём дневнике, “языкастым и зубастым”. Особенно это проявилось на следующем заседании с участием руководства Службы (Ю.С. Седунов, В.Г. Никитин, А.Н. Чилингаров), когда обсуждались крайне болезненные (уже тогда!) вопросы о заработной плате и премиальной системе для работников нашей Гидрометслужбы. И под градом задаваемых из зала вопросов не всегда убедительно звучали ответы чиновников Госкомгидромета, ответственных за финансовую и кадровую политику Службы.

Р.И. Салтыкова

В следующем году, в 20-х числах сентября 1985 года, я принимал участие в комплексной инспекции подразделений Западно-Сибирского УГМС, расположенных в городе Колпашево (Гидрометобсерватория и АМСГ). Возглавлял инспекцию Р.Я. Гесс, кроме меня Гидрометцентр представляли гидрологи Л.А. Мельникова и О.В. Лавринович. Познакомились мы с руководителями ГМО и АМСГ А.П. Путинцевым и Г.А. Скрипниковой, начальниками отдела гидрологии В.Д. Крашенинниковым и аэрологии А.А. Лобановым. Вопросы метеобеспечения авиации и аттестацию сотрудников АСМГ курировали и проводили начальник отдела обслуживания авиации А.А. Кульшенёв и главный синоптик НЗАМЦ Р.И. Салтыкова. *Вопросы* профсоюзной и кадровой работы проверяли глава профсоюза нашего Управления Д.Н. Щенина и начальник отдела Р.А. Албогачиев. Колпашево и сейчас, и тогда - это небольшой провинциальный городок на севере Томской области, а жители этого городка были примером настоящего простого русского добродушия и гостеприимства: наблюдатели посещённых нами гидрологических постов, хорошие и ясные характером женщины, угощали нас молоком своих коров, встречали и провожали нас добрыми словами. Во время инспекции мы посетили руководителей партийных и хозяйственных организаций, которые высказали пожелания по расширению гидрометобеспечения, особенно в интересах рыбоводства. В ходе бесед с лидерами города и руководством ГМО-АМСГ был сделан вывод о необходимости создания специальной группы в АСМГ для метеорологического

обеспечения города и района краткосрочными прогнозами погоды общего пользования. Итоги комплексной инспекции подвёл Р.Я. Гесс; проект соответствующего приказа поручил написать мне.

И снова, только успел я отойти от Колпашевской тематики, в ноябре этого же года – интересная командировка в Минск на Всесоюзное совещание специалистов Гидрометслужбы по проблеме создания автоматизированной системы доведения информации (АСДИ) до потребителей. Моим коллегой в этой командировке был начальник отдела программирования ЗСРВЦ И.В. Колотовкин. На совещание прибыли представители многих управлений, региональных ВЦ; от Госкомгидромета был заместитель начальника УГМО В.А. Тренин. Белоруссия (Белгидромет) представляла собой в те годы своеобразный полигон, где отрабатывались новые гидрометприборы, оборудование и технологии. На совещании шла речь о разработке единой концепции и технологической линии по доведению фактической и прогностической информации в цепочке: станция – линии связи – ЭВМ – Гидрометцентр до конечного потребителя. Выступавшие ораторы отмечали существенные организационные и технико-технологические проблемы: отсутствие единой технической политики в Госкомгидромете, разнокалиберность самой техники и систем связи на местах. Были собраны предложения по разработке мероприятий для устранения отмеченных недостатков и решения проблем. Мы с Игорем Валерьяновичем ознакомились с работой ВЦ Белгидромета, служб связи, спутникового центра, собрали образцы карт погоды, расчётов и таблиц, генерируемых ВЦ. Мне удалось пообщаться с начальником Минского Гидрометцентра Аввакумовым, его

заместителем М.А. Гольдбергом, с некоторыми руководителями прогностических и режимных отделов, я получил представление и содержания, стиле и объёме выполняемых ими работ; даже присутствовал на обсуждении краткосрочного прогноза погоды по Минску и Минской области. Интересно, что термин “осадки” на белорусском языке звучит как “опадки”: и это правильно, ведь они падают, а не осаждаются! Любезные хозяева организовали для нас экскурсионную поездку в одно из самых трагичных мест прошедшей войны – село Хатынь, которое было карателями полностью выжжено и уничтожено вместе с жителями в 1943 году. В день поездки стояла пасмурная унылая погода поздней осени. Мерно, приглушённо звучали погребальные звуки колоколов, печально высилась “Стены скорби”, немногословно вещал о трагедии Хатыни голос экскурсовода. На сердце было тяжело, и это ощущение долго ещё оставалось в душе.

В феврале следующего, 1986 года, начальник РВЦ В.П. Крысов изложил на техсовете созданную совместно с Гидрометцентром идеологию (техническое задание) на разработку АСДИ в нашем Управлении. Она предусматривала решение пятнадцати приоритетных задач, начиная от автоматизации наноски и расчерчивания синоптических карт (погоды, кольцевых, БТ) до подготовки и доведения гидрометинформации до рабочих мест специалистов, включая сводки данных по температуре, осадкам, атмосферным явлениям, пожароопасности лесов и т.д.

Не могу забыть совместного с комиссией Новосибирского

В.Ф. Богданова

облсполкома (во главе с А.Г. Незавитиным) аэровизуального обследования с помощью вертолѐта зон затопления Новосибирской области в середине мая 1986 года. Зима 1985-1986 годов оказалась многоснежной; в результате таяния снега весной, подъѐма уровня рек Барабо-Кулундинской низменности обширные районы северной части Новосибирской области оказались подтопленными, так как максимальные уровни половодья были на 1-2 метра, и более, выше нормы. Полѐт нашего вертолѐта проходил по маршруту Новосибирск – Убинское – Каргат. Со мной вместе в салоне вертолѐта летела гидролог Гидрометцентра В.Ф. Богданова; изумлѐнно мы смотрели в иллюминаторы: в поле зрения было сплошное море воды, как будто вся область залита водой, лишь кое-где торчали верхушки деревьев и крыш. Как показало обследование, общая площадь подтопления составила более 200 км²; высокие уровни воды стояли больше месяца, что нанесло ущерб сельскому, коммунальному, автодорожному хозяйству. Часть населения пришлось эвакуировать из зон затопления, скот перегнали в безопасные места; но всё же несколько сотен голов погибло. Вместе с землеустроителем Новосибирского облсполкома мы участвовали в составлении акта (справки) обследования, которая использовалась директивными органами для планирования мер по экономической помощи пострадавшим районам.

З.Н. Рассолова

Но не только из одних трудовых будней состояла жизнь коллектива Управления, Гидрометцентра и их руководителей! Вспоминается смотр художественной самодеятельности и

концерт 22 февраля 1985 года, посвящённый Дню Советской Армии и 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. Если коллектив РЦПОД представлял танкистов, то Гидрометцентр демонстрировал серию сюжетов: Г.П. Торубарова и З.Н. Рассолова убедительно говорили о своей любви к уходящим на фронт отцам, мужьям. А я изобразил солдата в пилотке и накинутой на плечи плащ-палатке с автоматом в руках; запевал знаменитую в годы войны “Землянку”, а стоящая поодаль от меня Л.И. Демидова вторила мне в дуэте. (Сидевшая в жюри Д.Н. Щенина после концерта подошла ко мне и призналась: “Это было трогательно до слёз”.)

Лыжный праздник Центрального района Новосибирска в середине февраля 1986 года проходил в Заельцовском парке при сильном морозе, близком к 30 градусам. По условиям праздника коллектив УГМС должен был представить несколько лыжных семей. Таковой оказалась семья Гафаровых, во главе с отцом Альбертом Хадыевичем, сотрудником РВЦ. Мне пришлось назваться главой семьи Тюменцевых и вместе с Аллой Александровной и её сыном-школьником участвовать в лыжной эстафете. К счастью, никто в судейской группе не стал проверять наших документов, да и у наших жён и мужей не было особых поводов для ревности. Похоже, все лыжники Управления бежали хорошо: я видел лёгкий, изящный и, я бы сказал,

А. Димитров

элегантный бег лыжника из нашего РВЦ А. Димитрова, мощный, неудержимый финиш начальника Управления В.И. Зиненко в “командирской ” эстафете руководителей всех предприятий района. И общее третье место по району, вполне достойное для коллектива гидрометеорологов, мы заслужили.

Команда лыжников УГМС. Февраль 1986 ода.

1985 год завершил 11-ю пятилетку (1981-1985) развития нашей страны, и по сценариям того времени в январе следующего года состоялось заседание партийно-хозяйственного актива и конференция трудовых коллективов нашего Управления. Руководство, начальники структурных подразделений, профсоюзные лидеры обязаны были выступить с итогами своей работы. Выступая на том собрании, я с определённой долей гордости говорил о достижениях Новосибирского Гидрометцентра в сфере повышения качества

гидрометобеспечения народного хозяйства Сибири, методической работы с наблюдательной сетью. Отметил, что за 11-ю пятилетку в оперативную практику Гидрометцентра и других структур Управления было внедрено новых численно-расчётных методов прогнозов больше, чем в предыдущей пятилетке, что являлось одним из факторов повышения оправдываемости штормпредупреждений, прогнозов погоды на 1-3 суток, гидрологических прогнозов от 1 до 10%; впервые в прогнозах на 2-3 суток мы достигли и перешли рубеж 90%. Расчётный экономический эффект наших прогнозов за пятилетку превысил 60 млн. рублей. Говорил о том, что ГМЦ совместно с коллегами из РВЦ и НСАСПД ведёт работу по автоматизации подготовки различных прогностических и режимных материалов.

Позднее встал вопрос о награждении наиболее отличившихся в прошедшей пятилетке работников высокими правительственными наградами (орденами и медалями). От Гидрометцентра я предложил к награждению Л.Н. Староватову, от РВЦ В.П. Крысовым была названа кандидатура В.Т. Дьяченко. Однако, как записано в моём дневнике: "Проиграли оба..." Не помню, что имел против РВЦ В.И. Зиненко, но по отношению к Гидрометцентру у руководства УГМС были серьёзные претензии. Даже сейчас не думаю, что их можно было бы назвать обоснованными. Например, в своём критическом выступлении Василий Иванович упрекал нас в том, что ГМЦ не составляет медико-метеорологические прогнозы для органов здравоохранения. (А как бы мы стали это делать без государственно-ведомственного задания на такие прогнозы и при отсутствии разработанного соответствующим НИУ метода?!) Или, почему-то ГМЦ не

имел сообразительств на всю пятилетку. (А разве мало было иметь план мероприятий по обеспечению Продовольственной программы на несколько лет и целого каскада сообразительств на каждый год и к очередным съездам КПСС?!) В результате обсуждения к правительственной награде по предложению А.А. Кульшенёва прошла кандидатура главного синоптика НЗАМЦ Р.И. Салтыковой. Правда, некоторые сотрудники ГМЦ получили звания “Ударник пятилетки” или были занесены в “Книгу Почёта” и на “Доску Почёта”: синоптики С.В. Прилепская и Р.Н. Молчанова, гидрологи Л.А. Мельникова и Л.С. Ветошкина, агрометеоролог В.И. Садонина. И всё же, прошедшее обсуждение произвело на меня тяжёлое впечатление, и я ушёл с совещания “в самом дурном расположении духа”.

В.В. Селегей

Завершая сию главу о “первых шагах” деятельности вновь созданного Новосибирского Гидрометцентра, не могу не сказать, что, по крайней мере, в течение трёх лет руководство ГМЦ подвергалось “атакам” начальника Центра контроля загрязнения окружающей среды В.В. Селегея. Начиная с весны 1984 года, Валентин Васильевич настойчиво рекомендовал, предлагал и даже требовал, чтобы Гидрометцентр взял на себя функции прогнозирования загрязнения атмосферы промышленными выбросами в результате хозяйственной деятельности и работы автотранспорта. Я возражал, мотивируя это тем, что ЦКЗС,

обладая квалифицированными специалистами, ведущими мониторинг загрязнения атмосферы (от организации системы наблюдений за концентрациями загрязняющих веществ до оценки диагностики и динамики изменения этих концентраций во времени и пространстве) может лучше понимать физику и химию процессов загрязнения атмосферы, а значит и более квалифицированно это предсказывать. Тем более, что в 70-80-е годы этот центр на базе разработанной И.А. Шевчук методики уже вёл фактически и реально эту работу и довольно успешно.

Более того, с учётом предложений руководства ЦКЗС (В.В. Селегей и Ф.А. Оберемко), в сентябре 1985 года В.И. Зиненко принял решение усилить этот Центр дополнительными штатными единицами. Но мой коллега на этом не успокоился, и в июне следующего года злополучный вопрос о взаимодействии обоих центров был вынесен на партийное собрание Управления. 26 июня 1986 года партийное собрание поставило (и на долгое время) точку в этом вопросе. При активной поддержке С.М. Шульмана более правильной в определении функций ГМЦ и ЦКЗС была признана позиция начальника Гидрометцентра: прогноз загрязнения атмосферы оставили за коллективом В.В. Селегея. Я и сейчас считаю, что эти прогнозы должны составлять структуры, ведущие, в основном, мониторинг загрязнения природной среды. Вместе с тем, в решении партсобрания содержались рекомендации по взаимодействию наших Центров, которые можно было бы объединить одной фразой: “Ребята! Давайте жить дружно!”

Вспоминая каскад конфликтов и испытаний, выпавших на мою долю в те годы, не могу не сказать о “сюрпризе” нашего сына Артура. Как в той песне из к/ф ”Гусарская баллада”: “И нанесла удар свой ножом из-за угла”. В 1982-1983

годах он завершил второй курс учёбы в институте (НЭТИ), а в 1983-84 годах после академического отпуска возобновил учёбу на третьем курсе. В январе 1985 года успешно сдал зимнюю сессию. Однако, в апреле, когда я был в командировке в Москве, а моя супруга Тамара уехала на лечение в далёкий санаторий “Армения”, он написал заявление в деканат: “Прошу отчислить из института”. В чём дело? Оказывается: тяжело, невмоготу, противно здесь учиться, не видит перспективы в дальнейшей учёбе. Уговоры не помогли. Он решил начать “с нуля”. В августе 1985 года Артур успешно сдал приёмные экзамены и стал студентом первого курса исторического факультета Новосибирского пединститута (НГПИ).

30 июня 1986 года я проснулся с ощущением каких-то помех в моём зрении: в поле зрения левого глаза стояло тёмное пятно, этим глазом я не мог прочесть ни единой строчки. Офтальмологи поставили беспощадный диагноз: кровоизлияние в центральной (макулярной) области глаза (“пятно Фукса”). Лечение в июле-августе в глазном отделении Новосибирской городской больницы (уколы, капельницы, пиявки) не принесли кардинального улучшения. В ноябре того же года операцию на левом глазу (она называлась реваскулизация) мне делал известный профессор В.В. Лантух. Сначала действительно “пятно” посветлело, в поле зрения стали появляться какие-то детали реальных предметов, но затем снова пятно потускнело, потемнело. Зрение левым глазом вернулось в исходное “нулевое” состояние.

Вероятно, произошедшее было реакцией моего организма на череду производственных и семейных моральных травм и переживаний тех лет. Может быть, своего рода предостережением о грядущих событиях. А они назревали: и в стране, и в Гидрометслужбе. В апреле 1986 года грянула ядерная катастрофа, взрыв на атомной станции (АЭС) Чернобыль. А осенью пришли из Госкомгидромета материалы о перестройке в Гидрометслужбе.: переходе на новую систему оплаты труда за счёт “оптимизации” работы и сокращения штатной численности всех структур Службы. Начинались новые тревожные события, но об этом в следующих главах моих “осколков”.

Продолжение следует...